

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

№ 4 (48)

2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВО

<i>Романовская О. В.</i> Делегирование властных полномочий в российском дореволюционном учении о государстве и праве	5
<i>Синцов Г. В., Феоктистов Д. Е.</i> Свобода мысли и слова в контексте противодействия информационному экстремизму.....	15
<i>Жерена Ю. С., Сизов В. А.</i> Проблемные вопросы при выявлении фактов взяточничества в свете изменений антикоррупционного законодательства	22
<i>Мкртчян А. Д., Валуйсков Н. В., Бондаренко Л. В.</i> Особенности российской доктрины гражданско-правовых отношений в разрезе имущественных прав на природные ресурсы.....	31
<i>Лаврентьева И. М.</i> Некоторые правовые аспекты организации деятельности мировых судей в субъекте Российской Федерации	40
<i>Ермолаев К. А.</i> Перспективы развития специализированных судебных органов в Российской Федерации	48
<i>Николаев Б. В.</i> Система источников избирательного права в США.....	59

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Ламихов Ю. Б., Антонова О. Г.</i> Теоретические подходы к исследованию трудовой мотивации работников	71
<i>Дыльнова З. М., Семенова Ю. А.</i> Малое предпринимательство в России: анализ предпосылок развития, сущность и критерии	81
<i>Демененко И. А., Шавырина И. В.</i> Параметры вузовской среды в оценке студенческой молодежи	91
<i>Ильдарханова Ф. А.</i> Конструирование демографических процессов в Республике Татарстан: потенциал ресурсов государственного управления	101
<i>Шиняева О. В., Слепова О. М.</i> Деятельность публичных библиотек в контексте социальной адаптации населения.....	108

ЭКОНОМИКА

<i>Перепёлкин В. А., Перепёлкина Е. В.</i> Оценка человеческого капитала страны как фактора формирования конкурентных преимуществ национальной экономики.....	121
<i>Чернецова Н. С., Абдуллаев Г. С.</i> Формирование благоприятного инвестиционного климата в российской экономике	130
<i>Чистякова Е. А., Соколова О. Ю., Захарова С. В., Скворцова В. А., Скворцов А. О.</i> ЕАЭС – Китай: новый этап сотрудничества.....	141
<i>Шамкина Е. В., Землякова Н. С.</i> Особенности формирования и становления пенсионного обеспечения России в XIX–XX вв.....	150
<i>Суровицкая Г. В., Гамидуллаева Л. А.</i> Модернизация опорных университетов России в контексте обеспечения устойчивого развития региональных экономических систем.....	159
<i>Бурланков С. П., Володин В. М., Иванова Н. В., Плеханова Е. А., Хайров Р. Р.</i> Экономическая сущность рыночного потенциала сельскохозяйственного предприятия в региональном агропромышленном комплексе	169
<i>Краснокутский П. А., Змяк С. С., Володина Н. В.</i> Инклюзивный подход как инструмент снижения уровня дифференциации социально-экономического развития регионов (на примере регионов Южного федерального округа)	178

**UNIVERSITY PROCEEDINGS
VOLGA REGION**

SOCIAL SCIENCES

№ 4 (48)

2018

CONTENTS

LAW

<i>Romanovskaya O. V.</i> Delegation of power in the Russian pre-revolutionary doctrine of the state and law	5
<i>Sintsov G. V., Feoktistov D. E.</i> Freedom of thought and word in the context of countering information extremism	15
<i>Zherepa Yu. S., Sizov V. A.</i> Problems during the identification of facts of bribery in the light of anti-corruption legislation alteration	22
<i>Mkrtychyan A. D., Valuyskov N. V., Bondarenko L. V.</i> Peculiarities of the Russian doctrine of civil legal relations in the cross-section of proprietary rights to natural resources.....	31
<i>Lavrent'eva I. M.</i> Some legal aspects of the organization of activities of magistrates in subjects of the Russian Federation.....	40
<i>Ermolaev K. A.</i> Development prospects for specialized judicial bodies in the Russian Federation	48
<i>Nikolaev B. V.</i> The system of sources of legal regulation of electoral relations in the USA.....	59

SOCIOLOGY

<i>Lamikhov Yu. B., Antonova O. G.</i> Theoretical approaches to the study of labor motivation of workers	71
<i>Dyl'nova Z. M., Semenova Yu. A.</i> Small business in Russia: an analysis of development prerequisites, the nature and criteria	81
<i>Demenenko I. A., Shavyrina I. V.</i> Parameters of university environment in the assessment of student youth	91
<i>Il'darkhanova F. A.</i> Constructing demographic processes in the Republic of Tatarstan: the potential of public administration resources.....	101
<i>Shinyaeva O. V., Slepova O. M.</i> The activities of public libraries in the context of social adaptation of the population.....	108

ECONOMICS

<i>Perepelkin V. A., Perepelkina E. V.</i> Assessment of country's human capital as a factor of national economy's competitive advantages formation	121
<i>Chernetsova N. S., Abdullaev G. S.</i> Creating a favourable investment climate in the Russian economy	130
<i>Chistyakova E. A., Sokolova O. Yu., Zakharova S. V., Skvortsova V. A., Skvortsov A. O.</i> EEU – China: a new stage of cooperation	141
<i>Shamkina E. V., Zemlyakova N. S.</i> Establishment features of the pension system in Russia in XIX–XX centuries	150
<i>Surovitskaya G. V., Gamidullaeva L. A.</i> Modernization of flagship universities of Russia in the context of sustainable development of regional economic systems.....	159
<i>Burlankov S. P., Volodin V. M., Ivanova N. V., Plekhanova E. A., Khayrov R. R.</i> The economic essence of the market potential of agricultural enterprises in the regional agro-industrial complex	169
<i>Krasnokutskiy P. A., Zmiyak S. S., Volodina N. V.</i> The inclusive approach as a tool to reduce the differentiation level of socio-economic development of regions (by the example of the regions of Southern Federal District)	178

УДК 342.59

DOI 10.21685/2072-3016-2018-4-1

О. В. Романовская

ДЕЛЕГИРОВАНИЕ ВЛАСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ В РОССИЙСКОМ ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ УЧЕНИИ О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ¹

Аннотация.

Актуальность и цели. Делегирование властных полномочий негосударственным организациям – распространенная практика в современном мире. Она рассматривается как возможность повышения эффективности публичного управления и характерна для демократических государств, основанных на определенных конституционных принципах. В то же время теоретические основы делегирования власти были изложены еще в доктринальных источниках дореволюционных ученых-юристов. Их выводы и рекомендации могут быть использованы в современной юридической практике. Цель работы – провести историко-правовое исследование принципов перераспределения полномочий органов государственной власти с учетом вовлечения негосударственных организаций.

Материалы и методы. Исследовательские задачи были решены благодаря научному анализу широкого спектра источников, посвященных проблемам организации государственной власти. В качестве метода исследования в первую очередь был использован историко-правовой, позволивший провести параллели с современной моделью делегирования властных полномочий негосударственным организациям.

Результаты. Представлен общий вывод о самостоятельности государства в определении агентов, реализующих его властные функции. При этом их перечень и статус носят вторичный характер по отношению к общим признакам государства.

Выводы. В статье указано на основную доктрину в дореволюционных юридических исследованиях относительно наличия Верховной власти. Власть как таковая определялась как базовый признак любого государства. Выделена концепция публичных корпораций.

Ключевые слова: делегирование, полномочия, государство, власть, государственный орган.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-03-50051-ОГН.

© 2018 Романовская О. В. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

DELEGATION OF POWER IN THE RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY DOCTRINE OF THE STATE AND LAW

Abstract.

Background. The delegation of authority to non-governmental organizations is a common practice in the modern world. It is considered as an opportunity to increase the efficiency of public administration and is characteristic of democratic states based on certain constitutional principles. At the same time, the theoretical foundations of the delegation of power were outlined in doctrinal sources of pre-revolutionary legal scholars. Their conclusions and recommendations can be used in modern legal practice. The objective of the work is to conduct a historical and legal study of the principles of redistribution of powers of public authorities, taking into account the involvement of non-governmental organizations.

Materials and methods. The research tasks were solved by means of a scientific analysis of a wide range of sources devoted to the problems of the organization of state power. As a method of research, in the first place, historical-legal was used, which made it possible to draw parallels with the modern model of delegation of powers to non-governmental organizations.

Results. The general conclusion about independence of the state in definition of the agents realizing its imperious functions is presented. At the same time, their list and status is secondary to the general characteristics of the state.

Conclusions. The article points to the main doctrine in pre-revolutionary legal studies regarding the presence of supreme power. Power, as such, was defined as the basic attribute of any state. The concept of public corporations is highlighted.

Keywords: delegation, authority, state, authority, government agency.

Понятие государственной власти имеет многоплановый характер и волнует умы ученых на протяжении многих столетий. Институциональным воплощением ее выступают органы, которые характеризуются как проводники государственной воли. В то же время практика публичного управления знает значительное число примеров вовлечения в этот процесс негосударственных организаций. Ранее подобные случаи не подлежали какой-то жесткой правовой оценке, поскольку во главу угла ставился принцип абсолютности монархической власти: кому глава государства доверил действовать от своего имени, тот и осуществляет властные полномочия. Уже при появлении первых конституций вопрос о субъектах осуществления власти стал носить принципиальный характер. В современном мире появляется целый терминологический ряд (делегирование, деконцентрация, дерегулирование и др.), отражающий определенные «оттенки» осуществления власти, где один из ее участников – субъект с нестандартным статусом. В то же время первые научные исследования проводились в России задолго до принятия первой Конституции и относились к дореволюционному этапу развития. Обратимся к некоторым из них, выделим, насколько глубоко рассматривался в них институт делегирования власти.

Известный правовед И. А. Ильин рассматривал формы общежития, в числе которых особое место уделялось государству [1]. Характеризуя особенности реализации власти, он использовал термин «распределение», отсутствие которого привело бы к параличу государства. Ученый не трактовал

единство государственной власти как ее принадлежность одному органу, «нераспределимость функций и компетенций». Есть «единство волеуправления», которое и определяет перечень субъектов, уполномоченных на ее воплощение [2, с. 5].

Российский дореволюционный ученый Б. А. Кистяковский характеризовал государство как «оседлый на определенной территории народ, объединенный известной степенью социальной солидарности и обладающий организованной властью» [3, с. 90]. Государство воспринималось им в классическом виде как монополия на власть: «Только государство обладает всей полнотой власти и располагает всеми ее формами. Все остальные социальные организации обладают лишь частичной властью или какую-нибудь одной из ее форм. Притом власть всех остальных социальных организаций нуждается для своего осуществления в санкции со стороны государственной власти». Одновременно с признанием классической модели осуществления власти органами государства Б. А. Кистяковский указывал на публично-правовые организации, которые не являются государством, но обладают сходной властью. Он выделял такие «автономные организации», как церкви, иные религиозные общины, относя к ним (в какой-то мере) и университеты. Автор называет их «публично-правовыми корпорациями», но при этом дополняет: «Однако все эти публично-правовые организации применяют не свою власть, а власть государства, они обладают властью лишь постольку, поскольку государство наделяет их ею; помимо государства они никакой властью не располагают. Государство отличается от этих публично-правовых союзов тем, что оно ни от кого не заимствует своей власти; оно обладает своей собственной властью, которая не только возникает в нем самом, но и поддерживается и ограничивается его собственными средствами» [4, с. 6].

Н. М. Коркунов рассматривал государственную власть как особую группу реальных явлений общественной жизни [5, с. 10]. При этом он подчеркивал, что невозможно объяснить государственное властвование как действие единой воли: «Если бы государственное властвование было действием единой воли, все осуществляющие это властвование установления должны бы были быть устроены так, чтобы выражать эту единую волю. Между тем в действительности очень часто государственным установлениям придается намеренно такой состав, строй и порядок действия, чтобы парализовать ими проявление в действиях установления всегда единой воли» [5, с. 12]. В качестве примера автор приводит назначение на должности по жребию, практиковавшееся в древних государствах. Оригинальность идей Н. М. Коркунова заключается в том, что он указывает на иные механизмы, обеспечивающие государству возможность властвовать, – «это сила, обусловленная сознанием зависимости от государства». Но зависимость эта строится не на всемогуществе государства, а на единстве языка, обычаев, культуры, родственных и общественных связей. Государство лишь пользуется этими «скрепами», становится формой общественного жития, «человеческого общения». Автор справедливо указывает, что долгое время в теории государства и права не ставился так принципиально вопрос о разделении общества и государства. При таком подходе делегирование власти и выделение его особенностей не носило принципиальный характер. Общественные и государственные институты находились в тесном переплетении, когда сложно было провести саму

разделительную черту. Можно вспомнить массу примеров, когда семья [6] выполняла функции государства, а в некоторых случаях являлась основой государства. Точно так же церковь являла собой костяк государства, а в некоторых случаях подменяла органы правотворчества и управления. Цеховые гильдии определяли правила регулирования всех общественных отношений, создав основу для формирования многих европейских городов-республик. И лишь историческое развитие приводит к полному установлению монополии государства на принуждение, в чем Н. М. Коркунов видит развитие политической жизни.

Делегирование упоминается А. Д. Градовским, но в узком смысле, только применительно к земским собраниям. При этом делается ремарка, что подобное явление появилось в Российской империи недавно, после реформы местного самоуправления [7]. Автор представляет исторический экскурс в процесс становления аппарата государственного управления, где личное служение видоизменяется в государственную службу.

А. Я. Антонович (как и А. Д. Градовский) делегирование рассматривал через участие земств в «удовлетворении местных потребностей», дополняя: «Государство передает часть своего дела общественным союзам, видя в этом один из наиболее целесообразных способов осуществления задачи благоустройства. Союзы эти поэтому представляются органами полицейской деятельности государства же. Из этого видно, что органы самоуправления не могут существовать независимо от органов управления. Те и другие преследуют цели государственного благоустройства, между ними должно быть единение, а не антагонизм. Самоуправление является одним из способов наилучшего достижения целей благоустройства, т.е. одной из форм общего управления. Поручая органам самоуправления определенные задачи, государство не может отказаться от надзора и контроля за выполнением этих задач... Передавая задачи местного благоустройства органам самоуправления, государство не только не может отказаться от наблюдения за выполнением им же вверенного поручения, но некоторые из них объявляет обязательными» [8].

Другой представитель российской юридической науки И. Т. Тарасов, сторонник русской терминологии, предвидел перспективы вовлечения негосударственных организаций в процесс реализации публичных полномочий. Критикуя термин «ассоциация», он предлагал новый – «соединство»: «Соединство, в тесном смысле, как орган управления является продуктом новейшего времени, и мы живем в такую эпоху, когда эта новая, живая сила энергически пробивает себе все большую и большую область деятельности, в пределы которой входят не только прежде известные, но и вновь открытые задачи. Многие задачи, выполняемые теперь органами соединства, выполнялись прежде органами правительства и самоуправления, но еще большее количество задач, выполнение которых органами соединства оказало и теперь оказывает неисчерпаемые услуги человечеству, было дотоле неизвестно» [9, с. 35]. Далее автор определяет виды соединства: «Соединство, в этом тесном смысле, обнимает собою только некоторые, законом определенные, формы общения, за которыми признано значение органов управления, т.е. не частных учреждений, преследующих частные цели, а учреждений общественных, преследующих цели общественные. Формы эти – корпорации (учреждения), общества и товарищества». И. Т. Тарасов, представив общую картину,

при этом уходил от детального разбора, в чем выражался публичный элемент рассматриваемых соединств. К тому же он выделял и иные формы общения, заключающие в себе лишь некоторые элементы соединства: «Сюда следует отнести: 1) брачный союз, семью и, так называемое, *communio*, имеющее место, например, при общем владении наследством, конкурсном управлении имуществом должника и т.п.; 2) договорные общества, возникающие из хозяйственных потребностей и известные под названием *societates*; 3) общежития территориальные, профессиональные и т.п.; 4) собрания и съезды политические и неполитические и 5) тайные союзы» [9, с. 37]. Последние в качестве примера представлены масонскими ложами.

Союзы, преследующие общественные интересы, выделял А. С. Алексеев. Он отличал их от союзов, у которых преобладали частные цели. Особенность первых заключается в том, что мотивы их создания находятся в «сознании общей пользы». Граждане, участвующие в деятельности таких союзов, отделяют свой частный интерес, а общественный интерес получает самостоятельное значение. Автор приводил и собственную классификацию в зависимости от преследования общественного интереса: «Есть общественные интересы, преследование которых для каждого человека является неотразимым требованием его культурного прошлого и не зависит поэтому от его доброй воли: он должен их преследовать, если и не хочет отказаться от общения с себе подобными. И есть другие интересы, которые таким неотразимым требованием не являются: от доброй воли каждого зависит, преследовать их или нет. Союзы, преследующие интересы первого рода, называются произвольными союзами: к ним принадлежат корпорации публичного права (государство, церковь, община). Союзы, преследующие интересы второго рода, называются произвольными союзами: к ним принадлежат корпорации гражданского права» [10, с. 27]. А. С. Алексеев при этом определял государство как «союзное общественное господство», как союз свободных людей, «признающих над собой не личную власть, а только власть общественную» [10, с. 28].

В трудах ученых дореволюционного времени значительное внимание уделялось принципу единства государственной власти. Б. Э. Нольде сводил представление о единстве к тому, «что в едином государстве имеется не только один центр государственной власти и один ее источник, но, кроме того, власть эта из такого центра симметрично, правильными волнами, распространяется в однообразных формах на каждую часть территории и на каждую группу населения» [11, с. 254]. Следуя выделенной традиции, он дополнял: «Дележ государственной работы между служилым элементом, коронными агентами государственной власти, с одной стороны, и автономными организациями, с другой, является одним из характернейших явлений государственной жизни». Но и в этом случае под автономными организациями Б. Э. Нольде понимал территориальные образования, которые в той или иной мере ощущают некоторую самостоятельность в решении собственных вопросов. Но даже в этом аспекте ученый подчеркивал: «Государственная природа самоуправления несомненна» [11, с. 260].

О. Эйхельман указывал, что человек черпает жизненный мотив «из своего просвещенного и разумного понимания о государстве» [12, с. 11], которое обозначалось им как «моральное существо». Исходя из этого, власть определялась как неограниченная и самодержавная, а государство – «органи-

зованное господство над страной и населением». Таким образом государство свободно в определении субъектов, осуществляющих власть от его имени. Подобные рассуждения находили свое отражение в концепции «Верховной власти», получившей свое развитие еще в Наказе Екатерины II (с дополнениями к нему 1768 г.): «Право же от власти Верховной неотделимое было, есть и будет: 1) власть законодательная, 2) власть защитительная и 3) власть совершительная... Власти эти суть малые протоки, сиречь правительства, через которые изливается власть государева». А. В. Романович-Славитинский на основе представленного тезиса выразил общую формулу организации власти: «Таким образом, правительственные функции, как власть, принадлежат только государю. Правительственные же функции властей подчиненных – только полномочия, **делегации** (выделено мной – О. Р.) от власти Верховной, в объеме и пределах, законом точно обозначенных» [13, с. 260].

В. В. Ивановский рассматривал суть единства государственной власти в абсолютной монархии, которая заключалась в простом факте: сосредоточении ее в руках одного лица – самодержца. В то же время «не было еще такого примера, чтобы власть проявлялась и осуществлялась одним физическим лицом без посторонней помощи и организации» [14, с. 87]. Для этого и создается система агентов, но имеющая обязательный признак – «единство властвования». Самодержец самостоятельно определяет перечень агентов, позволяющих реализовать принадлежащую ему власть. Л. А. Шалланд указывает: «Всякий общественный союз может существовать лишь при наличии известных учреждений или лиц, могущих выражать во вне его волю. Для высшего общественного союза – государства – также необходимы органы, через которые оно проявляет свою волю, так как проявление воли является необходимым условием государственного властвования» [15, с. 66].

Таким образом, возможность делегирования власти имеет своеобразное толкование: от Верховной власти – органам, ее реализующим. Дореволюционная юридическая наука именно поэтому практически не использовала и термин «делегирование», поскольку его как такового и не было. Создание агентов – естественная необходимость, делегирование же подразумевает элемент «своеволия». Такой же естественный путь рассредоточения власти абсолютного монарха начертал и А. И. Елистратов: «По мере усложнения задач государственной деятельности он все шире пользуется услугами должностных лиц. Первоначально должностные лица являются не более, как личными слугами короля; они служат ему по найму; их обязанности состоят в исполнении отдельных поручений. И лишь впоследствии служебное бремя должностного лица превращается в определенный комплекс публичных обязанностей и прав – в определенную, юридически скомбинированную, совокупность заданий публичной деятельности в связи с предоставленными в распоряжение должностного лица средствами к их осуществлению. У отдельных групп должностных лиц создается определенная, устойчивая компетенция, укрепляющая их самостоятельность» [16, с. 31]. С. А. Корф указывал на «процесс дифференциации государственной власти», что и приводило к большому разнообразию ее осуществления [17, с. 32].

Завершая анализ дореволюционной государствоведческой мысли, следует обратить внимание на работу В. И. Дунаева и А. А. Никитинского [18], в которой есть глава с примечательным названием «Государство будущего». Авторы представляют общий обзор исследований современных им мыслите-

лей: Г. Еллинека, Ш. Бенуа, М. Леруа и др. Обобщив ряд работ, российские исследователи определили, что появилась заметная тенденция – формирование новых центров регулирования общественных отношений. Каждый из авторов указывал на появление различных предпринимательских и рабочих союзов – «дифференцированных организаций», все больше смещающих вектор влияния на принятие общегосударственных решений. Подобные союзы более компетентны, объединяют заинтересованных граждан, самоорганизующихся и умеющих формулировать требования, которые бы наиболее соответствовали их интересам. Российские ученые не согласны с таким видением, считая, что «до сих пор, по крайней мере, эволюция шла в сторону централизации» [18, с. 200], но при этом отмечая намечающуюся тенденцию: развитие демократических начал приведет к пересмотру роли бюрократии и чиновничества в регулировании общественных отношений. Уже в то время исследователи указывали на определенную нестыковку: как частнопроводные организации могут перенять функции государства, если их юридическая природа (организации и государства) прямо противоположны? Будучи приверженцами социалистического учения, В. И. Дунаев и А. А. Никитинский отмечают и появление «реакционных организаций» – союзов предпринимателей, рангов, трестов и т.д.: «Им незачем завоевывать государственную власть: она большею частью в их руках, и речь идет только о том, чтобы удержать ее. Буржуазное государство не может серьезно бороться с ними, хотя и испытывает иногда неудобство существования таких могущественных организаций наряду с собою и в себе. Поэтому можно ожидать роста увеличения их повсюду» [18, с. 208].

Революционные события привели к полному изменению государствоведческой мысли. В 1918 г. произошло принятие Конституции РСФСР, объявившей диктатуру пролетариата и установившей цель – построение коммунистического общества. Марксистско-ленинская идеология строилась на постепенном отмирании государства. Закреплялось всевластие советов и господство одной партии. Любые рассуждения о возможности делегирования власти негосударственным организациям могли быть оценены как покушение на верховенство Коммунистической партии [19]. Понадобилось чуть более 70 лет, чтобы российский вектор развития вернулся в цивилизованное русло, когда те мысли, которые были сформулированы дореволюционными учеными-юристами, могут быть использованы в современной управленческой практике.

Обобщая труды дореволюционных ученых-государствоведов, формулируем некоторые тезисы:

1. Власть определялась как базовый признак любого государства. В ее отсутствие можно было констатировать и отсутствие государства.
2. Наибольшее распространение получило учение о наличии Верховной власти, которая в условиях монархического строя принадлежала государю.
3. Естественная необходимость реализации государственной власти приводит к созданию государственного аппарата и чиновничества. С усложнением общественных отношений, все больше нуждающихся в публичном регулировании, развивается и аппарат реализации публичных функций.
4. Государство самостоятельно в определении агентов, реализующих его властные функции. Их перечень и статус являются вторичными по отно-

шению к общим признакам государства как публично-правовой корпорации, обладающей статусом юридического лица.

5. Российская юридическая наука анализировала статус публичных корпораций, включавших в себя «правительственный элемент», допуская создание подобных (при соблюдении ряда условий, в числе которых особый правительственный надзор) в национальном правовом порядке.

Библиографический список

1. **Ильин, И. А.** Теория права и государства / И. А. Ильин. – М. : Зерцало, 2003. – 400 с.
2. **Романовский, Г. Б.** О монархии (памяти И. А. Ильина и к 400-летию Дома Романовых) / Г. Б. Романовский // Гражданин и право. – 2013. – № 10. – С. 3–9.
3. **Кистяковский, Б. А.** Государственное право (общее и русское) : лекции. Ч. 1 / Б. А. Кистяковский. – М. : Московская типо-литография, 1909. – 432 с.
4. **Кистяковский, Б. А.** Сущность государственной власти / Б. А. Кистяковский // Юридические записки, издаваемые Демидовским юридическим лицеем. – 1913. – Вып. 3. – С. 297–335.
5. **Коркунов, Н. М.** Русское государственное право / Н. М. Коркунов. – Изд. 6-е. – СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1908. – Т. 1. – 623 с.
6. **Романовская, О. В.** «Семейные» объединения граждан в российском праве / О. В. Романовская // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2009. – № 5. – С. 121–133.
7. **Градовский, А. Д.** Начала русского государственного права : в 3 т. / А. Д. Градовский. – СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1875. – Т. 1. – 470 с.
8. **Антонович, А. Я.** Курс государственного благоустройства (полицейского права) / А. Я. Антонович. – Киев, 1890. – 410 с.
9. **Тарасов, И. Т.** Лекции по полицейскому (административному) праву / И. Т. Тарасов. – М. : Печатня А. И. Снегиревой, 1910. – Т. 2. Общая часть. – 266 с.
10. **Алексеев, А. С.** К учению о юридической природе государства и государственной власти / А. С. Алексеев. – М. : Тип. Правительствующего Сената, 1895. – 262 с.
11. **Нольде, Б. Э.** Очерки русского государственного права / Б. Э. Нольде. – СПб. : Правда, 1911. – 564 с.
12. **Эйхельман, О.** Очерки из лекций по русскому государственному праву / О. Эйхельман. – Киев, 1893. – 126 с.
13. **Романович-Славитинский, А. В.** Система русского государственного права в ее историко-догматическом развитии / А. В. Романович-Славитинский. – Киев : Тип. Г. Л. Фронцкевича, 1886. – Ч. 1. Основные государственные законы. – 308 с.
14. **Ивановский, В. В.** Учебник государственного права / В. В. Ивановский. – Казань : Типолитография Императорского университета, 1908. – 511 с.
15. **Шалланд, Л. А.** Русское государственное право / Л. А. Шалланд. – Юрьев : Издание студентов юристов, 1908. – 272 с.
16. **Елистратов, А. И.** Очерк государственного права (конституционное право) / А. И. Елистратов. – Изд. 2-е, перераб. – М. : Тип. и цинкогр. т./д. «Мысль», 1915. – 167 с.
17. **Корф, С. А.** Русское государственное право / С. А. Корф. – М. : Скоропеч, А. А. Левенсон, 1915. – Ч. 1. – 321 с.
18. **Дунаев, В. И.** Очерки науки о государстве / В. И. Дунаев, А. А. Никитинский. – М. : Польза, 1909. – 208 с.
19. **Романовский, Г. Б.** О праве на восстание (к 100-летию Октябрьской революции) / Г. Б. Романовский // Гражданин и право. – 2017. – № 9. – С. 17–30.

References

1. Il'in I. A. *Teoriya prava i gosudarstva* [The theory of state and law]. Moscow: Zertsalo, 2003, 400 p.
2. Romanovskiy G. B. *Grazhdanin i pravo* [The citizen and the law]. 2013, no. 10, pp. 3–9.
3. Kistyakovskiy B. A. *Gosudarstvennoe pravo (obshchee i russkoe): lektsii. Ch. 1* [State law (common and Russian): lectures. Part 1]. Moscow: Moskovskaya tipo-litografiya, 1909, 432 p.
4. Kistyakovskiy B. A. *Yuridicheskie zapiski, izdavaemye Demidovskim yuridicheskim litseem* [Juridical proceedings issued by Demidovskiy Lyceum of Law]. 1913, iss. 3, pp. 297–335.
5. Korkunov N. M. *Russkoe gosudarstvennoe pravo* [Russian state law]. 6th ed. Saint-Petersburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1908, vol. 1, 623 p.
6. Romanovskaya O. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie* [University proceedings. Jurisprudence]. 2009, no. 5, pp. 121–133.
7. Gradovskiy A. D. *Nachala russkogo gosudarstvennogo prava: v 3 t.* [Principles of the Russian state law: in 3 volumes]. Saint-Petersburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1875, vol. 1, 470 p.
8. Antonovich A. Ya. *Kurs gosudarstvennogo blagoustroystva (politseyskogo prava)* [A course of state improvement (political law)]. Kiev, 1890, 410 p.
9. Tarasov I. T. *Lektsii po politseyskomu (administrativnomu) pravu* [Lectures on police (administrative) law]. Moscow: Pechatnya A. I. Snegirevoy, 1910, vol. 2, 266 p.
10. Alekseev A. S. *K ucheniyu o yuridicheskoy prirode gosudarstva i gosudarstvennoy vlasti* [On the teaching about the juridical nature of state and state power]. Moscow: Tip. Pravitel'stvuyushchego Senata, 1895, 262 p.
11. Nol'de B. E. *Ocherki russkogo gosudarstvennogo prava* [Essays on the Russian state law]. Saint-Petersburg: Pravda, 1911, 564 p.
12. Eykhel'man O. *Ocherki iz lektsiy po russkomu gosudarstvennomu pravu* [Essays from the lectures on the Russian state law]. Kiev, 1893, 126 p.
13. Romanovich-Slavitinskiy A. V. *Sistema russkogo gosudarstvennogo prava v ee istoriko-dogmaticheskoy razvitiy* [The system of Russian state law in its historical-dogmatic development]. Kiev: Tip. G. L. Frontskevicha, 1886, part 1, 308 p.
14. Ivanovskiy V. V. *Uchebnik gosudarstvennogo prava* [A state law textbook]. Kazan: Tipolitografiya Imperatorskogo universiteta, 1908, 511 p.
15. Shalland L. A. *Russkoe gosudarstvennoe pravo* [The Russian state law]. Yurev: Izdanie studentov yuristov, 1908, 272 p.
16. Elistratov A. I. *Ocherk gosudarstvennogo prava (konstitutsionnoe pravo)* [An essay on state law (constitutional law)]. 2nd ed. rev. Moscow: Tip. i tsinkogr. t./d. «Mysl'», 1915, 167 p.
17. Korf S. A. *Russkoe gosudarstvennoe pravo* [The Russian state law]. Moscow: Skoropech, A. A. Levenson, 1915, part 1, 321 p.
18. Dunaev V. I., Nikitinskiy A. A. *Ocherki nauki o gosudarstve* [Essays on science of the state]. Moscow: Pol'za, 1909, 208 p.
19. Romanovskiy G. B. *Grazhdanin i pravo* [The citizen and the law]. 2017, no. 9, pp. 17–30.

Романовская Ольга Валентиновна

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой государственно-
правовых дисциплин, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Romanovskaya Ol'ga Valentinovna

Doctor of juridical sciences, professor, head
of sub-department of state-legal disciplines,
Penza State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

E-mail: vlad93@sura.ru

УДК 342.59

Романовская, О. В.

Делегирование властных полномочий в российском дореволюционном учении о государстве и праве / О. В. Романовская // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2018. – № 4 (48). – С. 5–14. – DOI 10.21685/2072-3016-2018-4-1.

СВОБОДА МЫСЛИ И СЛОВА В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИНФОРМАЦИОННОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ

Аннотация.

Актуальность и цели. Одной из социальных реакций на сложившийся политический и общественный уклад, правовое и неправовое положение отдельных социальных групп могут быть проявления определенных крайних и радикальных настроений и взглядов в социуме, а в последующем и крайних действий. И если Конституция РФ признает за каждым свободу мысли, т.е. те границы, за которые государство точно не сможет пройти (по крайней мере с учетом развития современных технологий), то свободу слова государство в известной степени может ограничивать – «в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

Материалы и методы. Проведен анализ научной литературы по теме исследования.

Результаты. Настала необходимость корректировать законодательство и правоприменение в сторону не борьбы с отдельными высказываниями в публичном пространстве, а борьбы с действительно серьезными информационно-правовыми проблемами распространения экстремизма. Как показывает современная практика, большинство информации ушло именно в сеть Интернет, и игнорировать данные тенденции нельзя.

Выводы. Недопустимо все проявления свободы мысли и слова, пусть и радикальные, квалифицировать как экстремистские. Правовое регулирование в данной сфере должно быть очень осторожным, важно не нарушить тот баланс между свободой в демократическом обществе, правами и свободами одного человека и национальной безопасностью, обеспечением прав и свобод других людей.

Ключевые слова: экстремизм, свобода мысли, свобода слова, ограничение конституционных прав и свобод.

G. V. Sintsov, D. E. Feoktistov

FREEDOM OF THOUGHT AND WORD IN THE CONTEXT OF COUNTERING INFORMATION EXTREMISM

Abstract.

Background. One of social reactions to the current political and social structure, the legal and non-legal status of certain social groups may be manifestations of certain extreme and radical sentiments and attitudes in society, and subsequently

extreme actions. And if the Constitution of the Russian Federation recognizes freedom of thought for everyone, i.e. the borders beyond which the state will definitely not be able to pass (at least in view of the development of modern technologies), the state may limit freedom of speech to a certain extent – “in order to protect the fundamentals of the constitutional order, morality, health, rights and legitimate interests of persons, ensuring the defense of the country and the security of the state” (part 3 article 55 of the Constitution of the Russian Federation).

Materials and methods. The authors analyzed scientific literature on the research topic.

Results. The necessity has risen to correct the legislation and law-application in the direction of not fighting individual statements in the public space, but rather against truly serious information and legal problems of the spread of extremism. As modern practice shows, most of the information is gone to the Internet, and these trends cannot be ignored.

Conclusions. It is unacceptable to qualify all manifestations of freedom of thought and speech, even radical ones, as extremist. Legal regulation in this area should be very careful, it is important not to upset the balance between freedom in a democratic society, the rights and freedoms of one person and national security, ensuring the rights and freedoms of others.

Keywords: extremism, freedom of thought, freedom of speech, limitation of constitutional rights and freedoms.

Одной из социальных реакций на сложившийся политический и общественный уклад, правовое и неправовое положение отдельных социальных групп могут быть проявления определенных крайних и радикальных настроений и взглядов в социуме, а в последующем и крайних действий.

И если Конституция РФ признает за каждым свободу мысли, т.е. те границы, за которые государство точно не сможет пройти (по крайней мере с учетом развития современных технологий), то свободу слова государство в известной степени может ограничивать – «в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ) [1].

«Свобода мысли характеризует духовную свободу человека, его внутренний мир, поэтому сама по себе она не может быть предметом регулирования правом. Вместе с тем мышление, мысль лежат в основе любой деятельности человека, обуславливают его социальную активность, взаимоотношения с другими людьми, обществом, государством... Формой мысли является ее языковое, словесное выражение (устное или письменное), другие знаковые системы общения, например художественные формы. Гарантирование Конституцией РФ каждому свободы мысли означает с точки зрения правовых требований невмешательство государства в процесс формирования собственных мнений и убеждений человека, защиту его от любого иного вмешательства, недопущение какого-либо идеологического диктата, насилия или контроля над личностью» (комментарий к ст. 29 Конституции РФ) [2].

Свободу мысли и слова Конституция РФ рассматривает как единую свободу, возможность свободно мыслить и возможность свободно выражать свои мысли без опасения каких-либо преследований, и в первую очередь со стороны государства. «Свобода мысли и слова подразумевает возможность

свободомыслия, инакомыслия и вольнодумства и тем самым гарантирует право человека критиковать общепринятые нормы морали, права, религии» (комментарий к ст. 29 Конституции РФ) [3].

Указанные конституционные свободы стали воплощением международных стандартов, однако в своей специфичной интерпретации. Так, свобода мысли провозглашена в ст. 9 «Свобода мысли, совести и религии» Конвенции о защите прав и основных свобод 1950 г., однако, как видно из самого названия статьи, используется здесь в более религиозном контексте.

Свобода мысли и слова, какими они воспроизведены в Конституции РФ, по своей природе и содержанию более тождественна свободе выражения мнения, закрепленной в ст. 10 Конвенции. В содержание данной свободы включается право свободно выражать свое мнение, придерживаться своего мнения, получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичной власти.

Аналогично с Конституцией РФ европейское международное право допускает и возможность ограничения данной свободы до пределов необходимого обеспечения «национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц...». Тем самым осуществление данной свободы не является абсолютным, оно «сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе» для указанных выше целей (ч. 2 ст. 10 Конвенции) [4].

Таким образом, свобода выражения мнения – это не только признаваемая и гарантированная государством и международным сообществом свобода личности, но и определенные требования к личности в части контекста выражения мнения, а в крайних случаях и установленная национальным правом ответственности за нарушение соответствующих требований.

Российское публичное право допускает выражение крайних мнений, содержащих в том числе критику государства в лице его органов и должностных лиц. В то же время для целей, указанных в Конституции РФ и Конвенции о защите прав и основных свобод, национальное право позволяет и привлекать к ответственности граждан за выражение крайних радикальных мнений. Проблема состоит в том, что зачастую критику государства правоприменители признают не столько формой выражения свободы мысли и слова (пусть и в очень резкой форме), сколько как экстремистские побуждения и призывы. Присутствие в Уголовном кодексе РФ и Кодексе РФ об административных правонарушениях специальных статей, посвященных экстремистской деятельности, квалификация в качестве таковой поведения людей или отдельного человека, выражающих свою критическую позицию к публичной власти, зачастую приводит к привлечению к ответственности граждан и соответствующие неблагоприятные правовые последствия для них.

Обширность и неоднозначность формулировок современного уголовного, административного и антиэкстремистского законодательства дает правоприменителям возможность привлечь к ответственности любое лицо, не согласное с политикой государства. Принимая к тому же во внимание проводимую Правительством РФ непопулярную социально-экономическую поли-

тику (в том числе относительно повышения пенсионного возраста, повышения налогов на доходы физических лиц, на добавленную стоимость и др.) и реакцию общества на нее, государство будет стремиться обезопасить себя от чрезмерной критики в свой адрес посредством расширения рамок в так называемых экстремистских высказываниях, тем самым сужая границы свободы выражения мнений.

Как же определить тот баланс между свободой мысли и слова человека и обеспечением безопасности государства и общества в информационно-телекоммуникационном пространстве?

Интернет для современного технологического общества является основным источником информации. Как показывают современные реалии, иные способы получения информации либо отмирают вовсе, либо ушли на второй план. Причем больше всего данная тенденция наблюдается именно среди молодежи, которая, с одной стороны, является главным потребителем информации в Интернете, а с другой – наиболее уязвима к влиянию различных идей и течений, в том числе крайних, балансирующих между правом и правонарушением.

Перед гражданским обществом и государством встает ряд актуальных вопросов, которые требуют первоочередного решения. Например: возможно ли расширить границы свободы мысли и слова до тех пределов, что данные свободы не ограничиваются до тех пор, пока не сопряжены с реальными действиями? Причем эти реальные действия должны носить противоправный характер, должен присутствовать умысел в данных действиях, осознание их противоправного характера. Вопрос здесь кроется и в том, каким образом лицо может свободно выражать свое мнение. С одной стороны, в беседе между несколькими лицами вполне можно допустить расширение данных рамок. С другой стороны, если выражение своего мнения выходит на страницы сети Интернет, становится общедоступным для неограниченного числа пользователей, то данные рамки должны быть существенно уже. И наконец, если лицо, например в социальной сети, выразило солидарность с другим пользователем (поставил «лайк» под его сообщением, сделал «репост» на своей странице с данным сообщением), какие границы должны быть здесь? Являются ли данные действия активным или пассивным выражением мнения? Проблема «лайков» и «репостов» в контексте борьбы с информационным экстремизмом была поднята и на прямой линии с В. В. Путиным 7 июня 2018 г. Президент РФ отметил, что «судебная и правоприменительная практика должна находиться в поле зрения общественности и корректироваться», правоприменение в данной сфере «не нужно доводить до маразма и абсурда» [5].

Экстремизм как социальное радикальное явление продемонстрировал способности адаптации к новым условиям, приобретая новые черты и элементы в своем содержании, способах воздействия на население, рекрутировании новых сподвижников, новых возможностях воздействия и донесения информации. Как справедливо заметила О. С. Жукова, Интернет как информационно-коммуникационная сеть общего пользования является наиболее перспективным средством пропаганды экстремистских материалов ввиду «оперативности предоставляемых сведений, относительной дешевизны технологии создания и распространения информации, сложности, а в большинстве случаев невозможности, привлечения к ответственности лиц, разме-

щающих такие материалы в силу отсутствия системы международных соглашений и законодательства, регулирующих вопросы борьбы с распространением экстремистских материалов на сайтах зарубежных государств» [6].

М. Ф. Мусаелян еще в 2009 г., изучая экстремистскую преступность среди молодежи, выделял ряд причин (для того времени), которые порождали и провоцировали рост экстремизма, в том числе распространение в средствах массовой информации (прессе, телевидении, печати, Интернете) экстремистских материалов. Специально автор обращал внимание на интернет-составляющую: наличие соответствующих сайтов, содержащих экстремистские материалы, пропагандирующие соответствующие взгляды и идеологии, призывающие к совершению преступлений на почве ксенофобии, содержащие инструкции по совершению террористических актов, изготовлению оружия и взрывных устройств, иных преступлений [7]. Безусловно, именно данная информация должна пресекаться правоохранителями, именно создатели данных сайтов, а также лица, размещающие там соответствующую информацию, должны нести за это установленную законом ответственность [8].

Таким образом, представляется, что первоочередным направлением государственной политики в указанной сфере должна быть борьба с распространением экстремистских материалов, удаление соответствующего противоправного контента, блокировка сайтов, содержащих данную информацию.

Повсеместное развитие интернет-технологий дало человеку новые возможности для самоидентификации и самовыражения. Как указывалось выше, учитывая непопулярную политику власти, высказывания и предложения отдельных высших должностных лиц государства, растущее недовольство среди населения проводимой государством политикой и современные возможности распространения информации через сеть Интернет, социальные сети и мессенджеры, используя которые люди не всегда ограничиваются рамками морали, допускают излишние эмоции в своих посланиях и постах – в такой публичной и социальной среде привлечение лица за выражение крайних идей и мнений делается весьма возможным. Причем мысли в Интернете не всегда тождественно воспроизводятся в обществе – социальные сети дают человеку псевдовозможность более раскрепощенно и критично высказываться, вплоть до сугубо радикальных выражений и предложений (при этом такие выражения и предложения не исчезают, а сохраняются на просторах Интернета, могут увеличиваться и приумножаться).

Нынешний массив запретительных норм был создан еще в период, когда доступность к интернет-ресурсам не была столь масштабной, не было такого широкого распространения социальных сетей и мессенджеров, основной уклон законодателя в то время был на публичные устные высказывания, публичные действия посредством публикации и распространения традиционных печатных СМИ, т.е. на активные действия людей, выражающие свои крайние взгляды. Эти публичные действия не ставили цель продемонстрировать чувство солидарности с социумом по каким-либо вопросам, напротив, целью было оказать информационное воздействие на сознание общества и отдельных социальных групп, особенно молодежи.

В связи с этим представляется, что настала необходимость корректировать законодательство и правоприменение в сторону не борьбы с отдельными высказываниями в публичном пространстве, а борьбы с действительно серь-

езными информационно-правовыми проблемами распространения экстремизма. Как показывает современная практика, большинство информации ушло именно в сеть Интернет, и игнорировать данные тенденции нельзя. Очевидно одно – недопустимо все проявления свободы мысли и слова, пусть и радикальные, квалифицировать как экстремистские. Правовое регулирование в указанной сфере должно быть очень осторожным, важно не нарушить тот баланс между свободой в демократическом обществе, правами и свободами одного человека и национальной безопасностью, обеспечением прав и свобод других людей.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 9. – Ст. 851.
2. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. Л. В. Лазарева. – М. : Новая правовая культура, 2009 // СПС «Гарант». – 2018. – URL: www.garant.ru.
3. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. Д. Зорькина. – 2-е изд., пересмотр. – М. : Норма : Инфра-М, 2011 // СПС «Гарант». – 2018. – URL: www.garant.ru.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
5. Путин призвал не доводить до маразма борьбу с экстремизмом // Парламентская газета. – URL: <https://www.pnp.ru/social/putin-prizval-ne-dovodit-do-marazma-borbu-s-ekstremizmom.html> (дата обращения: 17.06.2018).
6. **Жукова, О. С.** Правовые меры противодействия информационному экстремизму : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Жукова О. С. – Воронеж, 2006. – С. 6.
7. **Мусаелян, М. Ф.** О причинах современного российского молодежного экстремизма / М. Ф. Мусаелян // Российская юстиция. – 2009. – № 4. – С. 43–46.
8. **Синцов, Г. В.** К вопросу о понимании экстремизма в российской юридической науке / Г. В. Синцов, А. В. Агутин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 1 (37). – С. 5–10.

References

1. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2014, no. 9, art. 851.
2. *Kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii* [Comments to the Constitution of the Russian Federation]. Ed. by L. V. Lazarev. Moscow: Novaya pravovaya kul'tura, 2009. RRS “Garant”. 2018. Available at: www.garant.ru.
3. *Kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii (postateynnyy)* [Comments to the Constitution of the Russian Federation (item-by-item)]. Ed. by V. D. Zor'kin. 2nd ed., rev. Moscow: Norma: Infra-M, 2011. RRS “Garant”. 2018. Available at: www.garant.ru.
4. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Selected laws of the Russian Federation]. 2001, no. 2, art. 163.
5. *Parlamentskaya gazeta* [Parliament newspaper]. Available at: <https://www.pnp.ru/social/putin-prizval-ne-dovodit-do-marazma-borbu-s-ekstremizmom.html> (accessed Jun. 17, 2018).
6. Zhukova O. S. *Pravovye mery protivodeystviya informatsionnomu ekstremizmu: avtoref. dis. kand. yurid. nauk* [Legal measures to counter information extremism: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Voronezh, 2006, p. 6.

7. Musaelyan M. F. *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian justice]. 2009, no. 4, pp. 43–46.
8. Sintsov G. V., Agutin A. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2016, no. 1 (37), pp. 5–10.

Синцов Глеб Владимирович

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой частного
и публичного права, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: g_sintsov@mail.ru

Sintsov Gleb Vladimirovich

Doctor of juridical sciences, professor, head
of sub-department of private and public law,
Penza State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Феоктистов Данил Евгеньевич

кандидат юридических наук, доцент,
кафедра частного и публичного права,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: d_e_f@bk.ru

Feoktistov Danil Evgen'evich

Candidate of juridical sciences, associate
professor, sub-department of private and
public law, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 343

Синцов, Г. В.

Свобода мысли и слова в контексте противодействия информационному экстремизму / Г. В. Синцов, Д. Е. Феоктистов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2018. – № 4 (48). – С. 15–21. – DOI 10.21685/2072-3016-2018-4-2.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ФАКТОВ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА В СВЕТЕ ИЗМЕНЕНИЙ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация.

Актуальность и цели. В связи с внесенными в 2016 г. изменениями в Уголовный кодекс (УК) РФ при выявлении фактов взяточничества у правоохранительных органов возникли проблемы, обусловленные несовершенством действующего законодательства, регламентирующего оперативно-розыскную деятельность. До настоящего времени так и не нашел своего решения вопрос криминализации посредничества в мелком взяточничестве. Криминализация является необходимой, однако для этого важно первоначально решить вопрос о криминализации посредничества во взяточничестве независимо от суммы взятки. Остается открытым вопрос о легальном закреплении понятия «оперативный эксперимент». Указанные пробелы не позволяют проводить соответствующие оперативно-розыскные мероприятия, что зачастую является единственным способом выявления и раскрытия фактов взяточничества, а также приводят к спорным ситуациям при определении правомерности проведения оперативно-розыскных мероприятий правоохранительными органами.

Материалы и методы. В статье проанализированы изменения, внесенные в УК и Уголовно-процессуальный кодекс (УПК) РФ Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ, вступившим в силу с 15 июля 2016 г., Постановлением Президиума Верховного Совета РФ от 15 апреля 2015 г. «О возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств в отношении А. В. Носко (дело № 22-П15)», а также статистических данных МВД России и Управления МВД (УМВД) России по Пензенской области по преступлениям, предусмотренным ст. 290, 291, 291.2 УК РФ.

Результаты. Анализ следственной и судебной практики свидетельствует о том, что имеется прямая зависимость между размером взятки и количеством совершаемых преступлений. Подавляющее большинство взяток – это взятки, размер которых не превышает 10 тыс. руб. Приведенные в статье статистические данные подтверждают, что фактически введенные изменения в УК РФ выделяют мелкое взяточничество в отдельную категорию преступлений, однако не предусматривают, каким образом и какие именно подразделения правоохранительных органов должны заниматься борьбой с ними, что фактически приводит к безнаказанности за мелкое взяточничество. До настоящего времени в правовых нормах не закреплены понятие оперативного эксперимента и процедура его проведения. Необходимо отметить, что ряд положений нашел отражение в приказах правоохранительных органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Вместе с тем ведомственные нормативные акты не способны разрешить проблемы, возникающие при определении законности проведения оперативного эксперимента надзорными органами. Данные обстоятельства усложняют задачу противодействия коррупции и негативно

вливают на эффективность и результативность деятельности правоохранительных органов по пресечению взяточничества.

Выводы. Изменения, внесенные в уголовное законодательство в части ответственности за взяточничество, не в полной мере удовлетворяют потребности правоохранительных органов для эффективного противодействия коррупции. Необходимо рассмотреть вопрос о введении уголовной ответственности за посредничество в мелком взяточничестве, а также законодательно закрепить понятие оперативного эксперимента и регламент его проведения.

Ключевые слова: взяточничество, незаконное денежное вознаграждение, минимальная сумма взятки, оперативно-розыскное мероприятие, оперативный эксперимент, подстрекательские действия, провокация.

Yu. S. Zherepa, V. A. Sizov

PROBLEMS DURING THE IDENTIFICATION OF FACTS OF BRIBERY IN THE LIGHT OF ANTI-CORRUPTION LEGISLATION ALTERATION

Abstract.

Background. In connection with the amendments made in 2016 to the criminal code in identifying the facts of bribery law enforcement agencies have problems due to the imperfection of the current legislation governing the investigative activities. To date, the issue of criminalization of mediation in petty bribery has not been resolved. Criminalization is necessary, but the issue of criminalization of bribery mediation, regardless of the amount of bribes, must first be addressed. The legal consolidation of the concept of operational experiment remains an open question. These gaps do not allow for appropriate operational-detective activities, which is often the only way to identify and disclose bribery, as well as lead to disputes in determining the legality of operational-detective activities by law enforcement agencies.

Materials and methods. The article analyzes changes introduced in the criminal code and the criminal procedure code of the Russian Federation by the Federal law dated July 3rd, 2016 № 324-FZ, which entered into force on July 15, 2016, by the Decree of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation from 15.04.2015, "On the resumption of proceedings on a criminal case due to new circumstances in relation to Nosko A. V. (case № 22-tribe-apparatus P15)", as well as statistical data of the MIA of Russia and the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia across Penza region for the crimes provided for in articles 290, 291 and 291.2 of the criminal code.

Results. An analysis of investigative and judicial practice shows that there is a direct relationship between the size of the bribe and the number of crimes committed. The vast majority of bribes are bribes, the amount of which does not exceed 10 000 rubles. The statistical data presented in the article confirm that the actually introduced changes to the criminal code of the Russian Federation distinguish petty bribery as a separate category of crimes, but do not provide how and what kind of law enforcement agencies should deal with them, which actually leads to impunity for petty bribery. To date, the concept of operational experiment and the procedure for its implementation have not been fixed in the legal norms. It should be noted that a number of provisions are reflected in the orders of law enforcement agencies engaged in operational investigative activities. At the same time, departmental regulations are not able to solve the problems that arise in determining the legality of the operational experiment by Supervisory authorities. These circumstances complicate the task of combating corruption and have a negative impact on the effectiveness and efficiency of law enforcement agencies in combating bribery.

Conclusions. The changes made to the criminal law in terms of liability for bribery do not fully meet the needs of law enforcement agencies to effectively combat corruption. It is necessary to consider the introduction of criminal liability for mediation in petty bribery, as well as to legislate the concept of operational experiment and the rules of its conduct.

Keywords: bribery, illegal monetary reward, minimum amount of bribes, investigative event, operational experiment, incitement, provocation.

Термин «коррупция» образован от латинского слова *corruptio*, что означает «подкуп, продажность». В настоящее время под коррупцией понимают использование должностным лицом своего служебного положения в целях извлечения выгоды для себя или третьих лиц. Самым опасным проявлением коррупции безусловно является взяточничество, представляющее собой получение должностным лицом незаконного вознаграждения.

Взяточничество известно с древних времен и справедливо считается одним из ранних коррупционных преступлений. Уже Псковская и Новгородская ссудные грамоты запрещали принимать «тайные посулы», а Судебник 1497 г. запрещал не только принимать, но и давать взятку. Расцвет взяточничества на Руси происходил во время действия системы кормлений, когда содержание должностных лиц центра и работников местного самоуправления осуществлялось за счет населения. Реакцией государства было введение наказания за взяточничество, отраженное в Судебнике 1550 г. Несмотря на упразднение системы кормлений в середине XVI в., существенного уменьшения количества подобных деяний не наблюдалось. Соборное Уложение 1649 г. карало взяточничество в основном в сфере правосудия. В это время появляется понятие посредничества во взяточничестве, которое наказанию не подлежало. До 1715 г. основной доход чиновников формировался за счет подношений. С введением в 1715 г. фиксированного жалования государственным служащим взяточничество стало преступлением.

Борьба с коррупцией велась на всех этапах формирования Российского государства. Однако коррупция как социальное явление имеет глубокие корни. Практически все слои современного российского общества относятся к коррупции терпимо, находя оправдание неправомерным действиям должностных лиц. В России считается зазорным сообщить в правоохранительные органы о фактах вымогательства взяток.

В условиях, когда сотрудники правоохранительных органов ведут борьбу со взяточничеством без активной поддержки граждан, особое значение приобретает законодательное закрепление ответственности за коррупционные деяния.

В современном российском уголовном законодательстве преступления, объединяемые единым понятием «взяточничество», представлены следующими составами: получение взятки, дача взятки, посредничество во взяточничестве и мелкое взяточничество [1]. О распространенности преступлений, предусмотренных указанными статьями, свидетельствуют данные статистики. По данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, количество уголовных дел, возбужденных по фактам взяточничества, выявленных сотрудниками подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (ЭБ и ПК), по итогам 2016 г. составило 7091 при

среднем размере взятки 321 тыс. руб. По итогам 2017 г. количество преступлений рассматриваемой категории составило 3662 при среднем размере незаконного вознаграждения 339 тыс. руб.

Несмотря на предпринимаемые государством многочисленные меры, направленные на профилактику, предупреждение и борьбу с коррупцией, данное противоправное явление все еще продолжает оставаться одной из основных угроз национальной безопасности России.

Активное противодействие коррупции как самостоятельный вектор российской государственной политики уверенно осваивает вторую пятилетку национального планирования. С утверждением первого Национального плана противодействия коррупции на 2010–2011 гг. и принятием Федерального закона от 25 декабря 2008 г. «О противодействии коррупции» происходит планомерное претворение в жизнь государственной антикоррупционной политики, обеспечивается фактическое внедрение принятых в сфере противодействия коррупции норм в деятельность государственных и муниципальных органов.

Федеральным законом от 3 апреля 2017 г. № 64-ФЗ внесены изменения, касающиеся противодействия коррупции, в следующие федеральные законы: «О статусе военнослужащих» [2], «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», «О государственной гражданской службе Российской Федерации», «О муниципальной службе в Российской Федерации», «О противодействии коррупции» и др.

15 июля 2016 г. вступил в силу Федеральный закон № 324-ФЗ, который внес существенные изменения в УК и УПК РФ, направленные на противодействие коррупционным преступлениям. Признаны преступлениями передача материальных ценностей или оказание услуг не самому должностному лицу, а любому другому физическому или юридическому лицу по его указанию. Введено понятие преступного деяния – мелкое взяточничество (сумма незаконного денежного вознаграждения не превышает 10 тыс. руб.) [3]. Уголовные дела по таким преступлениям расследуются в форме дознания, что не позволяет сотрудникам правоохранительных органов выявлять подобные деяния, отнесенные к преступлениям небольшой тяжести, в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий [4]. С одной стороны, это заставляет сотрудников оперативных подразделений правоохранительных органов сконцентрироваться на выявлении резонансных преступлений, совершенных статусными фигурантами. С другой стороны, до минимума сокращается противодействие преступлениям, совершаемым врачами, преподавателями, работниками контролирующих органов, так как незаконные вознаграждения, передаваемые им, редко превышают 10 тыс. руб.

Актуальным, на наш взгляд, остается вопрос криминализации посредничества во взяточничестве, в том числе и мелком, так как она не установлена действующим законодательством. Представляется, что криминализация посредничества в мелком взяточничестве является необходимой и не должна ограничиваться каким-либо размером суммы взятки.

Ее необходимость обусловлена следующими обстоятельствами. Распространенным явлением, в частности в сфере лицензионно-разрешительной,

миграционной, таможенной деятельности, стало предложение своих услуг за оказание содействия в оформлении различных документов. При этом происходит фактическое совершение преступлений, прикрытых гражданско-правовыми договорами об оказании услуг, а денежные средства делятся между посредником и взятополучателем [5]. Подобные явления повсеместно встречаются в сфере образования, когда работники сферы образования (лаборанты, секретари и т.д.), не принимающие экзамены и не выполняющие функции должностного лица, выступают в роли посредника между преподавателем и студентом. Аналогичная ситуация сложилась в сфере здравоохранения, когда в роли посредника между врачом и пациентом выступает медицинская сестра. В случае задержания фигурантов сотрудниками правоохранительных органов посредники останутся безнаказанными, а это недопустимо.

Еще одним вопросом, не нашедшим до настоящего времени решения, является вопрос о минимальной сумме взятки. Это имеет практическое значение для разрешения вопроса о малозначительности совершенного деяния. При этом малозначительность деяния не может находиться только в зависимости от полученной суммы взятки. Определенные сложности вызывает получение мелкой взятки за незаконные действия.

Проанализировав следственную и судебную практику по делам о взяточничестве за последние годы, можно сделать вывод о прямой зависимости между размером взятки и количеством совершенных преступлений. Подавляющее большинство взяток – это взятки, размер которых не превышает 10 тыс. руб., что подтверждается данными статистических отчетов УМВД России по Пензенской области. Так, в 2014 г. сотрудниками подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции было выявлено 44 факта взяточничества (ст. 290, 291 УК РФ), из которых только в двух случаях размер незаконного денежного вознаграждения превышал 10 тыс. руб., что составило менее 5 % от общего количества задокументированных преступлений указанной категории. В 2015 г. доля фактов взяточничества, по которым размер взятки превышал 10 тыс. руб., составила 8 % (3 из 37), в 2016 г. – 11 % (2 из 18). В основную массу взяточничества в 2014–2016 гг. были включены факты получения незаконного денежного вознаграждения в сферах образования и здравоохранения (проставление экзаменов и зачетов без фактической проверки знаний, выдача фиктивных больничных листов и т.д.), сумма взятки по которым находилась в пределах от 2 до 10 тыс. руб. в зависимости от оказываемой услуги.

За 2017 г. с учетом вступления в законную силу Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ на территории Пензенской области сотрудниками полиции было задокументировано 14 преступлений, квалифицируемых по ст. 290, 291 УК РФ, по которым средняя сумма взятки составила 49 тыс. руб. Необходимо отметить, что среди них нет ни одного факта получения незаконных денежных вознаграждений в системе здравоохранения, а получение взяток должностными лицами высших учебных заведений является единичными фактами.

Приведенные статистические данные свидетельствуют лишь о том, что фактически введенные изменения в УК РФ выделяют мелкое взяточничество в отдельную категорию преступлений, однако не предусматривают, каким образом и какие именно подразделения правоохранительных органов должны

заниматься борьбой с ними. В силу того, что мелкое взяточничество отнесено законодателем к преступлениям небольшой тяжести, производство оперативно-розыскных мероприятий в целях документирования подобных деяний исключено. Привлечение оперативных сотрудников полиции к раскрытию фактов мелкого взяточничества может рассматриваться как отвлечение сил и средств. С другой стороны, задокументировать факт получения взятки независимо от того, больше она 10 тыс. руб. или меньше, без проведения оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [4], практически не представляется возможным.

Данная проблема требует разрешения на законодательном уровне. Несомненно, разграничение взяточничества на мелкое и крупное имеет положительные стороны. Однако получение незаконного денежного вознаграждения в размере 5 или 100 тыс. руб. по сути своей есть одно и то же преступление, которое необходимо документировать одним и тем же способом.

Еще одной практической проблемой является разграничение взятки и «спонсорской помощи». При этом соответствующая судебная практика по данному вопросу уже формируется. В качестве примера можно привести Кассационное определение Верховного Суда РФ от 12 января 2012 г. № 47-011-83. Объективными обстоятельствами, свидетельствующими о намерениях должностного лица, могут являться попытки сокрытия факта получения денежных средств, объективная невозможность использования полученного имущества в интересах организации [6].

Еще одной из проблем при документировании фактов взяточничества является вопрос легализации результатов оперативно-розыскного мероприятия «Оперативный эксперимент».

На сегодня самым эффективным способом выявления и пресечения коррупционных преступлений, особенно взяточничества, безусловно, является оперативный эксперимент. Его проведение фиксируется техническими средствами, что создает необходимую доказательную базу и минимизирует ущерб, причиненный гражданам и государству [7, с. 139–140]. Однако в современных условиях сотрудники оперативных подразделений правоохранительных органов крайне редко применяют на практике проведение оперативного эксперимента. Это обусловлено несовершенством действующего законодательства, регламентирующего оперативно-розыскную деятельность. До настоящего времени в правовых нормах не закреплены понятие оперативного эксперимента и процедура его проведения. Необходимо отметить, что ряд положений нашел отражение в приказах правоохранительных органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Вместе с тем ведомственные нормативные акты не способны разрешить проблемы, возникающие при определении законности проведения оперативного эксперимента надзорными органами. Данные обстоятельства усложняют задачу противодействия коррупции и негативно влияют на эффективность и результативность деятельности правоохранительных органов по пресечению взяточничества [8, с. 117–118].

Анализ правоприменительной практики региона показывает, что на территории Пензенской области получило распространение мнение некоторых судебных инстанций, которые ставят под сомнение значение оператив-

ного эксперимента как эффективного средства выявления фактов взяточничества. Оно основано на запрете, зафиксированном в ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», сотрудникам правоохранительных органов в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий искусственно создавать ситуацию, благоприятную для получения взятки, другими словами, подстрекать или провоцировать получение взятки субъектом [4].

Проведение оперативного эксперимента признается правомерным лишь в том случае, когда его участником является лицо, с которого реально вымогают взятку. Это лицо должно сначала обратиться в правоохранительные органы с заявлением о вымогательстве взятки. Сотрудники оперативных подразделений предлагают ему участие в оперативном эксперименте, выдают деньги, средства аудио- и видеofиксации, после чего направляют к вымогателю для передачи взятки. При этом оперативная или анонимная информация не признается достаточным основанием для проведения оперативного эксперимента. Участие доверенных лиц или самих сотрудников оперативных подразделений в оперативном эксперименте не допускается [9, с. 232].

Данная позиция основана на выводах, изложенных в Постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 15 апреля 2015 г. по уголовному делу в отношении А. В. Носко (дело № 22-П15).

В 2007 г. сотрудникам подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции поступила оперативная информация о систематическом получении незаконных денежных вознаграждений врачом поликлиники г. Заречного Пензенской области А. В. Носко за выдачу фиктивных листков временной нетрудоспособности. 23 ноября 2007 г. в ходе проведения оперативного эксперимента А. В. Носко получила денежные средства в виде взятки от пациента за незаконное продление листка временной нетрудоспособности, выданного ей ранее, и была задержана сотрудниками правоохранительных органов. Приговором Зареченского городского суда Пензенской области от 26 мая 2008 г. А. В. Носко была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 290 УК РФ.

Сторона защиты обжаловала приговор во всех судебных инстанциях, в том числе в Европейском суде по правам человека (ЕСПЧ; жалоба № 5753/09), ставя под сомнение законность проведения оперативного эксперимента. Во-первых, информация о незаконных действиях фигуранта была получена из анонимного источника и послужила единственным основанием его проведения. Во-вторых, его участником была гражданка А., являющаяся доверенным лицом сотрудников правоохранительных органов, которой листок временной трудоспособности был не нужен. Таким образом, сотрудники подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции смоделировали ситуацию и фактически вынудили Носко выдать фиктивный листок временной нетрудоспособности и получить за это незаконное денежное вознаграждение.

ЕСПЧ принял доводы стороны защиты и сделал вывод о присутствии в деле процессуальных недостатков. На основании этого решения приговор в отношении А. В. Носко был отменен.

Сложившаяся ситуация не позволяет сотрудникам правоохранительных органов использовать в полном объеме возможности проведения оперативно-розыскных мероприятий, что, несомненно, снижает эффективность противодействия взяточничеству.

Указанная проблема в 2015 г. рассматривалась на совещании-семинаре с руководителями подразделений ЭБ и ПК территориальных органов МВД России, проводимом в Главном управлении ЭБ и ПК МВД России. Кроме того, в 2017 г. в ходе проведения научно-практической конференции на тему «Рассмотрение в судах уголовных дел коррупционной направленности как итог деятельности правоохранительных органов» данный вопрос по инициативе Управления ЭБ и ПК УМВД России по Пензенской области был внесен в повестку заседания и рассматривался с представителями региональной прокуратуры, Управления ФСБ, Следственного управления Следственного комитета, а также профессорами Пензенского государственного университета и Петербургского юридического института Академии Генеральной прокуратуры РФ.

Все вышеизложенное позволяет сделать несколько выводов. С полной уверенностью можно заявить, что изменения, внесенные в антикоррупционное законодательство, не в полном объеме решили существующие проблемы. Утверждение о том, что сумма полученной взятки существенно снижает общественную опасность преступлений, совершенных в соучастии и, в частности, при участии посредников, не находит ни научного, ни практического подтверждения. Отнесение мелкого взяточничества к преступлениям небольшой тяжести не позволяет сотрудникам правоохранительных органов проводить оперативно-розыскные мероприятия, что зачастую является единственным способом выявления и раскрытия данной категории преступлений. При этом необходимо учитывать возможность повторного или даже систематического совершения преступлений в виде мелкого взяточничества, что увеличивает их общественную опасность.

Таким образом, законотворческая деятельность по совершенствованию российского антикоррупционного законодательства, касающегося уголовно-правовой составляющей противодействия взяточничеству должна быть продолжена с обязательным учетом мнения специалистов-практиков в области оперативно-розыскной деятельности.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
2. О статусе военнослужащих : Федер. закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ (в ред. от 01.07.2017) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18853/
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2017) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
4. Об оперативно-розыскной деятельности : Федер. закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/
5. Михайлов, В. И. Эволюция законодательства об ответственности за взяточничество / В. И. Михайлов // Уголовное право. – 2016. – № 5. – С. 46–56.
6. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 12.01.2012 № 47-011-83 // СПС «КонсультантПлюс». – 2017. – URL: www.consultant.ru
7. Сердюк, А. А. Инициатива и злоупотребление ею при проведении оперативно-розыскного эксперимента по выявлению взяточничества / А. А. Сердюк // Вестник Владимирского юридического института. – 2017. – № 1 (42). – С. 139–141.

8. Долгинов, С. Д. Организационные и правовые проблемы проведения оперативного эксперимента / С. Д. Долгинов // Вестник Пермского университета. – 2015. – № 1 (27). – С. 117–122.
9. Лапин, Е. С. Оперативно-розыскная деятельность. Курс правовых и теоретических основ : учеб. пособие / Е. С. Лапин. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 232 с.

References

1. RRS “ConsultantPlus”. Available at: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
2. RRS “ConsultantPlus”. Available at: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18853/
3. RRS “ConsultantPlus”. Available at: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
4. RRS “ConsultantPlus”. Available at: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/
5. Mikhaylov V. I. *Ugolovnoe pravo* [Criminal law]. 2016, no. 5, pp. 46–56.
6. RRS “ConsultantPlus”. 2017. Available at: www.consultant.ru
7. Serdyuk A. A. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta* [Bulletin of Vladimir Institute of Law]. 2017, no. 1 (42), pp. 139–141.
8. Dolginov S. D. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of Perm University]. 2015, no. 1 (27), pp. 117–122.
9. Lapin E. S. *Operativno-rozysknaya deyatel'nost'. Kurs pravovykh i teoreticheskikh osnov: ucheb. posobie* [Crime detection activities. A course of legal and theoretical bases: teaching aid]. Moscow: Yurlitinform, 2014, 232 p.

Жерепина Юлия Сергеевна
оперуполномоченный, Управление
экономической безопасности
и противодействия коррупции УМВД
России по Пензенской области
(Россия, г. Пенза, ул. Кирпичная, 22)
E-mail: iuzherepa@mvd.ru

Zherepina Yuliya Sergeevna
Detective, Economic Security and
Anti-corruption Department, Office
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
in Penza region (22 Kirpichnaya street,
Penza, Russia)

Сизов Владимир Александрович
кандидат социологических наук, доцент,
кафедра правосудия, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)
E-mail: vas-055@mail.ru

Sizov Vladimir Aleksandrovich
Candidate of sociological sciences,
associate professor, sub-department
of justice, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 34.343.352.4

Жерепина, Ю. С.

Проблемные вопросы при выявлении фактов взяточничества в свете изменений антикоррупционного законодательства / Ю. С. Жерепина, В. А. Сизов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2018. – № 4 (48). – С. 22–30. – DOI 10.21685/2072-3016-2018-4-3.

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ДОКТРИНЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РАЗРЕЗЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ НА ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ

Аннотация.

Актуальность и цели. Путь становления отечественной цивилистики был сложен и тернист: он претерпел массу преобразований, видел и ошибки, и блестящие решения. Однако на сегодня нельзя утверждать, что он окончен; напротив, ввиду смещения социально-экономических ориентиров наука о гражданском праве на данный момент как никогда нуждается и готова к качественным изменениям. Накопленный колоссальный опыт, инструментарий и практика должны быть направлены на ее развитие, совершенствование и искоренение противоречий при неукоснительном соблюдении базовых норм и принципов российского законодательства. Гражданский оборот заслуживает особого внимания, поскольку затрагивает все стороны жизни общества. Тем не менее вопрос регулирования отношений, попадающих в зону его компетенции, остается открытым. В частности, отсутствие парадигмы единства гражданско-правовых отношений порождает множественные конфликты, возникающие в плоскости права собственности и иных вещных прав на ресурсы. Проблема получает новый виток, когда сторонами конфликта выступают федеральные и региональные органы управления, а «яблоком раздора» становятся природные богатства.

Материалы и методы. Представленное научное исследование в области цивилистики опирается на комплексный подход, оперирует фактами и актуальными аналитическими данными. Анализируются и сопоставляются нормативные документы всех уровней.

Результаты. Принятие многочисленных федеральных законов в совокупности с правовыми погрешностями в самом Гражданском кодексе РФ становится следствием того, что однородные по своему характеру отношения могут иметь различную трактовку и методы регулирования, что, несомненно, создает определенные юридические трудности и препятствует построению гармоничной системы пользования и управления ресурсами.

Выводы. Наиболее оптимальный выход из сложившейся ситуации автор видит в преобразовании гражданского законодательства на всех уровнях иерархии власти, а именно: в четком определении и разграничении их полномочий, непосредственно касающихся сферы гражданских отношений, в том числе имеющих локальный характер. Основным инструментом в реализации данной стратегии должна стать унификация правового режима в сфере имущественного оборота природных ресурсов.

Ключевые слова: природные ресурсы, гражданско-правовые отношения, гражданский оборот.

A. D. Mkrtchyan, N. V. Valuyskov, L. V. Bondarenko

PECULIARITIES OF THE RUSSIAN DOCTRINE OF CIVIL LEGAL RELATIONS IN THE CROSS-SECTION OF PROPRIETARY RIGHTS TO NATURAL RESOURCES

Abstract.

Background. The way of the formation of the national civilization was complex and thorny: it underwent a lot of transformations, saw mistakes and brilliant decisions. However, to date it can not be said that it is over, on the contrary, in view of the shift in socio-economic landmarks, the science of civil law today needs more than ever and is ready for qualitative changes. The accumulated colossal experience, tools and practice should be directed to its development, improvement and eradication of contradictions, while strictly observing the basic norms and principles of Russian legislation. Civil turnover deserves special attention, since it affects all aspects of society. Nevertheless, the issue of regulating relations falling within its competence area remains open. In particular, the lack of a paradigm for the unity of civil law relations generates multiple conflicts that arise in the plane of ownership and other proprietary rights to resources. The problem gets a new round, when the parties to the conflict are federal and regional government, and the “apple of discord” is natural wealth.

Materials and methods. This scientific research in the field of civilization is based on a comprehensive approach, operates with facts and relevant analytical data. Analyzed and collated normative documents of all levels.

Results. The adoption of numerous federal laws in conjunction with legal errors in the Civil Code of the Russian Federation is the result of the fact that homogeneous relations can have different interpretations and methods of regulation, which undoubtedly creates certain legal difficulties and hinders the construction of a harmonious system of using and managing resources.

Conclusions. The author sees the best way out of the current situation in the transformation of civil legislation at all levels of the hierarchy of power, namely: a clear definition and delineation of their powers, directly relating to the sphere of civil relations, including those of a local nature. The main instrument in implementing this strategy should be the unification of the legal regime in the sphere of property turnover of natural resources.

Keywords: natural resources, civil-law relations, civil turnover.

Введение

Российская Федерация – крупнейшее современное государство, имеющее мощный экономический потенциал, широко представленный традиционными производствами и многоотраслевыми конгломератами, объединенными в единую сеть национальной цифровой инфраструктурой и сложными экономическими связями.

Любые производственные отношения неизбежно сопряжены с возникновением имущественных отношений, поэтому существует необходимость формулирования гражданско-правовых норм, оказывающих на них влияние по разным направлениям. Для исправного и ритмичного функционирования столь сложного «механизма», как государственная экономическая система, особенно актуальным становится наличие единой системы регулирования гражданского законодательства.

Одной из первостепенных задач Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) является стимулирование развития экономики регионов и страны в целом посредством организации стабильного взаимодействия элементов гражданского оборота на всех уровнях государственного управления.

Обеспечение прав, свобод и равенства участников процесса гражданского оборота, а также признание и защита различных форм собственности регламентируются ст. 1 ГК РФ и ст. 8 Конституции РФ. Тем не менее в противовес этим утверждениям п. «о» ст. 71 Основного закона указывает на преобладающую роль федеральных органов государственной власти в вопросах управления сферой общественных отношений [1]. Для субъектов Российской Федерации это фактически означает утрату законодательной инициативы в данной области и лишает регионы возможности влиять на жизненно важные компоненты отраслевой структуры их экономики.

Важно понимать, что единство гражданского законодательства не мифическая категория, блага и польза которой красиво выглядят лишь на бумаге. Это благородная и, что немаловажно, целесообразная и достойная идея, способная упорядочить и оптимизировать гражданское законодательство в целом. К сожалению, на практике некоторые правовые положения значительно замедляют реализацию этой конституционной нормы.

Гирокомпасный курс развития гражданского законодательства: преимущества, проблемы, перспективы

Конституцией РФ тактично предусмотрены положения, когда регулирование гражданско-правовых отношений осуществляется на условиях равного и справедливого распределения полномочий между региональными органами власти и Федерацией. Такая практика координации и управления общественными отношениями получила название «совместное ведение». Это прогрессивная норма, которая выполняет функции по разграничению интересов участников гражданского оборота, балансированию отношений между системными элементами государственного аппарата, что, без сомнения, открывает широкие перспективы для реализации их законных интересов. В поле влияния совместного ведения попадают вопросы владения, пользования и распоряжения почвенными ресурсами, флорой и фауной, а также иными исчерпаемыми природными ресурсами.

Очевидно, что в такой ситуации законодательная инициатива перестает быть прерогативой только лишь федерального правительства. Но стоит иметь в виду, что генерируемые субъектами РФ нормативные акты ни по каким параметрам не должны вступать в смысловые противоречия с действующими федеральными законами [2, 3]. Распределение предметов ведения способно обеспечить глобальные интересы государства, укрепить суверенитет Федерации и вместе с тем предоставить широкую самостоятельность ее субъектам. Теоретически это панацея от всех бед, преследующих сектор гражданских отношений. Но так ли все безоблачно на самом деле?

Несмотря на все преимущества, практика совместного ведения «спотыкается» о ст. 71 Конституции РФ, которая резюмирует, что федеральная собственность и федеральный транспорт находятся в исключительном правительственном ведении. Так как перечисленные элементы играют архиважную роль в региональной стратегии социально-экономического развития, потеря

контроля над ними со стороны муниципалитетов заведет сферу гражданских правоотношений в тупик.

Тем не менее буквальное прочтение п. «д» и «и» ст. 71 и 73 Конституции РФ формирует спорное мнение правоприменителей о том, что данные вопросы остаются в ведении только РФ [4–6].

На сегодня наблюдается синхронное развитие институтов совместного и федерального ведения. Однако большинство отечественных цивилистов сходятся во мнении, что компетенция на управление объектами, находящимися в совместном ведении, должна принадлежать именно субъектам Российской Федерации [2, 7]. Эта гипотеза подтверждается ст. 73 Конституции РФ, утверждающей, что «вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения... субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти». Это означает, что на практике субъекты Федерации могут производить собственную нормотворческую деятельность по вопросам, которые прямо не относятся к совместному либо федеральному ведению [8]. Ярko иллюстрируют сложившуюся ситуацию правила пользования монорельсовой городской системой и регулируемые им же условия гражданско-правового договора пассажирской перевозки, утвержденные Правительством г. Москвы в 2008 г. [9, 10].

Пробельность российского законодательства в области гражданского права неминуемо приводит к наращиванию нормотворческой активности со стороны региональных субъектов, сдержать которую посредством запретов и санкций не представляется возможным. Помимо этого, сложившаяся экономическая ситуация в некоторых регионах зачастую требует принятия оперативных решений, касающихся отношений собственности. В этой связи вопрос наделения региональных органов власти регулирующими функциями в сфере гражданско-правовых отношений, носящих локальный характер, остается открытым. Согласно оценкам экспертов, подобное решение федерального законодателя не противоречило бы Конституции РФ (т.е. не требовало бы внесения поправок в ст. 71) и могло бы быть достигнуто посредством несущественных преобразований Гражданского кодекса РФ [11, 12]. Кроме того, подобная мера в той или иной степени позволила бы сгладить последствия федеративных реформ начала 2000-х гг., когда субъекты РФ в одностороннем порядке лишились предусмотренных полномочий по ряду ключевых направлений [7].

Что касается муниципальных образований и их органов местного самоуправления, то можно утверждать, что они обладают весьма незначительной собственностью на природные ресурсы. Их участие в публичном управлении и распоряжении госсобственностью по своей сути напоминает качели, когда они то наделяются этими полномочиями, то лишаются их полностью либо частично. Если следовать логике требований, предъявляемых государством к муниципальным образованиям в отношении права собственности на природные ресурсы, то последние непременно должны уменьшать долю своего участия в осуществлении права государственной собственности.

Если же опираться на положения ст. 2 Конституции РФ и считать государство не только собственником природных ресурсов, но и уполномоченным гражданами суверенным органом на их рациональное использование и

владение, то органы местного самоуправления, наряду с иными органами публичной власти, обязаны быть включены в алгоритм управления делами государства и охраной природных ресурсов. Однако на практике этот тезис сталкивается с некоторыми трудностями.

Так, наиболее цитируемым и приобретшим печальную известность примером этого стал Закон РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах». В результате непрерывного внесения федеральным законодателем изменений в правовой акт он фактически «лишился живого содержания». Законодательная компетенция, принадлежащая ранее регионам, была вычеркнута из сферы совместного ведения при определении порядка пользования недрами для разработки месторождений общераспространенных полезных ископаемых [8]. Недра как объект права исключительной государственной собственности полностью изъяты из гражданского оборота, поэтому не могут быть предметом гражданско-правовых сделок. Все действия государства, связанные с реализацией функций по распоряжению недрами, осуществляются таким образом, что субъект права собственности на недра не меняется.

В значительной степени усугубляет проблему традиционная для отечественного законодательства практика унификации правового режима. Статья 3 ГК РФ устанавливает неоспоримое соответствие норм гражданского права, содержащихся в других законах, самому Гражданскому кодексу РФ. Тем не менее Конституционный Суд РФ 5 ноября 1999 г., опираясь на положения ст. 76 Конституции РФ, ясно обозначил, что ни один федеральный закон по отношению к другому федеральному закону не может обладать большей юридической силой [10]. Наиболее четкие очертания такая тенденция проявила в части природоресурсного законодательства.

Задача охраны и эффективного использования природных ресурсов и объектов животного мира, несмотря на все усилия по их решению, предпринимаемые законодателями и представителями исполнительной власти разных уровней, не утрачивает своей остроты. Право собственности в отношении указанных объектов наделено особым смыслом. Это объясняется экологической значимостью того или иного природного ресурса как правового блага, имеющего специфические особенности, наделенного более высоким статусом, подчеркнутую особую ценностью и исключительностью и поэтому заслуживающего индивидуального филигранного рассмотрения.

Однако в последнее время федеральный законодатель способствовал существенной трансформации Водного, Лесного и Градостроительного кодексов РФ. Помимо этого, увидело свет множество федеральных законов, имеющих непосредственное отношение к вопросу регулирования права собственности и прочих вещных прав на водные объекты и биоресурсы, животный мир, недра. Самые масштабные преобразования затронули сферу публично-правовых отношений с последующей их заменой гражданско-правовыми. Такая модель просматривается при анализе содержания Федерального закона «Об охране окружающей среды», когда объект правового регулирования – окружающая среда и ее компоненты, их охрана – был рокирован на иной объект – хозяйственную деятельность. Также колоссальные изменения претерпели глава 3 Водного кодекса РФ, главы 6–8 Лесного кодекса РФ.

Исходя из вышеизложенного, можно с уверенностью утверждать, что на смену публично-правовому подходу в части регулирования использования природных ресурсов пришел частноправовой. Это ознаменовало собой нача-

ло заведомо провального процесса «рассеивания» предметов правового регулирования между гражданским и природоресурсным законодательством. Такая инициатива была крайне негативно принята экспертами, специализирующимися на экологическом праве [3]. По их глубокому убеждению, экспериментальные подходы при совершенствовании правопорядка в области использования природных ресурсов неукоснительно должны перекликаться с существующей практикой гражданско-правового регулирования соответствующих отношений в ГК РФ.

В этой связи уместны выводы ученых-цивилистов о неделимости понятий единства подходов к регулированию гражданско-правовых отношений и самого единства гражданского оборота [1, 13]. Друг без друга продуктивно существовать они не могут. Достижение подобного тождества – необходимое условие принятия взвешенных и ответственных решений.

Заключение

Как видим, отношения гражданско-правового характера – сложная и филигранная юридическая категория. В настоящее время она требует разработки альтернативного методологического портфеля с целью минимизации ущерба от правовых «прорех» и несоответствий, которыми пестрит отечественное законодательство.

Особенную остроту приобретает вопрос дифференциации полномочий в отношении регулирования гражданско-правовых отношений между государственными органами власти различных уровней. Несмотря на то, что попытки его решения предпринимались на протяжении всего периода формирования доктрины российского гражданского законодательства и права, их нельзя в полной мере назвать увенчавшимися успехом.

Глава 17 ГК РФ определяет правила распоряжения земельным участком, но «закрывает глаза» на природные ресурсы и представителей живой природы, которые неразрывно с ним связаны. Это есть большое упущение, поскольку такие столь ценные, медленно либо вовсе не возобновляемые природные ресурсы остаются бесхозными, беззащитными и подвержены неправомерному, несанкционированному пользованию. Гражданское право не способно учитывать индивидуальные особенности земли и рассматривать ее в качестве объекта земельных отношений, поскольку не обладает необходимым правовым инструментарием. То есть использует типичную унифицированную формулу регулирования гражданского оборота и собственности на землю, исключая из уравнения ее уникальные специфические признаки.

На данном этапе в ГК РФ физически не могут быть отражены все нормы, регулирующие эти особенности.

Подводя итог, можно с уверенностью говорить о том, что на текущий момент в законодательстве РФ существуют правовые пустоты и расхождения по вопросу регулирования гражданско-правовых отношений. В результате хаотичного штампования однопорядковых правовых актов, которые предлагают различные версии, модификации и подходы к решению этой проблемы, стабильное развитие сферы имущественного оборота природных ресурсов ежедневно оказывается под угрозой. Вместе с тем это должно стать благоприятной почвой для дальнейшего исследования и изыскания перспективных направлений развития гражданского оборота в России.

Библиографический список

1. **Абова, Т. Е.** Некоторые вопросы регулирования гражданско-правовых отношений в свете проекта Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» / Т. Е. Абова // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2012. – № 5. – С. 79–95.
2. **Аникин, С. Б.** Административно-правовое регулирование предметов совместного ведения и полномочий Российской Федерации и субъектов России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Аникин С. Б. – Саратов, 2011. – 50 с.
3. **Бринчук, М. М.** Соотношение экологического права с другими отраслями / М. М. Бринчук // Государство и право. – 2009. – № 7. – С. 25–37.
4. **Дубовик, О. Л.** Экологическое право: реальность и проблемы ревизионизма / О. Л. Дубовик // Актуальные проблемы экологического права : труды / под ред. М. М. Бринчука, О. Л. Дубовик. – М. : Институт государства и права РАН, 2010. – № 2. – С. 7–36.
5. **Valuiskov, N. V.** Certain gaps and problems of legislative regulation of civil law relationships at the present stage / N. V. Valuiskov, L. V. Bondarenko, A. D. Arutyunyan // Matters of Russian and International Law. – 2017. – Vol. 7, iss. 3A. – P. 345–352.
6. Control and analytical management aspects of debtor and credit deposit of enterprises / V. V. Rokotyanskaya, O. V. Moshchenko, N. V. Valuiskov, G. Yu. Ostaev, N. S. Taranova // Journal of Applied Economic Sciences. – 2018. – Т. 13, № 2 (56). – С. 446–453.
7. О состоянии законодательства Российской Федерации : доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2010 года. – М. : Совет Федерации, 2011. – 58 с.
8. **Пименова, О. И.** Субсидиарность как принцип реализации совместных законодательных полномочий: опыт Европейского Союза и перспективы его адаптации в российской системе разграничения полномочий по предметам совместного ведения / О. И. Пименова. – М. : Новое Время, 2015. – 199 с.
9. **Севрюкова, Е.** Монорельс перешел на обычный транспортный режим / Е. Севрюкова // Российская газета. – 2008. – 28 окт. – URL: <https://rg.ru/2008/10/28/monorels.html>
10. Конституционный Суд РФ: постановления, определения. 1999 г. / под ред. Н. В. Струнниковой. – М. : Юристь, 2000. – 430 с.
11. **Суханов, Е. А.** Проблемы совершенствования кодификации гражданского законодательства / Е. А. Суханов // Актуальные вопросы российского частного права : сб. ст. / сост. Е. А. Павлова, О. Ю. Шилохвост. – М. : Статут, 2008. – С. 18–35.
12. Концепции развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. – М. : Эксмо, 2010. – 732 с.
13. **Максимов, С. В.** Законодательная новелла о профилактике правонарушений: недостатки и перспективы их устранения / С. В. Максимов, Н. В. Валуйсков // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2016. – № 6. – С. 150–165.

References

1. Abova T. E. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences]. 2012, no. 5, pp. 79–95.
2. Anikin S. B. *Administrativno-pravovoe regulirovanie predmetov sovmestnogo vedeniya i polnomochiy Rossiyskoy Federatsii i sub"ektov Rossii: avtoref. dis. d-ra yurid. nauk* [Administrative and legal regulation of objects under joint jurisdiction and authority of

- the Russian Federation and Russian regions: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the doctor of juridical sciences]. Saratov, 2011, 50 p.
3. Brinchuk M. M. *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. 2009, no. 7, pp. 25–37.
 4. Dubovik O. L. *Aktual'nye problemy ekologicheskogo prava: trudy* [Urgent problems of ecological law: proceedings]. Moscow: Institut gosudarstva i prava RAN, 2010, no. 2, pp. 7–36.
 5. Valuiskov N. V., Bondarenko L. V., Arutyunyan A. D. *Matters of Russian and International Law*. 2017, vol. 7, iss. 3A, pp. 345–352.
 6. Rokotyanskaya V. V., Moshchenko O. V., Valuiskov N. V., Ostaev G. Yu., Taranova N. S. *Journal of Applied Economic Sciences*. 2018, vol. 13, no. 2 (56), pp. 446–453.
 7. *O sostoyanii zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii: доклад Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii 2010 goda* [On the status of the legislation of the Russian Federation: a report of the Council of the Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation in 2010]. Moscow: Sovet Federatsii, 2011, 58 p.
 8. Pimenova O. I. *Subsidiarnost' kak printsip realizatsii sovmestnykh zakonodatel'nykh polnomochiy: opyt Evropeyskogo Soyuzha i perspektivy ego adaptatsii v rossiyskoy sisteme razgranicheniya polnomochiy po predmetam sovmestnogo vedeniya* [Subsidiarity as a principle of joint legislative authority implementation: the EU experience and prospects of its adaptation in the Russian system of delineation of power by objects under joint jurisdiction]. Moscow: Novoe Vremya, 2015, 199 p.
 9. Sevryukova E. *Rossiyskaya gazeta* [The Russian Newspaper]. 2008, 28 Oct. Available at: <https://rg.ru/2008/10/28/monorels.html>
 10. *Konstitutsionnyy Sud RF: postanovleniya, opredeleniya. 1999 g.* [The Constitutional Court of the Russian Federation: ordinances, decisions. 1999]. Ed. by N. V. Strunnikova. Moscow: Yurist", 2000, 430 p.
 11. Sukhanov E. A. *Aktual'nye voprosy rossiyskogo chastnogo prava: sb. st.* [Urgent issues of the Russian private law: collected articles]. Moscow: Statut, 2008, pp. 18–35.
 12. *Kontseptsii razvitiya rossiyskogo zakonodatel'stva* [Conceptions of Russian legislation development]. Eds. T. Ya. Khabrieva, Yu. A. Tikhomirov. Moscow: Eksmo, 2010, 732 p.
 13. Maksimov S. V., Valuyskov N. V. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences]. 2016, no. 6, pp. 150–165.

Мкртчян Ани Давидовна

ассистент, кафедра гражданского права и процесса, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал в г. Шахты), Донской государственный технический университет (Россия, Ростовская область, г. Шахты, ул. Шевченко, 147)

E-mail: konf-rostov@mail.ru

Валуysков Николай Викторович

кандидат юридических наук, доцент, кафедра гражданского права и процесса, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал в г. Шахты), Донской государственный технический университет (Россия, Ростовская область, г. Шахты, ул. Шевченко, 147)

E-mail: valuiskov58@mail.ru

Mkrтчyan Ani Davidovna

Assistant, sub-department of civil law and process, Institute of Service Sector and Entrepreneurship (branch in Shakhty), Don State Technical University (147 Shevchenko street, Shakhty, Rostov region, Russia)

Valuyskov Nikolay Viktorovich

Candidate of juridical sciences, associate professor, sub-department of civil law and process, Institute of Service Sector and Entrepreneurship (branch in Shakhty), Don State Technical University (147 Shevchenko street, Shakhty, Rostov region, Russia)

Бондаренко Любовь Викторовна

кандидат экономических наук, доцент,
кафедра гражданского права и процесса,
Институт сферы обслуживания
и предпринимательства (филиал
в г. Шахты), Донской государственный
технический университет (Россия,
Ростовская область, г. Шахты,
ул. Шевченко, 147)

E-mail: bondarenko20.06.1984@mail.ru

Bondarenko Lyubov' Viktorovna

Candidate of economic sciences, associate
professor, sub-department of civil law and
process, Institute of Service Sector and
Entrepreneurship (branch in Shakhty),
Don State Technical University
(147 Shevchenko street, Shakhty,
Rostov region, Russia)

УДК 347.91/.95

Мкртчян, А. Д.

Особенности российской доктрины гражданско-правовых отношений в разрезе имущественных прав на природные ресурсы / А. Д. Мкртчян, Н. В. Валуйсков, Л. В. Бондаренко // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2018. – № 4 (48). – С. 31–39. – DOI 10.21685/2072-3016-2018-4-4.

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИРОВЫХ СУДЕЙ В СУБЪЕКТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Актуальность данной тематики обусловлена тем, что относительно недавно функционирующий в Российской Федерации институт мировых судей испытывает множество проблем в организации своей деятельности. В настоящее время можно наблюдать увеличение объема и усложнение категорий дел, рассматриваемых мировыми судьями. Данные обстоятельства в свою очередь ведут к перегруженности мировых судей. Тем не менее растут требования к качеству осуществления ими правосудия. Остается не до конца разрешенным ряд вопросов, связанных с финансовым и организационно-техническим обеспечением деятельности мировых судей. Однако в связи с отсутствием четкой регламентации и установленных нормативов данные функции в большинстве субъектов РФ выполняются не на должном уровне, что негативно сказывается на организации работы и условиях труда мировых судей. Целью статьи является исследование основных проблем в организации деятельности мировых судей и при опоре на практику их деятельности высказывание ряда конкретных предложений по улучшению качества судопроизводства мировых судей и повышению эффективности функционирования системы мировой юстиции в России.

Материалы и методы. Реализация поставленных задач была достигнута на основе анализа федерального законодательства о мировых судьях, правового положения мировых судей в судебной системе РФ, исследования нормативной базы функционирования мировых судей в ряде субъектов РФ и практики организации их деятельности.

Результаты. Выявлены актуальные проблемы организации деятельности мировых судей в субъектах Российской Федерации. Внесены предложения по оптимизации осуществления данной деятельности.

Выводы. Организация деятельности мировых судей требует дополнительного нормативного регулирования на уровне субъектов РФ. Во всех регионах следует разработать и принять инструкции по организации судебного делопроизводства в аппаратах мировых судей, а также внедрить механизм контроля за качеством осуществления должностными работниками аппаратов мировых судей своих полномочий.

Ключевые слова: Конституция РФ, судебная власть, судебная система РФ, мировые судьи, закон, субъект РФ, аппарат мировых судей.

SOME LEGAL ASPECTS OF THE ORGANIZATION OF ACTIVITIES OF MAGISTRATES IN SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract.

Background. The relevance of this topic is due to the fact that the institute of justices of the peace, functioning relatively recently in the Russian Federation, is experiencing many problems in the organization of its activities. We are now witnessing an increase in the volume and complexity of the categories of cases dealt with by justices of the peace. These circumstances, in turn, lead to an overload of justices of the peace. Nevertheless, there are growing demands on the quality of their justice. A number of issues related to the financial, organizational and technical support for the activities of magistrates remain unresolved. However, due to the lack of clear regulations and established standards, these functions in most of the subjects of the Russian Federation are not performed at the proper level, which adversely affects the organization of work and working conditions of magistrates. The purpose of this article is to study the main problems in the organization of the magistrates and, based on the practice of their activities, to make a number of specific proposals to improve the quality of justice of the peace and improve the efficiency of the system of justice of the peace in Russia.

Materials and methods. Implementation of the tasks was achieved on the basis of the analysis of the Federal legislation on magistrates, the legal status of magistrates in the judicial system of the Russian Federation, the study of the regulatory framework for the functioning of magistrates in a number of subjects of the Russian Federation and the practice of their activities.

Results. Actual problems of the organization of activity of magistrates in subjects of the Russian Federation are revealed. Proposals were made to optimize the implementation of this activity.

Conclusions. The organization of activities of magistrates requires additional regulation at the level of subjects of the Russian Federation. All regions should develop and adopt regulations on the organization of judicial proceedings in magistrates and introduce a mechanism of quality control over the implementation by the official employees of magistrates of their powers.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, judicial power, judicial federalism, judicial system of the Russian Federation, justices of the peace, law, subject of the Russian Federation.

Реформирование судебной системы в Российской Федерации привело к возникновению института мировых судей. В Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации» [1] их правовое положение определено как судей общей юрисдикции субъектов РФ. Они входят в судебную систему России как одна из составных ее частей.

Мировые судьи, как и другие судьи, руководствуются в своей деятельности принципами судопроизводства, установленными Конституцией Российской Федерации [2] и федеральными законами. Полномочия, порядок функционирования института мировых судей и порядок создания должностей мировых судей устанавливаются не только федеральным, но и региональным законодательством.

Мировые судьи выносят свои решения от имени Российской Федерации и осуществляют правосудие на основе федеральных законов. Они действуют на основании единых правил судопроизводства, установленных как для федеральных судов, так и для мировых судей в соответствии с федеральными законами.

Все суды, в том числе и мировые судьи, в процессе своей деятельности руководствуются одними и теми же нормативными правовыми актами, которые действуют на территории России. К тому же следует отметить, что решения, принятые мировыми судьями в пределах их компетенции и вступившие в законную силу, как и их законные требования, распоряжения, поручения, а также и другие обращения, должны исполняться всеми органами государственной и муниципальной власти, общественными объединениями, должностными лицами, всеми физическими и юридическими лицами на всей территории Российской Федерации.

Статус мировых судей имеет сложную правовую природу. Как уже отмечалось, мировые судьи определены законодателем в качестве судов субъектов РФ. Это проявляется в том, что назначение мировых судей (либо их избрание), организация их деятельности регулируются наравне с федеральным и региональным законодательством. Данное положение закреплено Федеральным конституционным законом от 7 февраля 2011 г. [3]. К тому же на субъекте Федерации лежит бремя по организационно-техническому обеспечению функционирования мировой юстиции (выплата заработной платы работникам аппарата мирового судьи, обеспечение помещениями, их ремонт и содержание, оснащение оргтехникой, канцелярскими товарами, почтово-марочной продукцией и пр.). Однако, несмотря на это, они тесно встроены в федеральную систему судов общей юрисдикции.

Согласно Конституции РФ, федеральные суды и мировые судьи финансируются из единого источника – федерального бюджета. Данное положение является одной из существенных гарантий, призванных обеспечить осуществление эффективного и независимого правосудия в России. Вместе с тем следует отметить, что в настоящее время из федерального бюджета финансируются только расходы, связанные с содержанием мировых судей.

В современных условиях уделяется большое внимание деятельности мировых судей как первичному звену судебной системы Российской Федерации. За достаточно непродолжительный период своей деятельности они способствовали ускорению осуществления правосудия в стране, резко снизили нагрузку в федеральных судах и таким образом обеспечили быстрый доступ граждан к правосудию.

В настоящее время мы наблюдаем увеличение объема рассматриваемых мировыми судьями дел. Данные обстоятельства в свою очередь ведут к перегруженности мировых судей. Это наглядно видно из статистических данных о деятельности судов общей юрисдикции [4]. Так, в 2017 г. на рассмотрение мировых судей во всех регионах поступило 441 175 уголовных дел, а в районные суды – 467 181 дело. По сравнению с 2016 г. наблюдается некоторое снижение таких дел соответственно на 4 и 5 %.

За прошедший год к мировым судьям поступило всего 15 206 938 гражданских и административных дел, что на 24,5 % больше, чем в 2016 г. В том числе административных дел было 4 083 425 (это больше, чем в 2016 г., на 28,4 %), а гражданских – 11 123 513 (рост по сравнению с 2016 г. составил 23 %).

В то же время за рассматриваемый период наблюдается снижение количества поступивших дел по гражданским и административным делам в районные суды. Если в 2016 г. общее количество таких дел составило 4 633 559, то в 2017 г. их было 3 556 897, что на 23,3 % меньше. Административных дел поступило почти наполовину меньше – на 45,6 %, а гражданских – на 18,4 %.

Такое увеличение объема рассматриваемых мировыми судьями дел характерно практически для всех субъектов Российской Федерации. К примеру, в Чувашской Республике в 2017 г. наибольшая доля рассмотренных уголовных дел приходилась на мировых судей и составила 54,7 %. В то же время доля районных судов была 45,2 % и Верховного суда Чувашской Республики – 0,1 % от общего количества дел, которые были окончены судами республики [5].

В течение 2017 г. судами общей юрисдикции всех уровней на территории Чувашии всего было принято к производству гражданских дел в количестве 142 994, что на 1,8 % меньше, чем в 2016 г. Большая их часть (это 76,5 %, против 65 % в 2016 г.) пришлось на мировых судей. Доля принятых к производству дел районными судами составила 23,5 % (35 % в 2016 г.) и Верховным судом Чувашской Республики – 0,03 % (0,06 % в 2016 г.).

Федеральный закон «О мировых судьях в Российской Федерации» (ст. 10) [6] устанавливает, что организационное обеспечение функционирования мировых судей осуществляется органами исполнительной власти соответствующего субъекта РФ в порядке, который определяется региональным законодательством. Организационное обеспечение деятельности мировых судей подразумевает проведение мероприятий, связанных с кадровым, финансовым, материально-техническим, информационным и иными действиями, направленными на то, чтобы создавать условия для полного и независимого осуществления правосудия.

Как нам кажется, региональные органы исполнительной власти все еще недостаточно эффективно реализуют нормы федерального законодательства по созданию должных условий организации мировой юстиции на местах. В ряде регионов до настоящего времени не решена проблема достаточного и полноценного выделения финансовых и материально-технических ресурсов на обеспечение деятельности мировых судей из регионального бюджета. На уровне субъектов отсутствует законодательно закрепленный порядок финансирования функционирования мировых судей, не имеется установленных нормативов (для федеральных судов они определены). Финансирование ежегодно меняется в зависимости от возможностей бюджетных ассигнований субъектов на конкретный финансовый год. Следствием недостаточного финансирования зачастую являются длительное отсутствие ремонта в судебных участках, слабое оснащение архивных помещений, несвоевременная замена вышедшей из строя оргтехники и пр.

В целях сокращения расходов до настоящего времени во многих субъектах Российской Федерации активно практикуется расположение нескольких судебных участков в одном здании. При этом усматривается, что осуществление мировым судьей правосудия вне пределов своего судебного участка влечет нарушение прав граждан на доступ к правосудию.

Региональное законодательство устанавливает порядок определения структуры и утверждения штатного расписания аппарата мирового судьи.

Таким образом, каждый регион самостоятельно определяет численность работников аппарата, а также устанавливает их должностные обязанности. К примеру, в судебных участках Нижегородской области аппарат мирового судьи состоит из трех работников: двух секретарей и помощника мирового судьи. Соответственно, в перечень должностных обязанностей последнего входит оказание содействия мировому судье в отправлении правосудия, как то: оказание помощи мировому судье в подготовке дела к судебному разбирательству, подготовка проектов судебных решений по всем категориям дел, осуществление подбора нормативных правовых актов, материалов по судебной практике, подготовка заключения по спорным вопросам применения законодательства и пр. [7]. По нашему мнению, такая структура аппарата более рациональна и способствует повышению качества судопроизводства мировых судей.

Вместе с тем в большинстве субъектов Российской Федерации уполномоченными органами исполнительной власти столь необходимая для судей должность помощника мирового судьи не предусмотрена. Так, аппарат мирового судьи Чувашской Республики состоит из трех работников-специалистов разных уровней. На судебных участках Пензенской области предусмотрены должности двух секретарей (судебного участка и судебного заседания), в ряде судебных районов имеется единая для данного района канцелярия по административным делам. В связи с этим нам представляется, что на уровне всех мировых судей назрела необходимость в составе их аппарата иметь должность помощника мирового судьи.

Статья 9 Федерального закона о мировых судьях предусматривает руководство мирового судьи деятельностью своего аппарата. В то же время на сегодня прием и увольнение, вопросы, связанные с поощрением и объявлением взыскания сотрудникам аппаратов мировых судей, а также проведение мероприятий, касающихся кадрового состава, находятся в ведении региональных органов исполнительной власти. Зачастую вопросы согласования с мировыми судьями при их решении носят весьма формальный характер. Такая неопределенность полномочий судей в отношении своих аппаратов не способствует повышению уровня служебной дисциплины сотрудников и, как результат, оказывает существенное влияние на качество судопроизводства мирового судьи. Все это говорит о том, что назрела реальная необходимость закрепления в региональном законе норм, которые установили бы компетенции мировых судей в отношении своего аппарата [8].

Уровень квалификации и профессиональной подготовленности работников аппарата напрямую влияет в целом на качество судопроизводства на конкретном судебном участке. На сегодняшний день работники аппаратов мировых судей несут очень большую нагрузку, связанную с обеспечением ведения делопроизводства, осуществлением иных полномочий при недостаточном финансовом обеспечении. Прежде всего это связано с низкой оплатой их труда. Такая ситуация ведет к нестабильности кадрового состава. В результате частой смены работников последние нередко к началу своей деятельности не имеют достаточного опыта и знаний для эффективного исполнения своих обязанностей.

Загруженность мирового судьи и его аппарата также напрямую зависит и от того, что при создании судебных участков законами субъекта Россий-

ской Федерации учитывается лишь требование о численности населения на одном участке от 15 до 23 тыс. человек. При этом не берутся в расчет наличие крупных торговых предприятий, организаций, транспортных узлов на судебном участке, а также уровень преступности в отдельных районах. Полагаем, что в данной части следует законодательно уменьшить разницу в градации плотности населения на судебном участке.

Также следует осуществлять контроль нагрузки мирового судьи и аппарата для мобильного изменения штатного расписания и перемещения работников аппарата на наиболее загруженные участки либо выделения дополнительных штатных единиц. Необходимо наладить должный контроль уровня и качества осуществления должностных полномочий работниками аппаратов, внедрить действенный механизм контроля за качеством осуществления работниками аппаратов мировых судей своих полномочий.

На наш взгляд, нуждается в дальнейшем совершенствовании деятельность самих уполномоченных органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, призванных обеспечить деятельность мировых судей. В этих целях во всех субъектах РФ следовало бы разработать и утвердить инструкции по судебному делопроизводству в аппаратах мировых судей.

Положительный опыт в указанном направлении имеется. Так, Управлением общественной безопасности и обеспечения деятельности мировых судей в Пензенской области утверждена специальная «Инструкция по организации судебного делопроизводства в аппаратах мировых судей Пензенской области» [9].

Инструкция служит основным нормативно-методическим документом, определяющим и устанавливающим единую систему организации и ведения делопроизводства в судебных участках мировых судей области. Она предусматривает установление:

- унифицированных требований к оформлению процессуальных и иных документов;
- порядка передачи и движения процессуальных и иных документов;
- порядка обеспечения текущего хранения судебных дел, другой документации и передачи их на архивное хранение.

В этом документе исходя из норм действующего законодательства прописаны нормы, определяющие полномочия мирового судьи:

- по организации работы и осуществлению общего руководства деятельностью своего аппарата;
- установлению в соответствии с утвержденными Советом судей Российской Федерации типовыми правилами внутреннего распорядка судов правил внутреннего распорядка судебного участка и осуществлению контроля за их выполнением;
- даче разрешения по запросам компетентных органов на выдачу или направление судебных дел, иных материалов и документов;
- утверждению номенклатуры дел, которая ведется в аппарате мирового судьи;
- осуществлению иных полномочий, связанных с организацией работы судебного участка.

В современных условиях нередко высказывается мнение по поводу возможности передачи на федеральный уровень вопросов деятельности ми-

ровых судей [10]. При этом иногда ссылаются на сложившийся значительный и небезуспешный опыт в данной области у Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Однако реализация принципа единства судебной власти связана с необходимостью обеспечения единства и целостности российского государства. Данное единство основывается на сбалансированности отношений между центром и регионами, достигаемой путем обеспечения в полной мере только при учете интересов субъектов Российской Федерации во всех областях, в том числе и в сфере реализации судебной власти на местах.

Библиографический список

1. О судебной системе Российской Федерации : Федер. конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 18.04.2018) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 1. – Ст. 1.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
3. О судах общей юрисдикции в Российской Федерации : Федер. конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ (ред. от 18.04.2018) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 898.
4. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2017 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.
5. Показатели работы судов Чувашской Республики в 2017 году // Официальный сайт Управления Судебного департамента в Чувашской Республике – Чувашии. – URL: <http://usd.chv.sudrf.ru/modules.php?name=stat&id=237>.
6. О мировых судьях в Российской Федерации : Федер. закон от 17.12.1998 № 188-ФЗ (ред. от 18.04.2018) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 51. – Ст. 6270.
7. Должностной регламент главного специалиста – помощника мирового судьи. – URL: <https://ums.government-nnov.ru/?id=84237>.
8. **Романовская, О. В.** О дисциплинарной ответственности судей / О. В. Романовская // Российская юстиция. – 2012. – № 9. – С. 46–51.
9. Инструкция по организации судебного делопроизводства в аппаратах мировых судей Пензенской области (утв. приказом Управления общественной безопасности и обеспечения деятельности мировых судей в Пензенской области от 18.07.2017 № 33) (ред. от 27.09.2017). – URL: http://archivejudge.pnzreg.ru/sprav_inf/Instrukciya_po_sudebnomu_deloproizvodstvu_mirovogo_sudi.
10. **Романовская, О. В.** Организация государственной власти в субъектах Российской Федерации в решениях Верховного Суда Российской Федерации / О. В. Романовская // Реформы и право. – 2009. – № 2. – С. 35–53.

References

1. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 1997, no. 1, art. 1.
2. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2014, no. 31, art. 4398.
3. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2011, no. 7, art. 898.
4. *Ofitsial'nyy sayt Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude Rossiyskoy Federatsii* [Official site of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

5. *Ofitsial'nyy sayt Upravleniya Sudebnogo departamenta v Chuvashskoy Respublike – Chuvashii* [Official site of the Office of the Judicial Department in the Republic of Chuvashia]. Available at: <http://usd.chv.sudrf.ru/modules.php?name=stat&id=237>.
6. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 1998, no. 51, art. 6270.
7. *Dolzhnostnoy reglament glavnogo spetsialista – pomoshchnika mirovogo sud'i* [Duty regulations of the chief specialist – assistant justice of the peace]. Available at: <https://ums.government-nnov.ru/?id=84237>.
8. Romanovskaya O. V. *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian justice]. 2012, no. 9, pp. 46–51.
9. *Instruktsiya po organizatsii sudebnogo deloproizvodstva v apparatakh mirovykh sudey Penzenskoy oblasti (utv. prikazom Upravleniya obshchestvennoy bezopasnosti i obespecheniya deyatelnosti mirovykh sudey v Penzenskoy oblasti ot 18.07.2017 № 33) (red. ot 27.09.2017)* [Guidelines on court proceedings organization at magistrates of Penza region (approved by the Department of Public Security and Support of Activities of Magistrates in Penza region of 18.07.2017 No 33)]. Available at: http://archivejudge.pnzreg.ru/sprav_inf/Instrukciya_po_sudebnomu_deloproizvodstvu_mirovogo_sudi.
10. Romanovskaya O. V. *Reformy i pravo* [Reforms and law]. 2009, no. 2, p. 35–53.

Лаврентьева Ирина Михайловна

аспирант, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: imlavrenteva@yandex.ru

Lavrent'eva Irina Mikhailovna

Postgraduate student, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 342.565

Лаврентьева, И. М.

Некоторые правовые аспекты организации деятельности мировых судей в субъекте Российской Федерации / И. М. Лаврентьева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2018. – № 4 (48). – С. 40–47. – DOI 10.21685/2072-3016-2018-4-5.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. В современной России идет судебная реформа, призванная существенным образом оптимизировать судопроизводство и тем самым сделать правосудие еще более доступным каждому. Для эффективного функционирования судебной власти необходимо создать систему органов, способных оперативно рассматривать дела по всем видам производств. В настоящее время нагрузка на суды общей юрисдикции колоссальная, и это не может не влиять на стабильность выносимых судебных актов. Для существенного снижения такой нагрузки необходимо в системе судов, особенно в системе общей юрисдикции, создать специализированные суды в зависимости от категории рассматриваемого дела. По мнению автора, отказ от такой специализации либо отложение вопроса перехода к специализированным судам приведет к еще большей перегрузке судебных органов, что неминуемо отразится на работе судов в целом. Соответствующие предпосылки для создания новых судов уже имеются. Сегодня в России уже создан суд по интеллектуальным правам, который полностью отвечает признакам специализированного суда. Автор также приводит аргументы того, что недавно учрежденные апелляционные и кассационные суды тоже следует отнести к специализированным, и, помимо вышеперечисленного, предлагает создать специальный судебный орган, исключительной компетенцией которого будет рассмотрение споров с обязательным участием иностранных организаций.

Материалы и методы. Проанализированы основные точки зрения ученых, исследовавших данную проблему, и вопросы, смежные с рассматриваемой в данной статье.

Результаты. Рассмотрены точки зрения ученых относительно возможности учреждения специализированных судов в России и поддержана позиция о необходимости проработки вопроса учреждения таких судов. Соответствующая судебная практика и практика органов, так или иначе содействующих объективному и полному рассмотрению судебных дел, позволяют осуществить переход к специализации. Тем более она уже существует внутри судов общей юрисдикции, и работа по созданию таких судов должна быть продолжена.

Выводы. В результате начатого перехода к специализированным судам удалось оптимизировать работу судебной системы, в частности системы арбитражных судов, где был создан суд по интеллектуальным правам. Это существенным образом позволило снизить нагрузку на арбитражные суды. Назрела необходимость аналогичного подхода и в системе судов общей юрисдикции, поскольку усложняется категория рассматриваемых сложных дел, где требуется не только большой опыт работы в должности судьи, но и обладание специальными познаниями и даже квалификацией специалиста. При этом следует заметить, что подобные новации не приведут к необоснованному росту штат-

ной численности судей и работников аппаратов судов, а лишь позволят путем выделения специализированных судов из судов общей юрисдикции снизить нагрузку на судью, несколько упростить судопроизводство, что обеспечит не только своевременное рассмотрение дел, но и стабильность выносимых судебных постановлений.

Ключевые слова: суд, специализированный суд, правосудие, судебная система.

K. A. Ermolaev

DEVELOPMENT PROSPECTS FOR SPECIALIZED JUDICIAL BODIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract.

Background. In modern Russia, the judicial reform is in full swing, designed to significantly optimize the judicial process and thereby make justice more accessible to everyone. For the effective functioning of the judiciary, it is necessary to create a system of bodies capable of promptly dealing with all types of productions. At present, the burden on the courts of general jurisdiction is colossal, and this cannot but affect the stability of the judgments handed down. To significantly reduce this burden, it is necessary to establish specialized courts in the court system, especially in the general jurisdiction system, depending on the category of the case in question. In the opinion of the author, the refusal of such specialization will lead to an even greater overload of the judiciary, which will inevitably affect the work of the courts as a whole; the corresponding prerequisites for this are available. Today, Russia has already established a court on intellectual rights, which fully meets the characteristics of a specialized court. The author also argues that the newly established appellate and cassation courts should also be classified as specialized. In addition to the above, the author suggests creating a judicial body whose exclusive competence will be the consideration of disputes with the mandatory participation of foreign organizations.

Materials and methods. The article analyzes the main points of view of the scientists who investigated this problem and the problems adjacent to the one considered in this article.

Results. The author examined the views of scientists on the possibility of establishing specialized courts in Russia and supported the position on the need to work out the issue of establishing such courts. The relevant jurisprudence and practice of bodies that somehow facilitate the objective and full consideration of court cases, allows for a transition to specialization. Moreover, it already exists within the courts of general jurisdiction.

Conclusions. As a result of the initiated transition to specialized courts, it was possible to optimize the work of the judicial system, in particular, the system of arbitration courts, where the court for intellectual property rights was created. This significantly reduced the burden on arbitration courts. There is a need for a similar approach in the system of courts of general jurisdiction, since the category of complex cases under consideration is complicated, which requires not only extensive experience as a judge, but also possession of special knowledge and even specialist qualifications. It should be noted that such innovations will not lead to an unreasonable increase in the staffing capacity of judges and court staff, and will only reduce the burden on the judge by isolating specialized courts from courts of general jurisdiction, simplify court proceedings to a certain extent, which will ensure not only the timely processing of cases, but also the stability of court decisions.

Keywords: court, specialized court, justice, judicial system.

Современный уровень развития общественных отношений обуславливает создание институтов, способных оперативно и эффективно их регулировать. В современной жизни они достаточно разнообразны, особенно такой их вид, как правоотношения. Одним из них является суд, и наличие этих правоотношений и необходимость их регулирования и есть необходимая предпосылка к его возникновению.

По мере эволюции судебной системы усложняется категория рассматриваемых дел, что неизбежно ведет к формированию специализации, главным образом зависящей как раз от категории дела. Участие в правоотношениях, регулируемых с участием суда, в которых одной из сторон выступают институты власти (как государственные органы, так и органы местного самоуправления), задает тенденцию к формированию специализации судей и даже созданию специализированных видов судов, которым подсудны дела определенной категории.

Очередной виток этой эволюции в России приходится на 1991 г., с которого началась и продолжает осуществляться и в наши дни глобальная судебная реформа. Одним из ее направлений стала возможность учреждения специализированных судов. Статья 26 Федерального конституционного закона (ФКЗ) «О судебной системе в Российской Федерации» предусматривает, что «специализированные суды могут создаваться для рассмотрения гражданских и административных дел». Следует заметить, что вопрос перехода с судов общей юрисдикции на специализированные в России носит дискуссионный характер. В юридической литературе обращается внимание на отсутствие формальных барьеров для их учреждения, ведь п. 3 ст. 128 Конституции РФ предусматривает возможность определения полномочий, порядка образования и деятельности... иных федеральных судов в соответствии с федеральным конституционным законом. При этом возможность создания таких судов ограничена определенными рамками, о которых говорилось выше. Но самое главное – специализированные суды призваны не только снизить нагрузку на судью, но и существенно упростить рассмотрение дела, четко разграничив субъектов правоотношений, и даже сделать несколько неформальной, отчасти незатратной, процедуру судебного разбирательства. При создании специализированных судов нужно особо тщательно продумать вопросы не только подсудности дел, но и их взаимодействия с другими органами власти и организациями. Особенно пристальное внимание нужно обратить на взаимодействие с экспертными учреждениями, поскольку сроки проведения экспертизы напрямую влияют на сроки рассмотрения дела в суде, а качество экспертного заключения – на обоснованность выносимого решения. Конечная цель создания специализированных судов – обеспечение права человека на справедливое судебное разбирательство его дела [1].

Специализированные суды обладают двумя обязательными признаками:

- их устройство и компетенция урегулированы нормами специально принятых законодательных и иных нормативных правовых актов;
- отправление правосудия осуществляется в ином процессуальном порядке [2].

Но для функционирования этих судов нужно принять новые либо существенным образом пересмотреть уже действующие предложения по изме-

нению законодательных актов, регулирующих процессуальные аспекты и судоустройство.

Самым первым и пока единственным на сегодняшний день специализированным судом как таковым является суд по интеллектуальным правам (далее – СИП). Он учрежден в соответствии с ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» и существует в системе арбитражных судов. Основной причиной его создания послужила перегрузка арбитражных судов всех уровней, причем настолько, что это стало влиять на сроки прохождения дел. Кроме того, нельзя обойти вниманием и вопрос стабильности судебных постановлений, необходимости повышения уровня эффективности рассмотрения споров в сфере защиты и охраны интеллектуальных прав. Споры, рассматриваемые данным судом, имеют свою специфику, отличаются сложностью, а значит, нужны специальные познания для качественного и своевременного рассмотрения дел.

В основу создания СИПа был положен опыт Германии и Японии. Последняя интересна тем, что там для рассмотрения дел, связанных с защитой права интеллектуальной собственности, привлекают так называемых судей-техников. Парадокс в том, что такие специалисты не замещают судебские должности официально, но при этом участвуют в процессе в качестве судьи. В Германии же используется институт специалистов, обладающих специальными познаниями. Эти специалисты привлекаются для рассмотрения конкретных дел. На основе такой рецепции и создан СИП в России [3]. Законом предусмотрено, что в качестве специалистов могут привлекаться лица, состоящие в аппарате суда и обладающие одновременно специальной квалификацией, соответствующими теоретическими и практическими познаниями [4]. Хотя вопрос привлечения судей-техников на стадии разработки законопроекта активно обсуждался, но перед законодателем образовалось непреодолимое препятствие в виде установленного Конституцией РФ ограничения, которое предусматривает ст. 119. И это ограничение главным образом затрагивает не только образование, но и стаж работы по юридической профессии, который должен быть не менее пяти лет. Этот барьер удалось преодолеть путем введения должности советника суда и института специалиста.

Рассмотрение дел в СИПе осуществляется судьями коллегиально. Его решения вступают в законную силу немедленно. Именно поэтому обжалование таких решений в апелляционном порядке оказалось невозможным. Что же касается обжалования решений такого суда в кассационном порядке, то и здесь наблюдается его обособленность. Решения, выносимые СИПом, обжалуются в этот же (!) суд, а также в него же предусмотрена возможность обжалования решений по делам, рассмотренных арбитражными судами субъектов РФ и арбитражными апелляционными судами. Полномочия данного суда определены ст. 43.4 и 43.6 ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации». Еще одно новшество и исключительная прерогатива СИПа – право направлять запросы, но не с целью истребования доказательств, а с целью получения разъяснений, консультаций и даже выяснения мнения профессиональных ученых, специалистов и иных лиц, обладающих специальными теоретическими и практическими знаниями, необходимыми для рассмотрения дела по существу. Таким специалистом может быть любое лицо, обладающее

соответствующими познаниями, и оно даже может занимать должность в аппарате СИПа, как указывалось выше. И такое поистине уникальное право есть только у суда по интеллектуальным правам. До этого им обладал только Конституционный Суд РФ.

Вторым масштабным преобразованием стало учреждение апелляционных и кассационных судов в системе судов общей юрисдикции. Однако вопрос о том, являются ли эти суды специализированными, – дискуссионный. Вроде бы приняты и вступили в силу законодательные акты, регулирующие их деятельность, но в то же время нельзя однозначно сказать, что рассмотрение дел в них будет осуществляться в ином процессуальном порядке. По сути, стадию апелляции и кассации просто перенесли в суд, находящийся на другой территории и входящий в определенный законом апелляционный или кассационный округ. Но все же, по нашему мнению, данные суды можно считать специализированными, поскольку они будут заниматься рассмотрением исключительно апелляционных и кассационных жалоб, т.е. у них есть своя *специализация*, хотя процессуальный порядок рассмотрения таких дел пока остается прежним. Кассационные суды пришли на смену президиумам судов субъектов, приравненных к этим судам, а апелляционные будут пересматривать судебные постановления, вынесенные судами субъектов. Апелляционное обжалование постановлений и решений, вынесенных мировыми судьями и районными (приравненными к ним городскими) будет осуществляться в прежнем порядке, но кассационное – уже в кассационный суд.

Примечательно, что создание апелляционных и кассационных судов не привело к ликвидации президиумов судов субъектов, поскольку на них возложена функция судебного контроля и обобщения судебной практики. Те же права и у президиумов новых судов, уполномоченных рассматривать такие жалобы и представления. Помимо президиума, в новых судах образованы судебные коллегии по гражданским, уголовным, административным делам [5].

Создание этих видов специализированных судов, которые будут находиться в другом субъекте РФ и удалены от суда, рассмотревшего дело по первой инстанции, имеет цель – исключить личную заинтересованность судей при рассмотрении конкретного дела. Тем самым обеспечивается возможность вынесения обоснованного и справедливого судебного постановления. Начало работы этих судов планируется не позднее 1 октября 2019 г. Как мы видим, создание специализированных судов всегда проводится с тщательной подготовкой и проработкой всех законодательных актов, регламентирующих их деятельность.

15 сентября 2015 г. в силу вступил Кодекс административного судопроизводства (КАС) РФ, положивший начало реализации административного судопроизводства. И здесь будет обоснованно задан вопрос: а почему после принятия данного процессуального кодекса не стали выделять в отдельный вид суды, которые были бы уполномочены рассматривать административные дела?

Первая попытка решения данного вопроса была предпринята в 2000 г. Предложение ввести в действие административный процессуальный кодекс внес М. Касьянов, занимавший в то время должность председателя Правительства РФ. Административно-процессуальные нормы уже тогда нуждались в глубокой и серьезной систематизации, достичь которую можно, лишь ко-

дифицировав эти нормы. Кроме того, органы власти, уполномоченные рассматривать административные дела, делали это не всегда объективно и беспристрастно, что неминуемо приводило к нарушению прав граждан и организаций, да и уровень нагрузки на тот момент был запредельно высок, не было соответствующих условий. В итоге данные органы не справлялись с нагрузкой, и очень часто постановления обжаловались в суд. Однако и судом они рассматривались хотя и с редкими случаями нарушения сроков, но со сложностями, связанными с отсутствием соответствующих норм.

Обострение этой проблемы и подтолкнуло к идее создания административных судов. На первых порах эта на тот момент революционная и весьма радикальная идея начала стремительно развиваться. Уже 22 ноября 2000 г. проект ФКЗ «О федеральных административных судах в Российской Федерации» был принят в первом чтении [6]. Он определил систему и структуру этих судов. Однако проектом было предусмотрено, что административные суды будут находиться внутри системы судов общей юрисдикции. Но после первого чтения этот законопроект был оставлен без дальнейшего движения. И так продолжалось до 2012 г., когда вновь возобновились обсуждения и дискуссии. И в этот раз в обсуждении данного вопроса участвовал Председатель Правительства РФ, кандидат в президенты, а ныне действующий Президент РФ В. В. Путин. Одним из пунктов планируемых им преобразований было создание в России административных судов: «Дух и смысл практики административного судопроизводства исходит из того, что гражданин уязвимее чиновника, с которым он спорит. Бремя доказывания возлагается на административный орган, а не на человека» [7]. Результатом стало принятие Кодекса административного судопроизводства, при разработке которого был взят за основу Гражданский процессуальный кодекс РФ. И по новому КАС РФ судами рассматриваются дела, которые вытекают из публично-правовых отношений. Дела об административных правонарушениях по-прежнему разбираются в соответствии с главой 23 Кодекса об административных правонарушениях РФ.

Таким образом, введение административных судов в России находится в стадии обсуждения и разработки, но в научных юридических кругах появляется все больше сторонников учреждения административных судов [8]. Ведь их необходимость обусловлена не только развитием и усложнением судебной системы, но и ч. 2 ст. 118 Конституции РФ, которая содержит базовую норму, предусматривающую возможность (но не обязательство!) учреждения административного суда [9].

Обсуждая вопрос учреждения специализированных судов, прежде всего нужно рассмотреть возможность перехода к специализации носителей судебной власти – судей. Специализация судей существовала всегда и во все времена, но у каждого суда, как общей юрисдикции, так и у арбитражных судов, она своя и существует внутри конкретного суда. Так же было и в советское время, аналогично она выглядит и сейчас. Основными факторами будут являться территория нахождения суда, штатная численность судей, квалификация, стаж судьи. Исходя из этого председатель соответствующего суда и определяет распределение дел по территории и, главное, по категориям дел. Но в определенных случаях и в целях равномерного распределения нагрузки председатель суда может поручить рассмотрение конкретного дела

судье, специализация которого приказом председателя может и не предусматривать такое рассмотрение.

Наиболее острые вопросы вызывают дела, в которых обязательным участником выступает несовершеннолетний гражданин. Причем эта проблема обостряется и в перспективе может привести к образованию судов по делам несовершеннолетних или ювенальных судов.

Сейчас данная проблема стоит не настолько остро, но история отечественной юриспруденции помнит попытки учреждения и даже периоды существования таких судов. Существовал он в начале XX в. И это притом, что общество в тот период времени было разделено на сословия! Тогда законодатель руководствовался тем, что нет вины самого ребенка в том, что он плохой, таким его делают взрослые, рядом с которыми он находится, и условия, в которых он растет и развивается. Именно они и формируют его как преступника.

Основная цель этих судов была не осуждение ребенка, не вынесение ему сурового и строгого наказания, а перевоспитание, причем педагогическими методами, что поистине было ультраревOLUTIONНЫМ в истории отечественного правосудия. Данными судами рассматривались уголовные дела по обвинению несовершеннолетних, обвиняемых в совершении различных преступлений, зачастую в соучастии со взрослыми, дела, в которых несовершеннолетние признавались потерпевшими, некоторые гражданские дела, связанные с ненадлежащим воспитанием детей и, как бы сейчас сказали, злостным уклонением от исполнения обязанностей родителя.

Не оставлял попыток возродить такие суды и современный законодатель. Был разработан проект ФКЗ № 38948-3 «О внесении дополнений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации», который так же, как и проект об административных судах, был принят в первом чтении 15 февраля 2002 г. По замыслу авторов данного законопроекта, предполагалось учредить суды, уполномоченные рассматривать гражданские, уголовные и административные дела с обязательным участием несовершеннолетних. Однако этот законопроект не был глубоко проработан. В нем не содержалось четко определенного круга дел, подсудных ему, что само по себе обесценивало его. Кроме того, в число лиц, участвующих в деле, предполагалось ввести: по уголовным делам – свидетеля и потерпевшего; в гражданских делах – третьих лиц. Данный законопроект был раскритикован, поскольку считалось, что это приведет к необоснованному расширению подсудности. В конечном итоге он был отклонен осенью 2010 г. [10].

Другим основанием создания рассматриваемого суда являются и международные обязательства РФ как правопреемницы СССР, которая ратифицировала Конвенцию о правах ребенка и обязана периодически предоставлять доклад об ее исполнении в Комитет ООН по правам ребенка в силу ст. 40 Конвенции.

В итоге можно утверждать, что правосудие по делам несовершеннолетних в России все же существует, но внутри судов общей юрисдикции. Начиная с 2010 г. по настоящее время постепенно намечается тенденция выделения дел с участием несовершеннолетних в отдельный подвид судопроизводства. В нескольких субъектах РФ (Московская, Ленинградская, Вологодская, Ростовская, Брянская области, а также Пермский, Краснодарский края) сфор-

мировалась практика, где по распоряжению председателя созданы судебные составы, рассматривающие исключительно такие дела. Надо отдать должное и комиссиям по делам несовершеннолетних, проделавших огромную работу по накоплению правоприменительной практики и содействию судам в рассмотрении указанных дел. Немалую помощь оказывают и органы опеки и попечительства, полиция, прокуратура, даже школы и различные психолого-педагогические учреждения.

Как мы видим, опыт внедрения «ювенальных технологий» [11] в России, включая регионы, достаточный, а главное положительный, и является целесообразным для начала подготовки к созданию судов по делам несовершеннолетних. К тому же учреждение ювенальных судов связано и с обязанностью исполнения Россией норм международного права.

По подобному пути предлагалось пойти и при создании трудового суда. И здесь тоже можно привести пример из отечественной истории, когда был разработан проект закона «О промышленных (трудовых) судах». В итоге он так и остался проектом. Как это ни парадоксально, но трудовые суды существовали и в советское время – с 1924 по 1936 г., но как трудовая сессия районных судов, куда входили народный судья, представитель от Наркомата труда и представитель профсоюза. Начиная с 1936 г. и по настоящее время трудовые споры подсудны районным судам, и говорить о создании трудовых судов было бы преждевременно, поскольку в современный период профсоюзы и комиссии по трудовым спорам, хотя и предусмотрены трудовым законодательством, но в силу российской ментальности и специфики отношения к работе институты защиты трудовых прав не нашли своего применения.

Еще хуже обстоит ситуация с земельными правоотношениями. Высказывались предложения по поводу учреждения и такого вида суда. Однако главный объект этих правоотношений становится практически бесхозным. Но в этом кроются экономические причины, которые в свою очередь порождают и юридические: издается очень много законов и иных нормативных правовых актов, противоречащих друг другу, и для судьбы это создает определенные сложности при рассмотрении дела. Ситуация со специализацией судей по земельным спорам весьма критическая. В некоторых районных и даже судах субъектов Федерации судей, которые специализируются на рассмотрении подобных дел, просто нет. От этого страдают и граждане, и юридические лица, поэтому создавшуюся ситуацию необходимо срочно и безотлагательно исправлять!

Другая интересная инициатива – создание «моносуда». Защита иностранных инвесторов в целях защиты их прав и экономических интересов не только самих участников, но и государств, которые инвестируют средства в развитие какой-либо деятельности в другом государстве, необходима и должна быть обеспечена гарантиями. Для этого существуют специальные судебно-третейские учреждения, использующие не только национальное право, но и нормы международного. Естественно, должны быть выработаны механизмы обращения решений, вынесенных такими судами. В российском законодательстве предусмотрено право обращения в суд общей юрисдикции или арбитражный суд с заявлением о выдаче исполнительного документа на принудительное исполнение решения третейского суда. Но это создает нагрузку на суды общей юрисдикции и сами правоотношения, рассматриваемые в та-

ких международно-третейских судах. В связи с этим необходимо делегировать право исполнения подобных решений специализированным судам. Что касается полномочий данных судов, то, безусловно, им следует применять не только нормы российского права, но и права того иностранного государства, в котором зарегистрировано лицо, участвующее в спорном правоотношении. Но, помимо урегулирования порядка деятельности данного суда, также необходимо учесть сложности организационного характера: например, подбор судьи, не только владеющего соответствующим иностранным языком, но и знающего иностранное законодательство и судебную практику рассмотрения дел. Особенно это касается стран, где приоритет перед законом имеет прецедент.

В нашей стране была предпринята попытка создания такого органа, но его можно считать скорее квазисудебным, нежели судебным. Речь идет о создании международного финансового центра, учрежденного в 2009 г. Но до рассмотрения международных экономических споров дело так и не дошло. Позже подобная идея была забыта. Между тем государство заинтересовано в иностранном инвестировании определенных экономических проектов и для партнеров, особенно если эти партнеры являются стратегическими. Поэтому необходимо создать механизм судебной защиты, который будет эффективно работать в интересах инвесторов на территории России.

В настоящее время специализированным органом для рассмотрения международных экономических споров является Международный коммерческий арбитражный суд и Морская арбитражная комиссия при Торгово-промышленной палате РФ [12]. Но надо помнить, что этот суд не входит в национальную судебную систему РФ. Насколько позитивно скажутся эти изменения в судебной практике и насколько целесообразно создание таких судов, покажет время. Постепенная информатизация судопроизводства будет и дальше реализовывать принцип транспарентности, а значит, в перспективе сделает правосудие более доступным, при этом нагрузка на судью будет существенным образом оптимизирована. Нам представляется, что именно такой путь приведет к качественным позитивным переменам в сфере отечественного правосудия.

Библиографический список

1. Пункт 1 статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и его свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // Бюллетень международных договоров. – 2001. – № 3. – С. 3–44.
2. Актуальные проблемы деятельности судов общей юрисдикции Российской Федерации : учебник / Н. В. Азаренок, В. А. Байдуков, В. М. Бозров и др. ; под ред. В. М. Бозрова. – М. : Юстиция, 2017. – 568 с.
3. **Попова, С. С.** Проблемы становления суда по интеллектуальным правам / С. С. Попова // Имущественные отношения в РФ. – 2013. – № 6 (141). – С. 97.
4. Статья 87.5 АПК РФ и Постановление Пленума ВАС РФ от 08.10.2012 № 59 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с принятием Федерального закона от 08.12.2011 № 422-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам”» // Патенты и лицензии. – 2013. – № 12.
5. Статьи 23.4, 23.12 Федерального конституционного закона «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 898.

6. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 ноября 2000 г. № 824-III ГД «О проекте Федерального конституционного закона “О федеральных административных судах в Российской Федерации”» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 49, ч. 5. – Ст. 7257.
7. Предвыборная программа Председателя Правительства Российской Федерации и кандидата в Президенты Российской Федерации. – URL: <http://putin2012.ru/program/4> (дата обращения: 20.12.2012).
8. **Загривко, Д. С.** Некоторые особенности осуществления административного судопроизводства в современной России / Д. С. Загривко // Российский судья. – 2013. – № 12. – С. 36–42.
9. **Разгильдеев, А. В.** Административное правосудие: опыт стран Европы, США и возможность его использования в России / А. В. Разгильдеев // Закон. – 2013. – № 11. – С. 135–150.
10. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации № 4212-5 ГД // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 42. – Ст. 5335.
11. **Кучина, М. С.** Опыт применения ювенальных технологий в России / М. С. Кучина // Мировой судья. – 2017. – № 6. – С. 30–35.
12. **Клеандров, М. И.** Суд для иностранного стратегического инвестора / М. И. Клеандров // Предпринимательское право. – 2018. – № 1. – С. 31–39.

References

1. *Bulleten' mezhdunarodnykh dogovorov* [Bulletin of international agreements]. 2001, no. 3, pp. 3–44.
2. Azarenok N. V., Baydukov V. A., Bozrov V. M. et al. *Aktual'nye problemy deyatel'nosti sudov obshchey yurisdiktsii Rossiyskoy Federatsii: uchebnyk* [Topical problems of the activity of courts of general jurisdiction in the Russian Federation: textbook]. Moscow: Yustitsiya, 2017, 568 p.
3. Popova S. S. *Imushchestvennyye otnosheniya v RF* [Property relations in the Russian Federation]. 2013, no. 6 (141), p. 97.
4. *Patenty i litsenzii* [Patents and licenses]. 2013, no. 12.
5. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2011, no. 7, art. 898.
6. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2011, no. 49, part 5, art. 7257.
7. *Predvybornaya programma Predsedatelya Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii i kandidata v Prezidenty Rossiyskoy Federatsii* [The election program of the Chairman of the Government of the Russian Federation and a candidate for the Presidency of the Russian Federation]. Available at: <http://putin2012.ru/program/4> (accessed Dec. 20, 2012).
8. Zagrivko D. S. *Rossiyskiy sud'ya* [Russian judge]. 2013, no. 12, pp. 36–42.
9. Razgil'deev A. V. *Zakon* [Law]. 2013, no. 11, pp. 135–150.
10. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2010, no. 42, art. 5335.
11. Kuchina M. S. *Mirovoy sud'ya* [Justice of the Peace]. 2017, no. 6, pp. 30–35.
12. Kleandrov M. I. *Predprinimatel'skoe pravo* [Business law]. 2018, no. 1, pp. 31–39.

Ермолаев Константин Андреевич
аспирант, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

Ermolaev Konstantin Andreevich
Postgraduate student, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

E-mail: kayermolaev@mail.ru

УДК 343

Ермолаев, К. А.

Перспективы развития специализированных судебных органов в Российской Федерации / К. А. Ермолаев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2018. – № 4 (48). – С. 48–58. – DOI 10.21685/2072-3016-2018-4-6.

СИСТЕМА ИСТОЧНИКОВ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА В США¹

Аннотация.

Актуальность и цели. Выборы – важнейший институт демократии, поэтому построение эффективной и научно обоснованной системы источников правового регулирования выборов в федеративном государстве, изучение зарубежного опыта в этой сфере представляется актуальным и научно значимым. Проблема прозрачности избирательного процесса как ключевого элемента демократии занимает одно из центральных мест в отношениях, связанных с проведением выборов. До настоящего времени институт наблюдателей остается важнейшим инструментом транспарентности. Целью исследования является комплексный анализ системы правового регулирования избирательных правоотношений в США.

Материалы и методы. Анализируются содержание и значение в системе правового регулирования выборов таких источников, как Конституция США, федеральные законы, исполнительные приказы Президента США, судебные прецеденты Верховного Суда США, конституции и законодательство штатов. Методологический потенциал включает методы сравнительно-правового и историко-правового анализа, направленные на анализ особенностей регулирования выборов в США.

Результаты. Исследована современная модель взаимодействия федерального и регионального уровней правового регулирования выборов в США, проанализированы основные тенденции изменения системы правового регулирования как с точки зрения ее структуры, так и содержания.

Выводы. В США создана сложная динамичная, во многом противоречивая система источников правового регулирования избирательных отношений. С одной стороны, в последние десятилетия отмечается тенденция усиления федерального правового регулирования в этой области, с другой стороны, консервативное большинство Верховного Суда США и новая администрация Д. Трампа существенно ограничивают данную тенденцию. Федеральное законодательство опирается на положения Конституции США, но во многом ограничено практикой Верховного Суда США. В целом можно говорить о сосредоточенности федерального законодательства на вопросах обеспечения избирательных прав граждан и определения системы выборов в федеральные органы власти. Напротив, законодательство штатов характеризуется большей системностью и детализированностью, представлено в положениях конституций и избирательных кодексов и применимо не только к региональным и местным выборам, но и к избирательному процессу федерального уровня.

Ключевые слова: источники, избирательное право, конституционное право США, равноправие, федерализм.

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант «Основные тенденции развития избирательного права и практики его применения на региональном уровне: опыт России и США» 18-411-580003 p_a.

© 2018 Николаев Б. В. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

THE SYSTEM OF SOURCES OF LEGAL REGULATION OF ELECTORAL RELATIONS IN THE USA

Abstract.

Background. Elections are the most important institution of democracy, therefore the construction of an effective and scientifically based system of sources of legal regulation of elections in a federal state, the study of foreign experience in this field seems relevant and scientifically meaningful. The problem of transparency of the electoral process, as a key element of democracy, occupies one of the central places in relations connected with the conduct of elections. To date, the institution of observers remains the most important tool of transparency. The purpose of the study is a comprehensive analysis of the system of legal regulation of electoral relations in the United States.

Materials and methods. The content and significance of the system of legal regulation of elections of such sources as the US Constitution, federal laws, executive orders of the US President, judicial precedents of the US Supreme Court, state constitutions and state legislation are analyzed. The methodological potential includes methods of comparative legal and historical and legal analysis aimed at analyzing the peculiarities of regulating electoral relations in the USA.

Results. The modern model of interaction between the federal and regional levels of legal regulation of elections in the United States has been studied, the main trends in changes in the legal regulation system have been analyzed, both in terms of its structure and content.

Conclusions. In the USA, a complex dynamic, largely contradictory system of sources of legal regulation of electoral relations has been created. On the one hand, in recent decades there has been a tendency to strengthen the federal legal regulation in this area, on the other hand, the conservative majority of the US Supreme Court and the new administration of D. Trump significantly limit this trend. Federal legislation is based on the provisions of the US Constitution, but is largely limited to the practice of the US Supreme Court. In general, we can talk about the concentration of federal legislation on the issues of ensuring the electoral rights of citizens and determining the system of elections to federal authorities. On the contrary, state law is characterized by greater systemicity and detailedness, is presented in the provisions of constitutions and electoral codes and is applicable not only to regional and local elections, but also to the electoral process at the federal level.

Keywords: sources, electoral law, constitutional law of the USA, equality, federalism.

Первоначальный текст Конституции США 1787 г. содержал ряд специальных положений относительно выборов федеральных органов: систему выборов (в том числе требования к пассивному избирательному праву) Палаты представителей («раз в два года народом отдельных штатов», при этом «избиратели в каждом из штатов должны отвечать требованиям, предъявляемым к избирателям наиболее многочисленной палаты законодательного собрания штатов») (статья 1, раздел 2); систему выборов Сената (измененную XVII поправкой) и требования к кандидатам (статья 1, раздел 3). К компетенции штатов было также отнесено определение сроков, места и порядка проведения выборов сенаторов и представителей. Но Конгрессу США было предоставлено право принять закон об установлении или изменении этих правил (за исключением

определения места проведения выборов сенаторов) (статья 1, раздел 4). Конституция также закрепила полномочия палат Конгресса по установлению правомерности проведения и результатов выборов и соответствия их членов конституционным требованиям (статья 1, раздел 5), установила систему косвенных выборов президента и вице-президента США и требования к кандидатам (статья 2, раздел 1). Таким образом, первоначальный текст Конституции не содержит специальных положений об активном избирательном праве, основных стадиях избирательного процесса при проведении федеральных выборов и не регулирует вопросы избирательного права и процесса при региональных и муниципальных выборах.

Последующие поправки изменили и уточнили некоторые аспекты первоначального конституционного регулирования избирательной системы: XII Поправка конкретизировала процедуру избрания президента и вице-президента коллегией выборщиков; XIV поправка уточнила распределение мест от штатов в Палате представителей и запретила избрание в Конгресс мятежников и их пособников; XVII поправка установила прямые выборы сенаторов; XXII поправка ограничила президентские полномочия двумя сроками; XXIII предоставила гражданам федерального округа Колумбия право избирать выборщиков в рамках президентских выборов.

Большее значение имели четыре поправки к Конституции, которые направлены на запрет дискриминации при предоставлении активного избирательного права по признакам расы, цвета кожи либо выполнения ранее подневольной работы (XV поправка), пола (XIX поправка), возраста (установив максимальный возрастной ценз в 18 лет) (XXVI поправка), «вследствие неуплаты какого-либо избирательного или иного налога» (XXIV поправка). «Революционный» характер поправок состоял не только в том, что федеральное право вторгалось в такую важную сферу, как стандарты активного избирательного права, обеспечивая тем самым демократизацию и всеобщность избирательной системы, но и в том, что впервые федеральные конституционные постановления распространялись на все уровни избирательной системы США, ограничивая компетенцию штатов в данном вопросе.

Соответствующие положения Конституции США являются основой динамично развивающегося федерального законодательства в этой сфере. Так, Закон об избирательных правах 1965 г. (The Voting Rights Act of 1965 (P.L. 89-110)) стал одним из наиболее значимых актов федерального законодательства, гарантировав равные избирательные права граждан США независимо от расовой принадлежности и цвета кожи. Несмотря на то, что предшествующие ему Законы о гражданских правах 1957, 1960 и 1964 гг. содержали нормы о защите избирательных прав, они, по выражению Генерального прокурора Н. Катценбаха, имели лишь «минимальный эффект», особенно в сравнении с «непосредственным и драматическим» эффектом Закона об избирательных правах. Действительно, уже в первые четыре года после его принятия были зарегистрированы более миллиона черных избирателей, в том числе более 50 % черного электората в южных штатах. Кроме того, число избранных черных должностных лиц и депутатов в южных штатах после выборов 1966 г. выросло более чем в два раза [1, с. 12].

Закон о доступности выборов для пожилых людей и людей с ограниченными возможностями 1984 г. (Voting Accessibility for the Elderly and Han-

disapped Act of 1984 (P.L. 98-435)) предусматривает систему мер по расширению возможностей данных групп лиц для участия в голосовании при регистрации в качестве избирателя, получения информации в рамках предвыборной кампании и непосредственно в день голосования, включая оборудование специальных мест и условий для голосования пожилых и инвалидов или обеспечение иной процедуры для голосования таких лиц. Закон не только предусматривает судебные гарантии (право обращения в федеральный окружной суд), но и предписывает должностным лицам штатов, ответственным за организацию и проведение выборов, до 31 декабря каждого четного года представлять сведения об обеспечении доступности для инвалидов и пожилых граждан мест голосования Федеральной избирательной комиссии, которая в свою очередь 30 апреля каждого нечетного года представляет соответствующий доклад Конгрессу.

Закон об участии в выборах военнослужащих и проживающих за рубежом граждан 1986 г. (Uniformed and Overseas Citizens Absentee Voting Act (UOCAVA) of 1986 (P.L. 99-410)) предусматривает право таких лиц регистрироваться на выборах и голосовать по почте, а также создание в рамках Министерства обороны США специальной Программы помощи при проведении федеральных выборов для обучения военнослужащих основам действующего избирательного права и процесса. Закон 2009 г. об обеспечении лучшего доступа к голосованию военнослужащих и граждан, находящихся за рубежом (Military and Overseas Voting Empowerment (MOVE) Act of 2009 (P.L. 111-84)), гарантировал электронный доступ для таких лиц к различным избирательным процедурам, по крайней мере за 45 дней до дня голосования.

Закон о национальной системе регистрации избирателей (National Voter Registration Act (NVRA) of 1993 (P.L. 103-31)) предусмотрел регистрацию в качестве избирателя всем гражданам, оформляющим или переоформляющим водительские права, а также способствовал некоторой интеграции федеральной регистрационной системы и соответствующих систем штатов.

Закон о содействии в голосовании 2002 г. (The Help America Vote Act of 2002 (P.L. 107-252)) стал результатом острой общественно-политической реакции на неоднозначные результаты президентских выборов 2000 г., в которых Дж. Буш победил только после сложных процедур пересчета голосов и судебных разбирательств. Закон устанавливал единые минимальные стандарты избирательного процесса, в частности, предусматривал создание в каждом штате базы данных по регистрации избирателей, требование предъявления водительского удостоверения или свидетельства социального страхования избирателя при первой регистрации, обеспечение информированности избирателей о местах проведения голосования, обеспечение эффективности избирательных машин и необходимых материалов для проведения выборов. Законом также учреждалась Комиссия по содействию выборам, которая должна оказывать помощь властям штатов в организации и обеспечении избирательного процесса и распределять соответствующие федеральные ассигнования на эти цели.

Федеральное избирательное законодательство консолидировано в титуле 52 Свода законов США «Голосование и выборы» (ранее в титуле 42). Данный титул содержит три подраздела (subtitles), посвященные, соответственно, избирательным правам, вопросам регулирования избирательного про-

цесса и системе финансирования федеральных выборов. Подраздел 1 «Избирательные права» содержит четыре главы и гарантирует защиту от дискриминации в реализации избирательных прав независимо от расы, цвета кожи, языковой принадлежности, грамотности, возраста, экономического положения. При этом законодательство специально запрещает такие одиозные формы нарушения избирательных прав, как образовательный ценз, ценз нравственности, языковой ценз и проведение выборов и голосования, в частности, исключительно на английском языке, введение избирательных налогов, произвольных цензов оседлости для активного избирательного права. Примечательно, что закон не только устанавливает систему гарантий защиты избирательных прав (судебную защиту, институт федеральных инспекторов), но и содержит целый комплекс специальных норм об уголовной и гражданской ответственности за избирательные правонарушения.

Подраздел 2 «Помощь в голосовании и администрирование избирательного процесса» (Voting Assistance and Election Administration) содержит пять глав: глава 201 обеспечивает доступность участия в выборах пожилых граждан и лиц с ограниченными возможностями (две категории населения, которые относятся к новым дискриминируемым группам) [2, 3]; глава 203 определяет процедуру регистрации и голосования военнослужащих и граждан, проживающих за рубежом (особо разграничивая обязательства федеральной власти и органов государственной власти штатов в этой сфере); глава 205 посвящена системе Национальной регистрации избирателей; глава 207 «Федеральная избирательная документация» и глава 209 «Совершенствование регулирования избирательным процессом» посвящены деятельности вышеупомянутой Комиссии по содействию выборам и связанным с ее деятельностью вопросам.

Наконец, подраздел 3 посвящен вопросам финансирования федеральных избирательных кампаний и определяет правовой статус и компетенцию Федеральной избирательной комиссии.

Все более активной в последние десятилетия становится правотворческая активность президентской власти в США. Так, официальный сайт Белого дома признает «право голосовать одним из важнейших прав американских граждан», которое первоначально признавалось лишь в отношении «белых мужчин, достигших 21 года», а сейчас признается за всеми гражданами, достигшими возраста 18 лет, независимо от расовой, религиозной принадлежности, пола, инвалидности или сексуальной ориентации [4]. В своих двух первых официальных обращениях к Конгрессу США 20 февраля 2017 г. и 30 января 2018 г. Президент Д. Трамп последовательно избегает темы выборов и нарушений, опасаясь спровоцировать дальнейшее обсуждение нелегитимности его избрания. Однако избирательная тематика представлена в одной из важнейших форм президентской правотворческой деятельности – исполнительных приказах. Так, 17 мая 2017 г. Д. Трамп исполнительным приказом учредил Президентскую консультативную комиссию по обеспечению целостности избирательной системы с целью обеспечения «справедливости и честности» федеральных выборов [5]. Комиссию в составе не более чем 15 комиссаров возглавлял вице-президент США. Комиссия была призвана обеспечить сбор информации об избирательном законодательстве (федеральном и штатов) и практике его применения в ходе федеральных выборов с целью

предотвращения «ненадлежащей регистрации избирателей», «ненадлежащего голосования» (при отсутствии прав на регистрацию в качестве избирателя или на голосование) и мошенничества при регистрации или голосовании (в случаях осознанных и преднамеренных действий лица, не обладающего избирательным правом, по регистрации и участию в голосовании либо лица, обладающего активным избирательным правом, но нацеленного на регистрацию и последующее голосование одновременно в нескольких избирательных юрисдикциях). Одним из главных побудительных мотивов создания Комиссии стала убежденность администрации Д. Трампа в существенном нарушении федеральных стандартов, прежде всего за счет неоправданной регистрации и допуска к голосованию значительного числа лиц, не обладающих активным избирательным правом, в частности нелегальных мигрантов, а также за счет допущения множественного голосования в различных округах. Однако стремление администрации унифицировать процедуру регистрации избирателей и допуска к голосованию натолкнулось на ожесточенное сопротивление со стороны многих штатов, которые не только отказались предоставлять соответствующую информацию, но и обвинили президентскую администрацию, в том числе с помощью судебных исков, в стремлении воздействовать на определенные нежелательные для нее группы избирателей с целью получения преимущества на промежуточных выборах 2018 г. В результате Д. Трамп был вынужден издать 3 января 2018 г. новый исполнительный приказ о прекращении деятельности Комиссии [6].

Другим важным исполнительным приказом в данной сфере стал приказ «О наложении определенных санкций в связи с иностранным вмешательством в выборы в США» от 12 сентября 2018 г. [7], изданный в качестве развития исполнительного приказа Б. Обамы от 28 декабря 2016 г. «О дополнительных мерах обеспечения национальной безопасности в связи со значительной враждебной кибердеятельностью» [8]. В своем исполнительном приказе Д. Трамп подтверждает «необычный и экстраординарный» характер угрозы национальной безопасности и внешней политике США в связи с неправомерным вмешательством в избирательный процесс извне, однако указывает на отсутствие данных о прямом влиянии таких действий на результаты прошедших в 2016 г. генеральных выборов. В то же время в приказе предписывается в течение 45 дней после завершения выборов осуществить сбор информации о подобных нарушениях и в течение последующих 45 дней представить отчетный доклад президенту, государственному секретарю, министру финансов и министру обороны. Такой отчет должен стать основой для принятия решения о введении санкций в отношении конкретных лиц и организаций, виновных в совершении соответствующих противозаконных действий.

Определенное значение в системе регулирования избирательных отношений имеет Федеральная избирательная комиссия США, которая, однако, обладает достаточно ограниченными полномочиями, а ее деятельность носит зачастую политизированный характер, что в условиях обострения межпартийной борьбы в США ведет не только к уже ставшей привычной критике в адрес Комиссии, но даже к предложениям об ее упразднении или замене другим органом, который должен на профессиональной беспристрастной основе осуществлять контроль над финансированием избирательной кампании в США [9, с. 1423].

Одной из важнейших категорий источников избирательного права США являются решения Верховного Суда США, которые на различных этапах способствовали существенному развитию избирательной системы в США, обеспечивая подчас радикальные повороты правового регулирования выборов. Недаром такая категория дел традиционно включается в список наиболее значимых решений Верховного Суда США [10, 11].

В деле *Экс парте Ярбрух* (*Ex parte Yarbrough*, 110 U.S. 651 (1884)) Суд подтвердил, что право «граждан африканского происхождения голосовать основано на Конституции США, а не на законах штатов, и поэтому Конгресс имеет конституционные полномочия обеспечивать свободное, чистое и безопасное использование этого права». В деле 1915 г. *Гвинн против США* (*Guinn v. United States*, 238 U.S. 347 (1915)) Верховный Суд США вновь поддержал избирательные права афроамериканцев, признав неконституционной «дедушкину оговорку» к цензу грамотности в конституциях штатов Мериленд и Оклахома. В 1932 г. был признан неконституционным закон штата Техас о запрете черным участвовать в первичных выборах Демократической партии (*Nixon v. Condon*, 286 U.S. 73 (1932)) в 1941 г. Суд признал полномочия Конгресса в сфере регулирования первичных выборов и внутрипартийных процедур по выдвижению кандидатов как «интегральной части избирательного механизма» (*United States v. Classic*, 313 U.S. 299 (1941)).

В деле *Гомиллион против Лайтфут* (*Gomillion v. Lightfoot*, 364 U.S. 339 (1960)) Суд запретил выполнять манипуляции с границами округов с целью лишения афроамериканцев права голоса, а в 1964 г. установил требование обеспечения принципа равенства избирательных округов (*Wesberry v. Sanders*, 376 U.S. 1 (1964)), а в деле *Рейнольдс против Симса* (*Reynolds v. Sims*, 377 U.S. 533 (1964)) – требование равного представительства при выборах legislatur штатов.

В деле *Орегон против Митчелл* (*Oregon v. Mitchell*, 400 U.S. 112 (1970)) Суд поддержал запрет ценза грамотности, но ограничил право Конгресса США устанавливать ограничения возрастного ценза только применительно к федеральным выборам, но не к выборам регионального и местного уровней, что привело к принятию XXVI поправки к Конституции США.

В деле *Шоу против Рено* (*Shaw v. Reno*, 509 U.S. 630 (1993)) Суд поддержал практику расового джержримендеринга, ограничив ее, однако, правилом строгого анализа, требующего доказательства необходимого государственного интереса и наименее узкого возможного применения.

И в последние годы роль Верховного Суда США в этой ключевой для американского общества и государства области, пожалуй, даже возросла, равно как обострилась и внутренняя борьба в рамках высшего судебного органа по вопросам избирательного права. Констатируя, что именно дела по вопросам избирательного права вызывали наиболее ожесточенные споры в суде, исследователи отмечают, что сложившееся в последние годы консервативное минимальное большинство (5 против 4 судей) «сохранило в неприкосновенности партийный джержримендеринг, «выпотрошило» главное положение Закона об избирательных правах, парировало почти все кампании, направленные на обеспечение правового регулирования финансирования выборов, в значительной степени делегировав штатам полномочия по организации и проведению голосования» [12, с. 549].

В деле *Буш против Гора* (Bush v. Gore, 531 U.S. 98 (2000)) именно Верховный Суд США поставил юридическую точку в президентском споре 2000 г., хотя это решение и сохранило вопросы относительно и института коллегии выборщиков (в свете искажения воли избирательного корпуса), и способа подачи голосов, и порядка их подсчета.

Другой актуальной проблемой, рассмотренной Судом в 2008 г., стала проблема регистрации избирателей (Crawford v. Marion County Election Board, 553 U.S. 181 (2008)). Согласно решению Суда, требования законодательства штата Индиана по обеспечению фотографической идентификации избирателей при их регистрации не противоречит Конституции США.

В деле *Объединенные граждане против Федеральной избирательной комиссии* (Citizens United v. Federal Election Commission 558 U.S. 310 (2010)) в весьма противоречивом решении минимальным большинством голосов Суд признал неконституционным ограничение корпоративного финансирования независимых политических передач в рамках избирательного процесса в свете I поправки к Конституции США.

Не менее противоречивым и спорным стало решение по делу *Шелби Каунти против Холдер* (Shelby County v. Holder, 570 U.S. 2 (2013)), в котором Суд признал, что штат не нуждается в утверждении изменений избирательного законодательства со стороны федеральных властей, создав предпосылки для дезинтеграции избирательной системы США, нарушая тем самым сложившуюся в течение последних десятилетий тенденцию неуклонного повышения роли федерального права в регулировании избирательных отношений [13, с. 104, 105].

В деле *Купер против Харриса* 2017 г. Верховный Суд США поддержал мнение нижестоящего суда о том, что два округа штата Северная Каролина неоправданно используют расовый джерримендеринг и потому неконституционны.

Несмотря на динамично развивающееся федеральное избирательное законодательство, именно штаты определяют значительную часть вопросов избирательного процесса в рамках федеральных выборов и обладают значительной самостоятельностью в сфере правового регулирования региональных и муниципальных выборов. Несмотря на значительное разнообразие, общие параметры и система правового регулирования на уровне штатов имеют значительные общие черты, что позволяет проиллюстрировать систему региональных источников правового регулирования на примере штата Калифорния.

Так, Конституция штата Калифорния [14] содержит не только общую гарантию того, что «право голосовать или занимать должность не может обусловливаться имущественным цензом» (статья 1, раздел 22), но и специальную статью 2 «Выборы, народная инициатива, референдум и отзыв», в которой гарантируется активное избирательное право каждому гражданину США, достигшему возраста 18 лет и проживающему в штате (раздел 2). Также предоставляются полномочия Законодательному Собранию устанавливать требования проживания, процедуру регистрации, гарантии свободных выборов (раздел 3), тайного голосования (раздел 7), первичных выборов (раздел 5). В то же время допускается дисквалификация избирателей в случае их «невменяемости, лишения свободы и условно-досрочного освобождения в результате осуждения за тяжкое преступление» и запрет ненадлежащего воздействия на

процедуру и результаты выборов (раздел 4), а также провозглашение судебных, школьных и городских должностей внепартийными с запретом политическим партиям выставлять своих кандидатов на внепартийные выборы. В статье 4 «Законодательная власть» провозглашаются свободные, справедливые, состязательные выборы и необходимость ограничения срока занятия парламентской должности (не более 12 лет в обеих палатах в целом). Статья 5 «Исполнительная власть» определяет порядок выборов губернатора штата (раздел 2), а также лейтенант-губернатора, генерального прокурора, контролера, секретаря штата, казначея (раздел 9), тогда как статья 7 «Судебная власть» определяет порядок избрания судей, а статья 9 – управляющих советов графств.

В статье 7 «Должностные лица и служащие» предусматривается освобождение от выборной должности лица, признанного ответственным в гражданском судопроизводстве в распространении порочащих или клеветнических сведений, если это стало основной причиной поражения других кандидатов (раздел 10). Статья 21 «Пересмотр границ избирательных округов» содержит подробные положения, определяющие порядок формирования, состав, компетенцию созданной в 2010 г. «Гражданской комиссии по пересмотру границ избирательных округов» при проведении как федеральных, так и региональных выборов, а также полномочия Верховного суда штата в этой области. Таким образом, по крайней мере 10 из 35 статей Конституции штата Калифорния содержат нормы избирательного права, что свидетельствует о значительном масштабе и конкретизации конституционного регулирования избирательных отношений. Детальное системное регулирование избирательного процесса и избирательной системы осуществляется текущим законодательством штата.

Избирательное законодательство штата Калифорния систематизировано в специальном Избирательном кодексе [15], который состоит из 22 подразделов (состоящих из глав и статей): «Предварительные положения», «Определение даты выборов», «Избиратели», «Голосование по почте, голосование новых граждан и резидентов», «Выборы, проводимые путем голосования по почте», «Требования к политическим партиям», «Президентские выборы», «Организация политической партии и выборы центрального комитета», «Номинации», «Меры, применяемые в отношении избирателей», «Местные, специальные, дополнительные и консолидированные выборы», «Отзыв», «Избирательные бюллетени», «Процедура голосования», «Подсчет голосов», «Оспаривание результатов выборов», «Сохранение избирательной документации», «Уголовная ответственность», «Сертификация избирательной системы», «Предвыборная кампания», «Переназначение на региональном и местном уровнях».

В 2003 г. в подраздел 2 Избирательного кодекса штата Калифорния была добавлена глава 5 «Избирательный билль о правах», в соответствии с которой каждый зарегистрированный должным образом избиратель имеет право на заполнение избирательного бюллетеня, на получение предварительного бюллетеня (если имя не указано в списке избирателей), на подачу голоса, если избиратель находится в очереди на момент официального времени закрытия избирательного участка, на тайное голосование без принуждения, на получение нового и на замену испорченного бюллетеня, в том числе при

голосовании по почте, на получение помощи, если избиратель не может проголосовать без посторонней помощи, право направления избирательного бюллетеня по почте на любой участок избирательного округа, на получение избирательных материалов на другом языке (при наличии достаточного для производства числа жителей – носителей данного языка), задавать вопросы об избирательных процедурах и наблюдать за процессом выборов, право задавать вопросы участковой комиссии и должностным лицам относительно избирательных процедур, за исключением случаев, когда это нарушает процесс выполнения такими должностными лицами своих обязанностей, право сообщать о любой незаконной или мошеннической деятельности местному должностному лицу по выборам или в офис госсекретаря.

В соответствии с Биллем о правах избирателей «действительный зарегистрированный избиратель» означает «гражданина США, который является резидентом этого штата, которому исполнилось 18 лет, который не осужден за уголовное преступление к реальному или условному лишению свободы и который зарегистрирован для голосования по текущему адресу проживания».

В соответствии с положениями Билля необходимым является указание бесплатного номера телефона для сообщения об отказе в праве на голосование или о фальсификации или неправомерном осуществлении выборов. На государственного секретаря штата возложены следующие функции: разработка правил для реализации и уточнения Билля о правах избирателей, пересмотр его формулировок, если это необходимо для обеспечения использования четкого и краткого стиля речи, свободного от технических терминов.

Таким образом, в США создана сложная, динамичная, во многом противоречивая система источников правового регулирования избирательных отношений. С одной стороны, в последние десятилетия отмечается тенденция усиления федерального правового регулирования в этой области, с другой стороны, консервативное большинство Верховного Суда США и новая администрация Д. Трампа существенно сдерживают данную тенденцию. Федеральное законодательство опирается на положения Конституции США и в значительной степени ограничено практикой Верховного Суда США. В целом можно говорить о сосредоточенности федерального законодательства на вопросах обеспечения избирательных прав граждан и определения системы выборов в федеральные органы власти. Напротив, законодательство штатов характеризуется большей системностью и детализированностью, представлено в положениях конституций и избирательных кодексов и применимо не только к региональным и местным выборам, но и к избирательному процессу федерального уровня.

Библиографический список

1. **Coleman, K. J.** The Voting Rights Act of 1965: Background and Overview. Congressional Research Service's Report. July 20, 2015 / K. J. Coleman. – Washington : Congressional Research Service, 2015. – 27 p.
2. **Nikolaev, B.** Age Discrimination in the US Higher Education and Employment / B. Nikolaev, N. Pavlova // International Journal of Environmental and Science Education. – 2016. – Т. 11, № 18. – С. 10 875–10 883.
3. **Николаев, Б. В.** Новые решения Верховного Суда США и обеспечение равных прав инвалидов в системе образования в США / Б. В. Николаев // Региональные особенности рыночных социально-экономических систем (структур) и их

- правовое обеспечение. – М. : Московский университет им. С. Ю. Витте, 2018. – С. 80–85.
4. White House. Elections-Voting. – URL: <https://www.whitehouse.gov/about-the-white-house/elections-voting/>
 5. Establishment of Presidential Advisory Commission on Election Integrity : Executive Order 13799 of May 11, 2017. EO 13799. 82 FR 22389. – 2017. – 16 May.
 6. Termination of Presidential Advisory Commission on Election Integrity : Executive Order 13820 of January 3, 2018. 83 FR 969. – 2018. – 8 January.
 7. Imposing Certain Sanctions in the Event of Foreign Interference in a United States Election : Executive Order 13848 of September 12, 2018. 83 FR 46843. – 2018. – 14 September.
 8. Taking Additional Steps to Address the National Emergency With Respect to Significant Malicious Cyber-Enabled Activities : Executive Order 13757 of December 28, 2016. 82 FR 1. – 2017. – 3 January.
 9. Eliminating the FEC: the Best Hope for Campaign Finance Regulation? // Harvard Law Review. – 2018. – Vol. 131, № 5. – P. 1421–1442.
 10. **Vile, J. R.** Essential Supreme Court Decisions: Summaries of Leading Cases in U.S. Constitutional Law / J. R. Vile. – 17 ed. – London : Rowman and Littlefield, 2018. – 602 p.
 11. **Wolf, R.** The 21 most famous Supreme Court decisions. USA TODAY. June 26, 2015 / R. Wolf. – URL: <https://www.usatoday.com/story/news/politics/2015/06/26/supreme-court-cases-history/29185891/>
 12. **Douglas, J. A.** A Pivotal Moment for Election Law / J. A. Douglas // Kentucky Law Journal. – 2016. – Vol. 104. – P. 547–559.
 13. **Morley, M. T.** Dismantling the Unitary Electoral System? Uncooperative Federalism in State and Local Elections / M. T. Morley // Northwestern University Law Review Online. – 2017. – Vol. 111. – P. 103–124.
 14. The Constitution of the California 1879. – URL: <http://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codedisplayexpand.xhtml?tocCode=CONS>
 15. Elections Code – ELEC. – URL: http://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codes_displayexpandedbranch.xhtml?tocCode=ELEC&division=2.&title=&part=&chapter=&article=

References

1. Coleman K. J. *The Voting Rights Act of 1965: Background and Overview. Congressional Research Service's Report. July 20, 2015.* Washington: Congressional Research Service, 2015, 27 p.
2. Nikolaev B., Pavlova N. *International Journal of Environmental and Science Education.* 2016, vol. 11, no. 18, pp. 10 875–10 883.
3. Nikolaev B. V. *Regional'nye osobennosti rynochnykh sotsial'no-ekonomicheskikh sistem (struktur) i ikh pravovoe obespechenie* [Regional features of market socioeconomic systems (structures) and legal regulation thereof]. Moscow: Moskovskiy universitet im. S. Yu. Vitte, 2018, pp. 80–85.
4. *White House. Elections-Voting.* Available at: <https://www.whitehouse.gov/about-the-white-house/elections-voting/>
5. *Establishment of Presidential Advisory Commission on Election Integrity: Executive Order 13799 of May 11, 2017. EO 13799. 82 FR 22389.* 2017, 16 May.
6. *Termination of Presidential Advisory Commission on Election Integrity: Executive Order 13820 of January 3, 2018. 83 FR 969.* 2018, 8 January.
7. *Imposing Certain Sanctions in the Event of Foreign Interference in a United States Election: Executive Order 13848 of September 12, 2018. 83 FR 46843.* 2018, 14 September.
8. *Taking Additional Steps to Address the National Emergency With Respect to Significant Malicious Cyber-Enabled Activities: Executive Order 13757 of December 28, 2016. 82 FR 1.* 2017, 3 January.

9. *Harvard Law Review*. 2018, vol. 131, no. 5, pp. 1421–1442.
10. Vile J. R. *Essential Supreme Court Decisions: Summaries of Leading Cases in U.S. Constitutional Law*. 17 ed. London: Rowman and Littlefield, 2018, 602 p.
11. Wolf R. *The 21 most famous Supreme Court decisions. USA TODAY. June 26, 2015.* Available at: <https://www.usatoday.com/story/news/politics/2015/06/26/supreme-court-cases-history/29185891/>
12. Douglas J. A. *A Kentucky Law Journal*. 2016, vol. 104, pp. 547–559.
13. Morley M. T. *Northwestern University Law Review Online*. 2017, vol. 111, pp. 103–124.
14. *The Constitution of the California 1879*. Available at: <http://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codedisplayexpand.xhtml?tocCode=CONS>
15. *Elections Code – ELEC*. Available at: http://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codes_display_expandedbranch.xhtml?tocCode=ELEC&division=2.&title=&part=&chapter=&article=

Николаев Борис Викторович

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра уголовного права, Пензенский
государственный университет (Россия,
г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: nikolboris@yandex.ru

Nikolaev Boris Viktorovich

Candidate of historical sciences, associate
professor, sub-department of criminal law,
Penza State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

УДК 342.84 (73)

Николаев, Б. В.

Система источников избирательного права в США / Б. В. Николаев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2018. – № 4 (48). – С. 59–70. – DOI 10.21685/2072-3016-2018-4-7.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ РАБОТНИКОВ

Аннотация.

Актуальность и цели. Раскрываются сущность и содержание теоретических подходов к исследованию феномена трудовой мотивации, их место в социологической теории. Цель исследования – теоретический анализ проблемы трудовой мотивации сквозь призму знаний классиков социологии.

Материалы и методы. Изучены и проанализированы классическая и современная научная литература по данной проблематике, публикации отечественных и зарубежных авторов, материалы справочных и периодических изданий.

Результаты. Концептуальный анализ трудовой мотивации раскрывает данный процесс как систему мероприятий, побуждающих человека к активной деятельности на предприятии. Рефлексия основных понятий, сопряженных с тематикой трудовой мотивации, с позиции социологических теорий позволила обозначить основные мероприятия, направленные на формирование данного явления. Речь идет о системе мотивации, обеспечивающей повышение оплаты труда работников и рост производительности труда, а также о различных социальных программах, предоставляющих работникам и членам их семей дополнительные социальные гарантии. Кроме того, корпоративная культура обеспечивает социальную стабильность и благоприятную обстановку в трудовом коллективе, являясь формой мотивации для работников.

Выводы. Анализ проблемы трудовой мотивации сквозь призму существующих подходов классиков социологии позволяет рассмотреть данный феномен с позиции макро- и микроуровней, проследить изменение приоритетов конкретных форм трудовой мотивации в различные исторические периоды.

Ключевые слова: трудовая деятельность, теории научного управления, факторы трудовой мотивации, концептуальный анализ, социологический подход.

Yu. B. Lamikhov, O. G. Antonova

THEORETICAL APPROACHES TO THE STUDY OF LABOR MOTIVATION OF WORKERS

Abstract.

Background. The article reveals the essence and content of theoretical approaches to the study of the phenomenon of labor motivation, their place in sociological

theory. The purpose of the study is a theoretical analysis of the problem of labor motivation through the prism of the knowledge of the classics of sociology.

Materials and methods. The study and analysis of classical and modern scientific literature on this subject, publications of domestic and foreign authors, materials reference and periodicals.

Results. A conceptual analysis of labor motivation reveals this process as a system of measures that encourage a person to be active in an enterprise. Reflection of the basic concepts associated with the theme of labor motivation, from the position of sociological theories, allowed us to identify the main activities aimed at the formation of this phenomenon. We are talking about a motivation system that provides an increase in the remuneration of workers and productivity growth, as well as various social programs that provide employees and their families with additional social guarantees. In addition, the corporate culture provides social stability and a favorable environment in the workforce, being a form of motivation for employees.

Conclusions. Analysis of the problem of labor motivation through the prism of the existing approaches of classical sociology makes it possible to examine this phenomenon from the position of macro and micro levels, to trace the change of priorities of specific forms of labor motivation in different historical periods.

Keywords: labor activity, theories of scientific management, factors of labor motivation, conceptual analysis, sociological approach.

Экономическое развитие любой социально-экономической системы обеспечивается благодаря интенсивным или экстенсивным факторам, часто связанным именно с категорией трудового потенциала. В условиях сильной конкуренции на рынке наличие высококлассных специалистов, мотивированных качественно выполнять свою работу, рассматривается как ведущий фактор успешной деятельности организации. При этом наличие на предприятии работников с соответствующим уровнем образования, квалификации и опыта не дает гарантии, что они будут эффективно выполнять поставленные задачи в случае, если у работников отсутствует мотивация к трудовой деятельности. Соответственно, трудовая мотивация, представленная совокупностью движущих сил, которые побуждают индивида выполнять какие-то действия, является основным связующим звеном между целями предприятия и целями работников. При правильной системе мотивации сотрудников повышается продуктивность, так как позитивная мотивация положительно влияет на деятельность предприятия в целом [1].

Понятие трудовой мотивации является производным от такой масштабной социологической категории, как труд. Вопросы трудовой мотивации волновали общество с древнейших времен. В Древнем Китае труд мог ассоциироваться как с тяжелым, физическим, изнурительным занятием, так и с умственным, творческим. В Древней Индии считалось, что труд направлен на приумножение того, что уже есть у человека, чтобы было что оставить потомкам. Благодаря такому отношению к труду в Древней Индии были возведены крупные ирригационные системы, храмы и многие города. В античные времена труд являлся одной из центральных тем в дискуссиях философов. Ксенофонт подчеркивал важность разделения труда, считая, что у универсального труда много недостатков. Платон говорил о трудовом воспитании и выборе занятий. По его мнению, у каждого человека должно быть только одно занятие. Разделение труда стало основным принципом построения государства у Платона [2].

Зарубежный опыт изучения трудовой мотивации напрямую связан с процессами внедрения научного управления трудом. Ф. Тейлор, занимавшийся систематическим изучением трудового процесса, отмечал, что традиционная система управления трудом имеет ряд недостатков, причина которых в том числе связана с недостаточной мотивацией рабочих. Согласно Тейлору, у рабочих отсутствует мотивация проявлять накопленные знания и навыки. В свою очередь руководство, не знающее о данных умениях и навыках трудового коллектива, не может их использовать для повышения эффективности деятельности предприятия. Помимо этого, материальное поощрение работников, традиционно выражающееся в оплате труда, недостаточно эффективно и не может стимулировать должную трудовую отдачу. Тейлор ставит перед административным аппаратом предприятия задачу – занять намного более активную и «научную» позицию, что будет выражаться в доскональном изучении производственного процесса и разделении его на отдельные узкоспециализированные операции. Одновременно с этим он подчеркивает важность введения системы оплаты труда, поощряющей выполнение и перевыполнение норм [3, с. 24–35]. В результате внедрения предложенной системы на предприятиях в ряде случаев увеличивалась производительность труда благодаря формированию в трудовом коллективе мотивации работать сверх нормы, добросовестно трудиться. Таким образом, Ф. Тейлором были обозначены принципы, ставшие основополагающими в деятельности промышленной организации и применяемые достаточно широко, хотя зачастую не всегда открыто.

Наиболее очевидным воплощением предложенных Ф. Тейлором принципов мотивации стала деятельность создателя первой автомобильной империи Г. Форда. В вопросах трудовой мотивации Форд делал акцент именно на материальное стимулирование рабочих, считая, что достойная заработная плата устраняет девять десятых проблем психологической неудовлетворенности [4, с. 98].

Период расцвета фордизма (1920–1930 гг.) способствовал росту неудовлетворенности «инженерно-экономическим» подходом к человеческой природе и характеру трудового процесса, что способствовало появлению концепции «человеческих отношений» в США. Одной из первых попыток исследовать трудовую мотивацию в ракурсе «человеческих отношений» стало проведение хоторнских экспериментов под руководством Э. Мэйо. Первый эксперимент он провел в 1923–1924 гг. на текстильной фабрике в Филадельфии, где основной проблемой являлась текучка кадров. Мэйо считал, что это связано с невозможностью сотрудников общаться друг с другом. Когда работникам начали предоставляться перерывы, текучка снизилась, а эффективность работы повысилась [5, с. 27]. Эксперимент показал зависимость производительности труда не только от сугубо технических факторов, но и от социально-психологических, связанных со степенью сплоченности коллектива, благоприятными условиями труда, атмосферой на рабочем месте, взаимоотношениями с руководителем.

Согласно данному подходу, деятельность любой организации должна состоять из специальных методов взаимодействия с работниками как «социально-психологическими» существами. В рамках теории «человеческих отношений» происходит сравнение трудового коллектива с социальной систе-

мой, включающей формальные и неформальные группы, а также общиной, где взаимодействуют отдельные личности. Мэйо считал важнейшей функцией организации удовлетворение социальных потребностей работников в периоды кризисов, обесценивания значения базовых социальных институтов [6, с. 89].

Теория «человеческих отношений» Мэйо обозначила важность отношений работодателя и сотрудников, которые становятся определяющими в формировании трудовой мотивации коллектива. В рамках данной концепции организация представлена «социотехнической системой», что означает существование, наряду с технической, также особой социальной организации, состоящей из формальной и неформальной подсистем. В формальной части организации действует логика (издержек и эффективности), а для неформальной части характерны нелогические действия, в основе которых лежат чувства и аффекты. В итоге промышленная организация видится не как бюрократическая система, а как живой организм, способный к адаптации.

В соответствии с концепцией «человеческих отношений» исполнители являются пассивными актерами, зависящими от управляющих, но в то же время готовы к сотрудничеству. Именно менеджер в таком случае способствует организации внутригрупповой структуры, направленной на удовлетворение социальных потребностей исполнителей как в общении, так и в реализации личных пристрастий в продуктивном направлении. Таким образом, по мнению Мэйо, возможно повысить престиж компании и преданность персонала [7].

Стоит отметить, что тейлористско-фордистский подход к мотивации труда объясняется пониманием сущности «человеческой природы» как эгоистичной, ленивой, асоциальной. Для исполнителей приоритетом является извлечение материальной выгоды. В этой связи управляющий в данных условиях является единственным активным субъектом организации, оптимизирующим соотношение выработки и вознаграждения. В концепции «человеческих отношений», напротив, управлению отводится роль активного субъекта, отдающего предпочтение социальным мотивам по сравнению с материальными, а также коллективному взаимодействию вместо индивидуализма.

К концу 1940-х гг. сформировался Тавистокский институт человеческих отношений, рассматривающий организацию как «открытую социотехническую систему», а психологические характеристики работников – как встроенные элементы трудовых систем. Исследования, проводимые этим институтом, устанавливали психологические последствия применения технологий, позволявшие выявить взаимосвязи между технологиями и социальными интеракциями. Дж. Вудворд объяснял плюрализм организационных структур воздействием факторов технологического свойства. Р. Блаунеро обозначил технологические основы отчуждения труда. Исследователями осуществлялась демонстрация вариантов более или менее выраженного технологического детерминизма и пропагандировался отказ от универсальных управленческих схем.

Рассмотрение малых групп, способных к «ответственной самостоятельности», как объекта менеджмента стало инновацией Тавистокского института человеческих отношений. Среди выделенных принципов трудовой мотивации – в первую очередь стимулирование в исполнителях чувства от-

ответственности за качество работы, разнообразие выполняемых задач, право саморегулирования трудового ритма, расширение возможностей внутригруппового общения; иными словами, расширение зоны трудового самоконтроля и получение исполнителями удовлетворения от труда на предприятии. В целом исследования Тавистокского института не выходили за пределы концепции человеческих отношений и критиковались за излишний психологизм базовых предпосылок [8].

Кризис функционализма 1960–1970-х гг. вызвал развитие альтернативных социологических подходов, среди которых в рамках нашего исследования заслуживает внимания акционализм. Данная концепция социального действия французского социолога Алена Турена позволяет рассматривать индивидуальных исполнителей как субъектов трудовых отношений. Теория действия явилась альтернативой многим социологическим парадигмам, в том числе и марксизму, и внесла особый вклад в развитие теории трудового процесса. Попытка оживления марксистского подхода к сущности труда связана с именем Х. Бравермана, которым были смещены акценты с отношений собственности в сферу, отвечающую за разделение труда и контроль за трудовым процессом. При этом им доказано, что фундаментальные идеи В. Тейлора по-прежнему определяют всю организацию труда как в капиталистических, так и социалистических странах.

Рассмотренные подходы к мотивации трудящихся сформировали «новую философию управления», сложившуюся прежде всего из концепции группового сотрудничества, концепции гуманизации труда и концепции демократизации управления. В этот период изучение трудовой мотивации происходило в том числе благодаря применению метода кросскультурных исследований.

На новом этапе наблюдался рост популярности сравнений американской и европейской управленческих культур, западных и японских управленческих схем. Благодаря японскому опыту в Европе была освоена система пожизненного найма с продвижением по выслуге лет, начался пересмотр отношения к патернализму как форме субординации, в рамках которой происходит сочетание отеческой заботы о своих сотрудниках и достаточно плотного контроля за их действиями. Были раскрыты факты сосуществования строгой формальной иерархии и децентрализации принятия решений. В США и Европе произошло формирование феномена, прозванного «японизацией западного менеджмента». Во многих развитых странах Запада пытаются внедрить японские «кружки качества». Если раньше культом становилась личная лояльность руководителя, то сейчас акцент делается на лояльности фирмы в целом [9].

При выработке новой трудовой мотивации наблюдался качественный сдвиг в ориентациях современных менеджеров, что выражалось в переходе от административного, технологического и экономического принуждения к управленческому манипулированию [10]. Процессы автоматизации и компьютеризации производства способствовали появлению новых стратегий и практик управленческого контроля, получивших название неофордизма. Сегодня многие современные формы мотивации труда являются скорее чем-то средним между неофордизмом и постфордизмом, между деквалификацией и гибкостью.

В итоге стало очевидным, что мотивация зависит от удовлетворенности работников рядом факторов трудовой деятельности, что отразилось в идеях В. Врума и Э. Дисси, которые выделяли «патерналистскую» концепцию мотивации труда. Исследователи утверждали, что чем выше степень удовлетворенности людей своей работой, тем больше они будут мотивированы выполнять ее. Соответственно, чем больше награждать их в ходе трудовой деятельности, тем усерднее они будут выполнять свою работу в дальнейшем. Система вознаграждений, используемая при таком подходе, не зависит от продуктивности деятельности работников, а определяется принадлежностью к данному предприятию. Речь идет о различных дополнительных льготах: пенсиях, субсидиях на образование, отдыхе, организованном компанией.

Автор «мотивационно-гигиенической» теории Ф. Герцберг произвел соединение двух описанных выше концепций и обозначил группы факторов, которые воздействуют на удовлетворенность своим трудом. Во-первых, это «гигиенические», являющиеся внешними по отношению к трудовому процессу и самому работнику, и, во-вторых, «мотивационные», которые свойственны самому процессу работы. Первыми факторами Герцберг считал оплату труда, условия труда, корпоративную политику компании, деятельность руководства, интеракции. Если данные факторы носили негативный характер, возникала неудовлетворенность индивида работой; при наличии благоприятных «гигиенических» факторов происходило формирование нейтрального состояния. «Мотивационные» факторы, по мнению Герцберга, были представлены достижениями в трудовой деятельности, признанием со стороны других, интересом к работе как таковой, ответственностью и продвижением по службе. Соответственно, «гигиенические» факторы обладают способностью влияния на неудовлетворенность трудовой деятельностью, а «мотивационные» могут влиять на удовлетворенность работой. Исследования, проводившиеся с опорой на теорию Герцберга, показали, что из числа всех факторов, которые влияют на удовлетворенность трудовой деятельностью, более 80 % – «мотивационные». Из числа факторов, оказывающих влияние на неудовлетворенность работой, примерно 70 % являются «гигиеническими» [11, p. 47–48].

Мы видим, что зарубежные предприятия обладают внушительным опытом в сфере разработки и внедрения систем трудовой мотивации, что подтверждается исследованиями, проводимыми в Америке и Европе. Начало XX в. характеризуется технократическим, инженерно-экономическим подходом к проблематике трудовой мотивации, что объясняется спецификой данного периода, связанного с индустриализацией и построением крупных корпоративно-бюрократических хозяйственных организаций. В 1930-е гг. под влиянием Великой Депрессии и рабочего движения начались поиск и разработка интегрирующих функционалистских механизмов, позволяющих прийти к консенсусу на промышленном предприятии. Технократический оптимизм 1950–1960-х гг. характеризуется тем, что приоритет отдавался в это время социотехническому подходу. В 1960–1970-е гг., связанные со структурным кризисом, вновь обратили внимание на социальные проблемы, что отразилось в теориях акционализма и неомарксизма. Необходимость кросскультурных исследований была обусловлена возникновением новых очагов мирового соперничества. В 1980-е гг. произошел новый консервативный сдвиг на сти-

мулирование активной роли управления с акцентом на национальную конкурентоспособность, инновационность, предпринимательство.

Рассматривать особенности трудовой мотивации необходимо как с позиции макроуровня, так и с точки зрения микросоциологии, что позволит увидеть объективистский и субъективистский подходы к проблеме. Понятия явной и латентной функций, обозначенные Р. Мертоном, позволяют отметить значение трудовой мотивации в жизни работников предприятий. Понятие функции Мертона соотносит с такими категориями, как применение, полезность, цель, мотив, намерение, стремление, следствие [12, с. 381]. Явная функция трудовой мотивации – это побуждение индивида к трудовой деятельности. Выполнение явной функции трудовой мотивации гарантирует социальную устойчивость и социальную стабильность трудового коллектива, создает благоприятное социальное окружение вокруг производства. Латентные функции, по мнению Мертона, – это объективные последствия, не входящие в систему измерения и не осознанные окончательно. Латентная функция трудовой мотивации призвана актуализировать человеческий капитал в ходе трудовой деятельности. Для предприятий представляется важным удерживать высококвалифицированных специалистов, что формирует конкурентную борьбу за них. Конкуренция за квалифицированные кадры предполагает привлечение механизмов финансовой и нематериальной мотивации. К наиболее распространенным способам привлечения трудовых ресурсов относится повышение заработной платы, так как деньги являются мощным стимулом к труду. Однако нематериальная мотивация также становится мощным стимулом для трудовой деятельности. Трудовая мотивация дает работникам возможность удовлетворять свои потребности, интересы и ценностные ориентации [13].

Идеи М. Вебера раскрывают основные мотивы и смыслы трудовой мотивации. Согласно его взглядам, социальным является действие, всегда ориентированное на окружение, т.е. на других людей. Соответственно, трудовая мотивация всегда может рассматриваться как социальное действие, так как ориентирована на работников предприятия. В последнее время на предприятия возлагается ответственность за формирование не только финансовой, но и нематериальных механизмов трудовой мотивации коллектива. Вебером были определены четыре типа социального действия: целерациональное, ценностно-рациональное, аффективное, традиционное [14]. Трудовую мотивацию следует считать целерациональным действием, так как затраченные материальные и нематериальные ресурсы соотносятся с полученным результатом, выражающимся в воспроизводстве и развитии качественного кадрового состава, воспитании квалифицированных сотрудников и развитии корпоративной культуры.

Микроконтекст проблемы трудовой мотивации раскрывается посредством идеи социального конструирования реальности, предложенного П. Бергером, Т. Лукманом. По мнению авторов, реальность повседневной жизни организуется вокруг ситуации «здесь» и «сейчас», в рамках которой внимание индивида фокусируется на реальности, сформированной в повседневной жизни. Ближайшей зоной повседневности, доступной для физических манипуляций, является мир, в котором индивид может изменить социальную реальность [15]. Социальная реальность работников предприятия включает

в себя не только процесс трудовой деятельности, но и элементы мотивации, элементы, побуждающие человека к труду. Трудовая мотивация связана с ежедневными повседневными практиками на предприятии, реализующимися в ходе трудовой деятельности.

Организация процесса трудовой мотивации работников предполагает наличие определенных атрибутов и ролей, которые необходимы для того, чтобы побуждать сотрудника к трудовым действиям. Соответственно, понять, каким образом выстраиваются практики взаимодействия внутри предприятия, направленные на формирование трудовой мотивации, возможно, обратившись к драматургическому подходу, который предложен И. Гофманом. Автор акцентировал внимание на ритуалах, незаметных работнику в повседневной деятельности и наполняющих феноменологическую культуру предприятия изо дня в день. К таким ритуалам относятся вежливость и хорошие манеры, присутствующие в повседневной культуре человека и транслирующиеся в том числе на профессиональную деятельность. Доброжелательные отношения в трудовом коллективе являются механизмом нематериальной мотивации сотрудников на предприятии.

Таким образом, концептуальный анализ трудовой мотивации раскрывает данный процесс как систему мероприятий, побуждающих человека к активной деятельности на предприятии. Рефлексия основных понятий, сопряженных с тематикой трудовой мотивации, с позиции социологических теорий позволила обозначить основные мероприятия, направленные на формирование данного явления. Речь идет о системе мотивации, обеспечивающей повышение оплаты труда работников и рост производительности труда, а также о различных социальных программах, предоставляющих работникам и членам их семей дополнительные социальные гарантии. Кроме того, корпоративная культура обеспечивает социальную стабильность и благоприятную обстановку в трудовом коллективе, являясь формой мотивации для работников.

В рамках проведенного теоретического анализа представлена авторская интерпретация проблемы трудовой мотивации сквозь призму знаний классиков социологии. Данный анализ позволяет рассмотреть феномен трудовой мотивации с позиции макро- и микроуровней, благодаря чему становятся очевидными объективистское отношение работодателя к процессу стимулирования своих сотрудников, а также скрытые субъективные смыслы, которые вкладывают в явления материального и нематериального поощрения члены трудового коллектива.

Библиографический список

1. **Скворцов, В.** Трудовая мотивация работников в современных условиях / В. Скворцов, Е. Маклакова // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2013. – № 1. – С. 54–55.
2. **Татенов, М.** История человечества – история труда / М. Татенов, М. Татенова // Символ науки. – 2016. – № 8-2. – С. 108.
3. **Тейлор, Ф.** Принципы научного менеджмента / Ф. Тейлор. – М. : Контроллинг, 1991. – 104 с.
4. **Форд, Г.** Моя жизнь, мои достижения / Г. Форд. – М. : Финансы и статистика, 1989. – 206 с.

5. **Бурганова, Л. А.** Элтон Мэйо: теоретик и практик управления : монография / Л. А. Бурганова, Е. Г. Савкина. – М. : Инфра-М, 2012. – 111 с.
6. **Мэйо, Э.** Социальные проблемы индустриальной цивилизации / Э. Мэйо. – М. : Институт психологии РАН, 2000. – 315 с.
7. **Тагибова, А. А.** Изучение корпорации как социокультурной системы / А. А. Тагибова // Общество: социология, психология, педагогика. – 2016. – № 9. – С. 98.
8. **Матросов, Т. А.** Эволюция управленческих парадигм руководства-подчинения в западной социологии / Т. А. Матросов // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. – 2006. – № 101.
9. **Радаев, В.** Социологические подходы к анализу рынка труда: спрос на труд / В. Радаев // Российский экономический журнал. – 1995. – № 3. – С. 90.
10. **Антонова, О. Г.** Функции менеджмента в организации / О. Г. Антонова // Некоторые проблемы социально-политического развития современного российского общества : сб. науч. тр. – Вып. 11. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2004. – С. 179–181.
11. **Herzberg, F.** The motivation to work / F. Herzberg, B. Mausner, B. V. Snyderman. – New York, 1959.
12. **Мертон, Р. К.** Явные и латентные функции / Р. К. Мертон // Американская социологическая мысль : тексты / под ред. В. И. Добренькова. – М. : Изд-во МГУ, 1994.
13. **Багирова И. Х.** Социальная политика компании как инструмент мотивации персонала / И. Х. Багирова // Проблемы современной экономики : материалы Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, декабрь 2011 г.). – Челябинск : Два комсомольца, 2011. – С. 110–115.
14. **Вебер, М.** Основные социологические понятия / М. Вебер // Социологическое обозрение. – 2008. – Т. 7, № 2. – С. 91.
15. **Бергер, П.** Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. – URL: <http://www.evolkov.net/soc.psychol/Berger.P.Luckmann.T/chapter.1.html> (дата обращения: 12.09.2017).

References

1. Skvortsov V., Maklakova E. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina* [Bulletin of LSU named after A. S. Pushkin]. 2013, no. 1, pp. 54–55.
2. Tatenov M., Tatenova M. *Simvol nauki* [The symbol of science]. 2016, no. 8-2, p. 108.
3. Teylor F. *Printsipy nauchnogo menedzhmenta* [Principles of scientific management]. Moscow: Kontrolling, 1991, 104 p.
4. Ford G. *Moya zhizn', moi dostizheniya* [My life, my achievements]. Moscow: Finansy i statistika, 1989, 206 p.
5. Burganova L. A., Savkina E. G. *Elton Mayo: teoretik i praktik upravleniya: monografiya* [Elton Meya: a theoretical and practical manager: monograph]. Moscow: Infra-M, 2012, 111 p.
6. Mayo E. *Sotsial'nye problemy industrial'noy tsivilizatsii* [Social problems of the industrial civilization]. Moscow: Institut psikhologii RAN, 2000, 315 p.
7. Tagibova A. A. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy]. 2016, no. 9, p. 98.
8. Matrosov T. A. *Nauchnyy vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta grazhdanskoy aviatsii* [Scientific bulletin of Moscow State Technical University of Civil Aviation]. 2006, no. 101.
9. Radaev V. *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal* [Russian economic journal]. 1995, no. 3, p. 90.
10. Antonova O. G. *Nekotorye problemy sotsial'no-politicheskogo razvitiya sovremennogo rossiyskogo obshchestva: sb. nauch. tr.* [Some problems of sociopolitical development

- of modern Russian society: collected papers]. Issue. 11. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2004, pp. 179–181.
11. Herzberg F., Mausner V., Snyderman B. B. *The motivation to work*. New York, 1959.
12. Merton R. K. *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl': teksty* [American sociological conception: works]. Moscow: Izd-vo MGU, 1994.
13. Bagirova I. Kh. *Problemy sovremennoy ekonomiki: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (g. Chelyabinsk, dekabr' 2011 g.)* [Problems of modern economics: proceedings of an International scientific conference (Chelyabinsk, December 2011)]. Chelyabinsk: Dva komsomol'tsa, 2011, pp. 110–115.
14. Veber M. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological review]. 2008, vol. 7, no. 2, p. 91.
15. Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti* [Social construction of reality]. Available at: <http://www.evolkov.net/soc.psychol/Berger.P.Luckmann.T/chapter.1.html> (accessed Sept. 12, 2017).
-

Ламихов Юрий Борисович

аспирант, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83)

E-mail: yuri.lamihov@mail.ru

Lamikhov Yuriy Borisovich

Postgraduate student, Saratov State University (83 Astrakhanskaya street, Saratov, Russia)

Антонова Ольга Геннадьевна

доктор социологических наук, профессор, кафедра истории, теории и прикладной социологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83)

E-mail: ogantanova@rambler.ru

Antonova Ol'ga Gennad'evna

Doctor of sociological sciences, professor, sub-department of history, theory and applied sociology, Saratov State University (83 Astrakhanskaya street, Saratov, Russia)

УДК 316.334.22

Ламихов, Ю. Б.

Теоретические подходы к исследованию трудовой мотивации работников / Ю. Б. Ламихов, О. Г. Антонова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2018. – № 4 (48). – С. 71–80. – DOI 10.21685/2072-3016-2018-4-8.

МАЛОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В РОССИИ: АНАЛИЗ ПРЕДПОСЫЛОК РАЗВИТИЯ, СУЩНОСТЬ И КРИТЕРИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Для современной России вопросы регулирования и управления малым предпринимательством приобретают как социально-экономическое, так и политическое и демографическое значение. Кроме того, развитие малого предпринимательства – это еще и понимание того, что малый бизнес рассматривается как «изначальная форма развития предпринимательства и базовое направление оздоровления национальной экономики. Именно малый бизнес, реализуя многообразные услуги на всех стадиях воспроизводственного процесса, служит ключевым фактором экономического роста». Для реализации поставленной цели необходимо решить следующую задачу: провести анализ предпосылок развития, сущности и критериев малого предпринимательства в России.

Материалы и методы. Методологическими основаниями исследования послужили работы зарубежных классиков социологической и экономической науки, труды современных отечественных и западных авторов в области менеджмента, государственного управления, социологии, демографии и др. В процессе написания статьи были использованы системный подход к изучению и анализу социально-экономических процессов, происходящих в обществе, а при изучении темы – метод анализа.

Результаты. Исследования в области экономической социологии говорят о том, что малый бизнес демонстрирует очевидные преимущества в качестве коммерческих услуг, способствует обеспечению восстановления промышленного потенциала, снижению уровня безработицы, повышению безопасности производства, а также потребительской активности и жизнедеятельности населения страны. Отметим, что представители малого бизнеса осуществляют свою деятельность, исходя из социальной ответственности малого бизнеса перед обществом, опираясь на инновационные технологии и ориентируясь на потребности рынка.

Выводы. Особую роль в процессе развития экономики сегодня отводят малому предпринимательству. Малое предпринимательство – это чуткое реагирование на требования рынка, в том числе рынка труда, оперативное регулирование оборота ресурсов, динамика процесса производства. Оно решает социально-экономические задачи путем создания новых рабочих мест, повышения конкурентоспособности, внедрения инновационных технологий. При этом успешное развитие малого предпринимательства возможно при определенных экономических, социальных и правовых условиях.

Ключевые слова: предпринимательство, рынок, малый бизнес, общество, рыночная экономика.

**SMALL BUSINESS IN RUSSIA:
AN ANALYSIS OF DEVELOPMENT PREREQUISITES,
THE NATURE AND CRITERIA**

Abstract.

Background. For modern Russia, issues of state regulation and management of small businesses acquire both socio-economic, political and demographic importance. Moreover, the development of small business is also an understanding of the fact that small business is viewed as “the original form of development of entrepreneurship and the basic direction of the recovery of the national economy. It is a small business that realizes diverse services at all stages of the reproduction process and is a key factor for economic growth”. To achieve this goal it is necessary to solve the following problem: to analyze the prerequisites for development, the essence and criteria of small business in Russia.

Materials and methods. The methodological foundations of the study were the works of foreign classics of sociological and economic science, the works of modern domestic and western authors in the field of management, government, sociology, demography, etc. Including when studying the topic, we relied on the method of analysis.

Results. Economic studies show that small business demonstrates obvious advantages in the quality of commercial services, helps to ensure the restoration of industrial potential, reduce unemployment, improve production safety. As well as increasing consumer activity and vital activity of the country's population. It should be noted that representatives of small businesses carry out their activities based on the social responsibility of small businesses to society, relying on innovative technologies and focusing on the needs of the market.

Conclusions. Thus, a special role in the process of economic development today is assigned to small business. Small business is a responsive response to market demands, including the labor market, the operational regulation of the turnover of resources, the dynamics of the production process. It also solves social and economic problems by creating new jobs, increasing competitiveness, introducing innovative technologies. At the same time, the successful development of small business is possible under certain economic, social and legal conditions.

Keywords: entrepreneurship, market, small business, society, market economy.

Сегодня малое предпринимательство является неотъемлемой частью рыночной экономики России и играет огромную роль в процессе развития государства. Речь идет об его значительном вкладе в ВВП страны, создание новых высокопроизводительных рабочих мест, а также формирование среднего класса, который является гарантом социальной и политической стабильности любого государства.

Итак, «малое предпринимательство представляет собой предпринимательскую деятельность, которая может осуществляться субъектами рыночной экономики при конкретных условиях и критериях, установленных законами, представительными органами и т.д.» [1].

Отметим, что малое предпринимательство в России, появившееся в конце 1980-х гг., имеет свой непростой и индивидуальный путь становления и совершенствования. В СССР не предполагалось развитие такой хозяй-

ственно-экономической деятельности, как малое предпринимательство, что было связано с существующими политическими и социально-экономическими приоритетами. Становится очевидным, что данной форме предпринимательства не уделялось со стороны государства должного внимания. «В приоритете были крупные и средние предприятия, что привело, в конечном итоге, к монополизации промышленного производства. С переходом на рыночные отношения это превратилось в значительный сдерживающий фактор для прогресса национальной экономики» [1]. Активное развитие малого предпринимательства в России начинается с 1990 г.

Используя основные идеи теории социальной системы Т. Парсонса, рассмотрим сущность малого предпринимательства, его роль, задачи и виды, проанализируем существующие классификации. Ведь, несмотря на особенности развития малого предпринимательства в нашей стране, эта форма экономической деятельности обладает набором черт и характеристик, свойственных как для предпринимательства в целом, так и для мирового малого бизнеса. Причисление предприятия к малому бизнесу, основанное на разработанных и используемых критериях, имеет большое значение как для науки, так и для практики. Социологи не могут не учитывать обстоятельства и среду, а также характер общественных институтов, в рамках которых развивается предпринимательство, так как и предприниматель, и его активность органически вплетаются в «канву» исторических явлений и событий [2]. Поэтому государство несет большую ответственность за их принятие. Анализ различных источников научной литературы по экономике показал, что критерии могут быть достаточно разнообразными. В этой связи при разработке критериев важно опираться на объективность, дифференциацию в зависимости от отраслевой принадлежности, простоту в понимании и стабильность (количество критериев не должно превышать трех) [3]. Так, по данным Всемирного банка, «малое предпринимательство» должно отвечать широкому спектру показателей, приоритетное значение среди которых имеют: численность работников, ежегодный денежный оборот, величина активов [4].

В США, например, «к числу малых предприятий можно отнести свыше 6 млн компаний, каждая из которых генерирует выручку до 10 млн долл. ежегодно. В данных организациях занята примерно треть всего трудоспособного населения, имеющего постоянную или временную работу. Именно отсюда формируется пресловутый «средний класс», составляющий костяк хозяйственного благополучия страны» [4]. Именно малый бизнес создает половину рабочих мест для трудоспособного населения государства и производит 50 % валового продукта. Малое предпринимательство для США – это основные детерминанты инновационного развития промышленного сектора. Аналогичная обстановка наблюдается и в других странах (Великобритании, Германии, Канаде, Нидерландах). Так, по мнению экспертного сообщества, «доля малых и средних фирм в промышленном экспорте составляет: Германии и Нидерландов – 40 %, Италии – 20–25 %, США и Японии – 15 %. Их доля в продукции крупных фирм приближается к 60 % в Италии, 50 % – во Франции, 40 % – в Японии» [5]. Таким образом, базовым критерием для признания предприятия «малым бизнесом» является численность работников. Субъектами малого предпринимательства могут выступать предприятия, представленные небольшим количеством лиц либо управляемые одним собственни-

ком. Следует заметить также, что субъектами малого предпринимательства могут являться коммерческие организации. В таком случае доля государства в уставном капитале малого предприятия, равно как и любых других его субъектов, не может превышать 25 %. В разных сферах народного хозяйства данный критерий имеет свои показатели. Так, например, для предприятий строительства и транспорта он составляет 100 работников; для сельского хозяйства, а также предприятий научно-технической сферы – 60 человек; для предприятий оптовой торговли – 50; для предприятий розничной торговли и бытового обслуживания – 30; для остальных сфер, видов и отраслей деятельности – 50 человек [4]. Кроме того, в соответствии с рекомендациями международной Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), малые предприятия подразделяются на «весьма малые» (с числом занятых до 19 человек) и «малые» (до 99 человек) [6].

Еще одна из трактовок понимания, что такое малое предпринимательство и каковы критерии, позволяющие говорить о финансово-экономической деятельности как о малом предпринимательстве (в трактовке комиссии Боултона), предполагает следующее [5]:

- небольшой рынок сбыта, который не оказывает серьезное влияние на цены и объемы реализуемого товара;
- правовая независимость, т.е. самостоятельное управление бизнесом, либо собственником, либо собственниками-партнерами;
- управление бизнесом собственником либо собственниками-партнерами, что исключает не только контроль со стороны, но и давление.

На сегодня в России разработаны и утверждены основные критерии, позволяющие относить предприятие к категории малого бизнеса (табл. 1).

Иными словами, «малое предпринимательство – самостоятельный хозяйственный субъект экономики, создающий продукцию, исполняющий работу и предоставляющий услуги в целях удовлетворения общественных потребностей и получения прибыли» [5].

В зависимости от формы собственности различают частные, государственные, муниципальные малые предприятия, а также предприятия, являющиеся собственностью общественных организаций. Они могут осуществлять коммерческую и некоммерческую деятельность и иметь различную отраслевую принадлежность: промышленную, строительную, транспортную, сельскохозяйственную и др.

Условно малое и среднее предпринимательство делят на две группы:

- предприятия, связанные с крупным бизнесом;
- предприятия, конкурирующие с крупным бизнесом.

Рассмотрим и проанализируем каждую группу.

Первая группа включает малые предприятия, имеющие контрактные отношения с крупным бизнесом, но юридически являющиеся самостоятельными организациями. Они специализируются на ограниченном производстве, имеют издержки производства значительно ниже, чем у крупного бизнеса, более гибкое производство, что способствует быстрому реагированию на изменения рынка. «Наконец, предприятия малого бизнеса в условиях нового этапа научно-технического прогресса выступают, с одной стороны, как экспериментаторы для крупных фирм, а с другой – как фирмы, обслуживающие новые товары, созданные крупными предприятиями» [8].

Таблица 1

Критерии малых предприятий на 2018 г. [7]

Критерии, общие для всех		
Предельное значение среднесписочной численности работников за предыдущий календарный год	– 15 человек – для микропредприятий; – 16–100 человек – для малых предприятий; – 101–250 человек – для средних предприятий	П. 2 ч. 1.1 ст. 4 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ
Доходы за год по правилам налогового учета не превысят:	– 120 млн руб. – для микропредприятий; – 800 млн руб. – для малых предприятий; – 2000 млн руб. – для средних предприятий	П. 3 ч. 1.1 ст. 4 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ; Постановление Правительства РФ от 4 апреля 2016 г. № 265
Дополнительные критерии для ООО		
Суммарная доля участия в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) организации	Не более 25 % принадлежит: – государству, субъектам РФ; – муниципальным образованиям; – общественным и религиозным организациям (объединениям); – благотворительным и иным фондам	Подп. «а» п. 1 ч. 1.1 ст. 4 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ
	Не более 49 % принадлежит: – иностранным организациям; – организациям, которые не являются субъектами малого и среднего предпринимательства	
Дополнительные критерии для АО		
Суммарная доля участия в капитале	Не более 25 % голосующих акций принадлежит: – государству, субъектам РФ; – муниципальным образованиям; – общественным и религиозным организациям (объединениям); – благотворительным и иным фондам	Подп. «е» п. 1 ч. 1.1 ст. 4 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ
	Не более 49 % голосующих акций принадлежит: – иностранным организациям; – организациям, которые не являются субъектами малого и среднего предпринимательства	

Вторая группа включает малые предприятия, которые конкурируют как с крупным бизнесом, так и друг с другом. Основными предпосылками для данной группы являются: способность быстро реагировать на запросы рынка

и удовлетворять спрос; меньший стартовый капитал, в отличие от более крупных конкурентов, позволяющий свободно маневрировать на рынке; стремление занять ниши, которые не являются перспективными или выгодными для крупных фирм; довольно высокие цены, диктуемые рынку крупными предприятиями [8].

Основные организационно-правовые формы малого предпринимательства, существующие в современной мировой и отечественной экономике, представляют собой товарищества, общества, кооперативы. Организационно-экономические формы могут быть представлены концернами, ассоциациями, консорциумами, синдикатами, картелями, финансово-промышленными группами (ФПГ), холдингами. Виды или назначение предпринимательской деятельности могут быть достаточно разнообразными. Выделяют: производственную, коммерческую, финансовую, консультационную (консалтинговую) и др. Они могут функционировать как в отдельности, так и вместе [8].

Проведенный анализ многих источников показал, что для разных видов деятельности предполагается наличие различных ресурсов. Так, для производственной деятельности необходимо наличие стартового капитала или факторов производства (помещений, оборудования, сырья, информации и т.п.). Результатом в данном случае выступают реализация продукции потребителю и получение выручки. Этот вид предпринимательской деятельности, с нашей точки зрения, можно считать наиболее сложным, так как он предполагает наличие производственной сферы, которая в свою очередь требует серьезных вложений для поддержания и развития.

Коммерческая деятельность может осуществляться на товарных биржах и в торговых организациях. Ведение малого предпринимательства при осуществлении финансовой деятельности, как и коммерческой, предполагает деятельность в рамках коммерческих банков и фондовых бирж, что значительно облегчает производственный процесс, так как не требует создания и содержания большой материально-технической базы.

Следующий вид предпринимательской деятельности – это осуществление операций по купле-продаже товаров и услуг. Процесс осуществления коммерческой деятельности схож с производственной. Однако здесь основным средством производства выступает приобретение готового товара, который реализуется впоследствии потребителю.

Консультационная (консалтинговая) деятельность связана с осуществлением консультаций и (или) предоставлением советов специалистом в конкретной области. Данный вид малого предпринимательства хорошо развит в зарубежной практике и называется консалтингом. Первые компании по осуществлению подобного рода бизнеса появились на западе более 100 лет назад и в настоящее время активно развиваются. «Консультантов по управлению привлекают для того, чтобы снять неопределенность, возникающую на разных стадиях процесса подготовки, принятия и реализации ответственных управленческих решений. Именно ростом неопределенности и сложности среды бизнеса обусловлен громадный рост спроса на консалтинговые услуги в мире за последние 10–15 лет» [9, с. 6].

Следует заметить, что и в России консалтинговые фирмы (особенно в области информационных технологий, информационной безопасности, на-

логообложения, стратегического планирования и организационного развития, финансового управления) наиболее востребованы и активно развиваются. А в последнее десятилетие все большим спросом начинают пользоваться консультанты по кадровому менеджменту для повышения эффективности сотрудников производств.

Итак, для успешного осуществления малого предпринимательства необходимы определенные условия, в первую очередь экономические, социальные и правовые.

К экономическим условиям относят:

- предложение и спрос на товары;
- наличие различных видов товаров;
- денежные средства, которые могут быть потрачены на покупки;
- влияние избытка/дефицита рабочих мест на уровень заработной платы и покупательскую способность [10].

Кроме того, к благоприятным экономическим условиям для развития малого предпринимательства относят доступность денежных ресурсов, уровень доходов на инвестированный капитал, величину заемных средств, которые готовы предоставить предпринимателям кредитные учреждения [9].

С экономическими условиями непосредственно связаны социальные, которые предполагают стремление граждан приобретать новые товары и услуги. Данное стремление находится в постоянном движении, и на него оказывают влияние нравственные и общественные (принадлежность к различным социальным группам и стратам), этнические, религиозные ценности и др., поскольку под их влиянием складываются и существуют определенный образ жизни, ценностные установки, социально-экономическая и политическая активность, потребительское поведение.

Немаловажное значение в формировании и развитии малого предпринимательства имеют подготовка, переподготовка и повышение квалификации кадров. То есть мы говорим о необходимости обучения ведению предпринимательской деятельности, возможности стажировок, организации подготовки и переподготовки преподавательских кадров для обучения предпринимателей, открытия консультационных центров, способствующих ориентации кадров малого предпринимательства и др. [10].

Совершенно очевидно, что вся предпринимательская деятельность (начиная от крупного бизнеса и заканчивая индивидуальным предпринимательством) должна осуществляться в рамках установленного нормативно-правового поля. Речь идет о правовых условиях, которые включают законы, в том числе регулирующие предпринимательскую деятельность. Именно законодательные нормы должны обеспечивать необходимые условия для предпринимательства, а именно – разработанные и понятные механизмы, позволяющие упрощенную процедуру открытия малого предприятия; защиту от бюрократизма. Отдельно отметим вопросы, связанные с налогообложением, а также усовершенствованием методов учета и форм статистической отчетности.

Таким образом, переход России в начале 1990-х гг. на рыночную экономику оказал решающее воздействие на процесс формирования и развития малого предпринимательства. Предпринимательство сегодня – один из ключевых объектов внутренней политики современной России [11], поскольку

современная экономика должна сочетать в себе разнообразные его формы и виды. Особую роль в процессе развития экономики сегодня отводят малому предпринимательству, которое является не только рычагом повышения эффективности работы крупного и среднего бизнеса, а также решает социально-экономические задачи путем создания новых рабочих мест, повышения конкурентоспособности, внедрения инновационных технологий. Взаимодействие власти с бизнесом приводит к решению ряда задач в обществе, в частности, вопроса социальной напряженности, так как ведет к росту доходов бюджета государства. Такое сотрудничество для бизнеса – это прежде всего рост инвестиционной привлекательности и налоговые льготы [12]. При этом успешное развитие малого предпринимательства возможно при определенных экономических, социальных и правовых условиях. Осознание взаимосвязи экономического и социального в предпринимательской деятельности, сущности социальных функций предпринимательства большинством деловых людей создаст более благоприятные условия для развития рыночных отношений [13].

Библиографический список

1. **Атамазова, А. А.** Сущность малого предпринимательства / А. А. Атамазова // Молодой ученый. – 2016. – № 3. – С. 450. – URL: <https://moluch.ru/archive/107/25520/> (дата обращения: 10.10.2018).
2. **Семенова, Ю. А.** К вопросу об идеальном типе предпринимательства / Ю. А. Семенова // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2014. – № 3 (52). – С. 125–128.
3. Российский микрофинансовый центр. – URL: <http://www.rmcenter.ru> (дата обращения: 12.10.2018).
4. **Борисов, С. Р.** Состояние малого предпринимательства и инновационное развитие России / С. Р. Борисов // Новая экономика. Инновационный портрет России. – 2011. – № 4. – С. 45.
5. **Краузе, Е. В.** Значение малого бизнеса в России / Е. В. Краузе, А. В. Троцкая // Проблемы современной экономики : материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Казань, август 2017 г.). – Казань : Молодой ученый, 2017. – С. 18–22. – URL: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/261/12804/> (дата обращения: 11.10.2018).
6. О предельных значениях выручки от реализации товаров (работ, услуг) для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства : Постановление Правительства РФ от 22.07.2008 № 556 // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 30, ч. 2. – С. 36–42.
7. Критерии малых предприятий на 2018 год. – URL: <https://blogkadrovika.ru> (дата обращения: 12.10.2018).
8. **Ракша, И. Р.** Государственная поддержка инновационного малого предпринимательства в регионе : автореф. дис. ... канд. социол. наук / Ракша И. Р. – Тюмень, 2013. – URL: <http://www.dissercat.com/content/gosudarstvennaya-podderzhka-innovatsionnogo-malogo-predprinimatelstva-v-regione#ixzz5TKs2w7jL> (дата обращения: 10.10.2018).
9. Менеджмент малого бизнеса / под ред. М. М. Максимцова, В. Я. Горфинкеля. – М. : Вузовский учебник, 2007.
10. **Сайбель, Н. Ю.** Финансовая поддержка малого и среднего бизнеса в России / Н. Ю. Сайбель, Я. В. Сайбель // Актуальные проблемы экономической теории и практики : сб. науч. тр. / под ред. В. А. Сидорова. – Краснодар : Кубанский государственный университет, 2015. – Вып. 18. – С. 75–83.

11. Дыльнова, З. М. Проблемы развития регионального предпринимательства в современном российском обществе (на примере Саратовской области) / З. М. Дыльнова, Ю. А. Семенова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2014. – № 3 (31). – С. 96–102.
12. Семенова, Ю. А. Взаимодействие институтов власти и предпринимательских структур / Ю. А. Семенова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 3 (35). – С. 86–96.
13. Кошарная, Г. Б. Социальная ответственность субъектов предпринимательства: история и современность / Г. Б. Кошарная // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2014. – № 1 (29). – С. 100–108.

References

1. Atamazova A. A. *Molodoy uchenyy* [Young scientist]. 2016, no. 3, p. 450. Available at: <https://moluch.ru/archive/107/25520/> (accessed Oct. 10, 2018).
2. Semenova Yu. A. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of Saratov State Socioeconomic University]. 2014, no. 3 (52), pp. 125–128.
3. *Rossiyskiy mikrofinansovyy tsentr* [Russian microfinancial center]. Available at: <http://www.rmcenter.ru> (accessed Oct. 12, 2018).
4. Borisov S. R. *Novaya ekonomika. Innovatsionnyy portret Rossii* [New economy. Innovation portrait of Russia]. 2011, no. 4, p. 45.
5. Krauze E. V., Trotskaya A. V. *Problemy sovremennoy ekonomiki: materialy VI Mezhdunar. nauch. konf. (g. Kazan', avgust 2017 g.)* [Problems of modern economy: proceedings of VI International scientific conference (Kazan, August 2017)]. Kazan: *Molodoy uchenyy*, 2017, pp. 18–22. Available at: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/261/12804/> (accessed Oct. 11, 2018).
6. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2008, no. 30, part 2, pp. 36–42.
7. *Kriterii malykh predpriyatiy na 2018 god* [Criteria for small enterprises in 2018]. Available at: <https://blogkadrovika.ru> (accessed Oct. 12, 2018).
8. Raksha I. R. *Gosudarstvennaya podderzhka innovatsionnogo malogo predprinimatel'stva v regione: avtoref. dis. kand. sotsiol. nauk* [State support of innovation small business in region: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of sociological sciences]. Tyumen, 2013. Available at: <http://www.dissercat.com/content/gosudarstvennaya-podderzhka-innovatsionnogo-malogo-predprinimatelstva-v-regione#ixzz5TKs2w7jL> (accessed Oct. 10, 2018).
9. *Menedzhment malogo biznesa* [Small business management]. Eds. M. M. Maksimtsov, V. Ya. Gorfinkel'. Moscow: Vuzovskiy uchebnyk, 2007.
10. Saybel' N. Yu., Saybel' Ya. V. *Aktual'nye problemy ekonomicheskoy teorii i praktiki: sb. nauch. tr.* [Topical issues of economic theory and practice: collected articles]. Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet, 2015, issue 18, pp. 75–83.
11. Dyl'nova Z. M., Semenova Yu. A. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2014, no. 3 (31), pp. 96–102.
12. Semenova Yu. A. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2015, no. 3 (35), pp. 86–96.
13. Kosharnaya G. B. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2014, no. 1 (29), pp. 100–108.

Дыльнова Зоя Михайловна

доктор социологических наук, профессор,
кафедра социологии регионов,
Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского
(Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83)

E-mail: zmdccu@mail.ru

Dyl'nova Zoya Mikhaylovna

Doctor of sociological sciences, professor,
sub-department of regional sociology,
Saratov State University
(83 Astrakhanskaya street,
Saratov, Russia)

Семенова Юлия Александровна

кандидат социологических наук, доцент,
кафедра социологии молодежи,
Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского
(Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83)

E-mail: semenofa@gmail.com

Semenova Yuliya Aleksandrovna

Candidate of sociological sciences,
associate professor, sub-department of
youth sociology, Saratov State University
(83 Astrakhanskaya street, Saratov, Russia)

УДК 316.334

Дыльнова, З. М.

Малое предпринимательство в России: анализ предпосылок развития, сущность и критерии / З. М. Дыльнова, Ю. А. Семенова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2018. – № 4 (48). – С. 81–90. – DOI 10.21685/2072-3016-2018-4-9.

И. А. Демененко, И. В. Шавырина

ПАРАМЕТРЫ ВУЗОВСКОЙ СРЕДЫ В ОЦЕНКЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация.

Актуальность и цели. В условиях активного социально-экономического развития общественных систем определяются новые векторы трансформации социального института образования. Повышение конкурентоспособности вузов на региональном рынке образовательных услуг является важнейшим фактором достижения стратегических целей образовательного учреждения, с одной стороны, и формирования вузовской среды – с другой. Целью статьи является измерение параметров вузовской среды студенческой молодежью Белгородской области.

Материалы и методы. Использованы результаты эмпирического измерения параметров вузовской среды студенческой молодежью, проведенного в мае–июне 2018 г. Исследование включало методы системного анализа, социологический опрос, метод количественной и качественной обработки данных.

Результаты. В рамках проведенного исследования выявлены существенные детерминанты профессионального выбора молодежи, векторы стратегического развития вуза, а также проанализированы показатели деятельности вуза в оценке студенческой молодежи.

Выводы. Совокупность представленных показателей деятельности высшего учебного заведения демонстрирует уровень клиентоориентированности вуза в условиях социально-экономического развития региона, а значимость таких показателей его деятельности, как качество образования, ценовая политика и престиж для студентов, определяет вектор выбора вуза и доказывает уровень клиентоориентированности высшего учебного заведения на региональном уровне.

Ключевые слова: институт образования, высшее учебное заведение, студенческая среда, конкурентоспособность, параметры, студенческая молодежь.

I. A. Demenenko, I. V. Shavyrina

PARAMETERS OF UNIVERSITY ENVIRONMENT IN THE ASSESSMENT OF STUDENT YOUTH

Abstract.

Background. In the conditions of active socio-economic development of social systems, new vectors of transformation of the social institution of education are defined. Increasing the competitiveness of universities in the regional educational services market is the most important factor in achieving the strategic goals of the educational institution, on the one hand, and the formation of the university environ-

ment, on the other. The purpose of the article is to measure the parameters of the university environment of students in Belgorod region.

Materials and methods. The results of an empirical measurement of the parameters of the university environment by student youth, conducted in May–June 2018, were used. The study included methods of system analysis, a sociological survey, the method of quantitative and qualitative data processing.

Results. In the framework of the study, significant determinants of the professional choice of young people, the vectors of the strategic development of the university were identified, and the indicators of the university's performance in assessing student youth were analyzed.

Conclusions. The totality of performance indicators of the higher education institution shows the level of the university's customer-oriented nature in the context of the socio-economic development of the region, and the significance of such indicators as education quality, pricing and prestige for students determines the vector of university and proves the level of university's client orientation at the regional level.

Keywords: education institution, university, student environment, competitiveness, parameters, student youth.

Трансформационные процессы современного российского общества зачастую в большей степени зависят от масштаба и специфики реформирования системы образования [1, с. 221]. С учетом того, что одним из ведущих направлений развития современной экономики выступают повышенные требования к человеческому капиталу как важнейшему ресурсу эффективных корпораций, именно на системе образования лежит обязанность по подготовке высококвалифицированных сотрудников, удовлетворяющих потребностям рыночной экономики.

Реформирование системы образования как одно из важнейших общественных институтов воздействует на перспективы становления социальной сферы в целом, а также определяет направленность стратегических векторов вузов в рамках предоставления образовательных услуг и своего позиционирования на региональном и федеральном уровнях [2, с. 92].

В настоящее время повышение качественных показателей деятельности образовательных учреждений осуществляется в условиях здоровой конкуренции, когда отдельные вузы активно разрабатывают различные маркетинговые технологии для повышения своей конкурентоспособности и удержания лидерских позиций на рынке образовательных услуг [3, с. 87]. Таким образом, главной стратегической задачей развития высшего учебного заведения на современном этапе является правильно разработанная адаптационная политика вуза к актуальным потребностям рынка и бизнес-сообщества с целью подготовки и выпуска «продукции» высокого качества.

В рамках изучения параметров вузовской среды было проведено социологическое исследование среди студенческой молодежи Белгородской области (Белгородский государственный университет – НИУ «БелГУ»; Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова – БГТУ; Белгородский университет кооперации, экономики и права – БУКЭП). Опрос был проведен в мае–июне 2018 г.; общее количество респондентов составило 801 человек.

Согласно результатам проведенного исследования, базовым для респондентов при выборе вуза являлось: наличие интересующей специальности

(65 %), престижность вуза (26 %), качество образования в вузе (50 %). Значимыми факторами при выборе высшего учебного заведения выступили: поступление в данный вуз друзей, знакомых и родственников (17 %), советы родителей (19 %) и особенно доступная плата за обучение (15 %). Менее всего привлекали такие факторы, как помощь в последующем трудоустройстве (9 %), реклама вуза (7 %) и профориентационная работа, проводимая в школе (3 %).

Следует отметить, что респонденты указали и свои варианты, определяющие их поступление в вуз: расположение вуза (0,3 %), возможность обучения по сокращенной программе (0,3 %), а также просто случайность (0,3 %) (рис. 1).

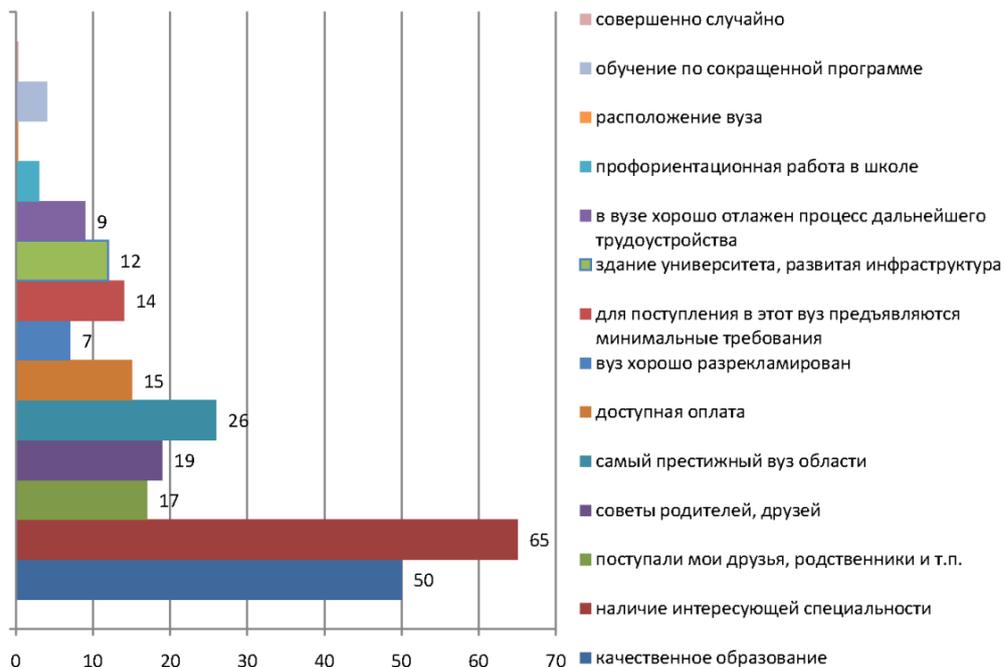

Рис. 1. Решающие факторы при выборе вуза, %

Примечание. *Сумма ответов превышает 100 %, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов.

Полученные результаты свидетельствуют о желании респондентов приобрести качественное и интересующее их образование, учиться в одном из престижных вузов страны, а не просто получить диплом о высшем образовании. Налицо смещение акцентов у молодежи на получение образования в современных условиях. Также выявлена значимость при выборе вуза мнения знакомых, друзей и родителей, а одним из значимых факторов является доступная плата за обучение.

Таким образом, как мы видим, были определены детерминанты, влияющие на выбор учебного заведения, – это качество, престижность, приемлемость.

Ориентация вуза на внутренних и внешних клиентов определяется с помощью выявления источников информации, которые более всего повлияли на выбор вуза, в котором обучаются респонденты (рис. 2).

Рис. 2. Источники информации, влияющие на выбор вуза, %

Примечание. *Сумма ответов превышает 100 %, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов.

Из рис. 2 видно, что основными источниками информации, которые в наибольшей степени повлияли на выбор вуза, явились друзья, знакомые, родственники (55 %), официальный сайт вуза (46 %) и Интернет (41 %). Следует отметить, что также источниками выступали Дни открытых дверей в вузах (31 %), встречи с преподавателями и студентами высших учебных заведений, организуемые в школах (18 %), и выпускники вуза (13 %).

Наименее популярными, по результатам исследования, среди источников информации о вузе явились товары с изображением символики (3 %), газеты, журналы и т.д. (федерального и местного значения; 2 %), а также издания вуза (газеты, журналы; 2 %).

Один из параметров исследования – стратегия развития вуза. Результаты ответов на вопрос по данному компоненту представлены на рис. 3.

Следует отметить, что практически половина опрошенных (47 %) считают, что стратегия развития вуза направлена на предоставление качественного образования. На второй позиции – создание благоприятных условий для учебы (43 %). Безусловно, это является достаточно позитивным моментом, характеризующим не только понимание студентами стратегического развития высшего учебного заведения, но и реальную направленность развития вузовской среды. Указанные моменты характеризуют вузы Белгородской области как динамически развивающиеся согласно современным условиям развития высшего образования, соответствующие федеральным требованиям и стандартам, а также позиционирующие себя как клиентоориентированные социальные организации.

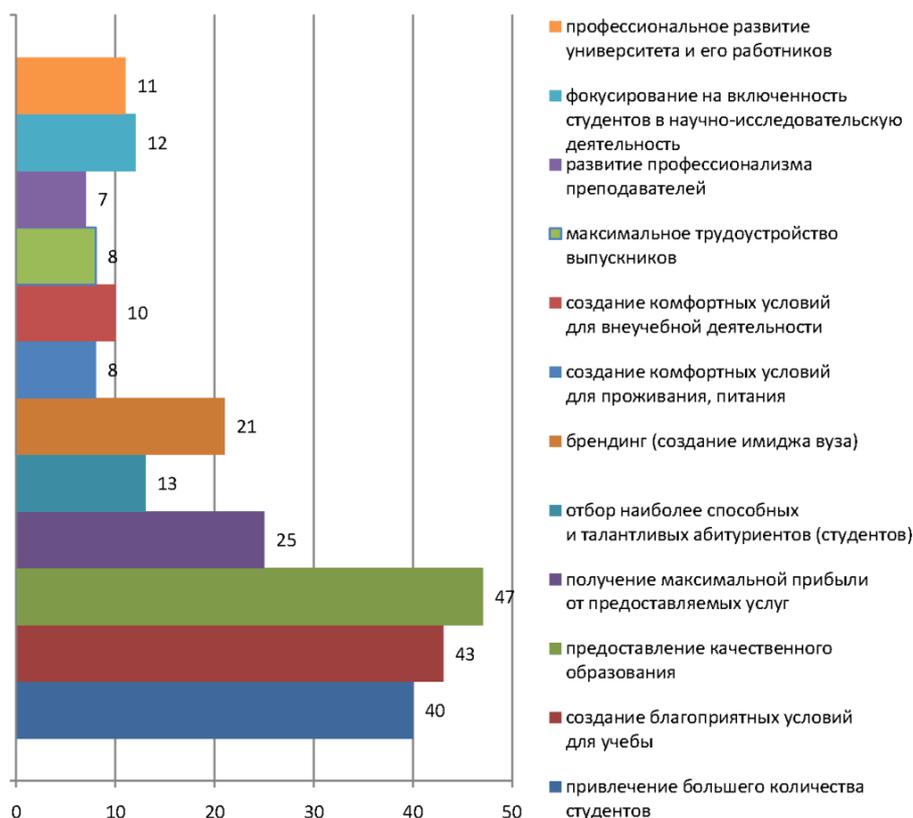

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, стратегия развития Вашего учебного заведения направлена на ...?», %

Примечание. *Сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов.

Тем не менее опрошенными отмечается, что стратегией развития вуза является привлечение большего количества студентов (40 %), а также получение максимальной прибыли от предоставляемых услуг (25 %). Данные ответы занимают третью и четвертую позиции, что достаточно полно характеризует создавшиеся условия, продиктованные реалиями современности. Ведь в настоящее время практически любой вуз стремится получить максимальное количество студентов, а соответственно, прибыль от предоставляемых услуг. В противном случае, если высшее учебное заведение не является одним из ведущих вузов страны, таким как МГУ и СПбГУ, оно не сможет обеспечить себе сколько-нибудь достойное существование. Ведь в современных условиях именно от достаточного количества студентов зависит нагрузка преподавателей вуза, следовательно, оплата их труда, создание условий для учебы и работы и т.д. Минимальное количество студентов приводит к сокращению нагрузки преподавателей, сокращению профессорско-преподавательского состава (ППС) и т.д. [4, с. 205].

Таким образом, мы видим, что стратегия развития вуза, направленная на привлечение большего количества студентов, определяет его реалистиче-

ское позиционирование как организации, предоставляющей образовательные услуги в условиях необходимой коммерциализации системы высшего образования с целью возможности развития инфраструктуры вуза, обеспечения достойных условий для обучения, возможности применения инновационных технологий обучения студентов, повышения качества образовательных услуг посредством повышения компетентности ППС высшего учебного заведения, роста показателей научно-исследовательской и международной деятельности и, как следствие, повышения клиентоориентированности вуза как фактора эффективного социально-экономического развития региона [5, с. 97].

На наш взгляд, респонденты достаточно точно продемонстрировали в своих ответах именно тот замкнутый круг, в который попадают вузы. С одной стороны, и это является достаточно позитивным, высшие учебные заведения стремятся к предоставлению качественного образования и созданию благоприятных условий, с другой стороны, вопрос селекции одаренных, способных студентов не стоит и не рассматривается, так как экономические условия диктуют свои правила, которые сводятся к привлечению максимального количества студентов в стены университетов.

Необходимо отметить, что брендинг (создание имиджа вуза) как стратегию развития выбрали 21 % респондентов. Этот показатель стоит несколько обособленно от предыдущих, но и несколько обособлен от последующих, находясь практически в центре распределений вариантов ответов. На наш взгляд, с одной стороны, современные условия обязывают работать над имиджем, его созданием, но, с другой стороны, это не должно стать стратегическим направлением развития вуза, осознаваемым обучающимися. Это должно являться, скорее, тактическим направлением развития университета, которое и плавно пронизывает всю его деятельность, и отражает ее, а не создается искусственным путем.

Такие варианты ответов, как создание комфортных условий для проживания, питания (8 %), максимальное трудоустройство выпускников (8 %), развитие профессионализма преподавателей (7 %), отмечены опрошенными в меньшей степени. Первый вариант ответа в данном перечне указывает, скорее, на недостаточно развитую инфраструктуру (общежития, столовые, буфеты и т.д.). А вот что касается трудоустройства выпускников вуза и развития профессионализма преподавателей, то, на наш взгляд, это является слабой стороной в развитии высшего учебного заведения. Это как раз те показатели, которые должны, по сути, стать одним из важнейших направлений стратегического развития вуза и действенными детерминантами, определяющими его имидж.

Степень удовлетворенности потребностей студентов в вузовской среде измерялась при помощи изучения наиболее важных для обучающихся показателей деятельности вуза (табл. 1).

Как показывают результаты ответов на данный вопрос, наиболее важным показателем деятельности вуза для студентов является качество обучения. На это указало 69,7 % опрошенных. Профессионализм преподавательского состава как важный показатель деятельности вуза занимает вторую позицию и отмечается 49,1 % респондентов. На третьей позиции находится престиж вуза – так ответили 26,8 % опрошенных.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Какой показатель деятельности вуза является для Вас наиболее важным?», %

Варианты ответов	Всего
Ценовая политика	15,8
Качество обучения	69,7
Престиж вуза	26,8
Официальный сайт, корпоративные СМИ	1,4
Профессионализм преподавательского состава	49,1
Удобное месторасположение	16,8
Атмосфера учебного заведения	21,6
Внимательность и дружелюбие персонала (преподавателей, сотрудников)	20,3
Комфорт и созданные условия для обучения	20,3
Взаимодействие с потенциальными работодателями	12,7
Ценности и традиции университета	2,7

Примечание. *Сумма ответов превышает 100 %, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов.

Таким образом, мы видим, что три первые позиции описывают то, что собственно осознаваемо студентами в плане важности при определении вуза и самого процесса обучения, – это качество, профессионализм ППС и престижность вуза. Значительно меньший процент выбора следующих трех показателей тем не менее указывает на то, что для респондентов также очень важным являются атмосфера учебного заведения (21,6 %), внимательность и дружелюбие персонала (преподавателей, сотрудников) (20,3 %), комфорт и созданные условия для обучения (20,3 %). И если первые три показателя выражают важность качественной стороны процесса обучения, то следующие три – условий, в которых происходит процесс обучения, в том числе межличностное взаимодействие с преподавательским составом.

Следующая группа показателей, такие как удобное месторасположение (16,8 %), ценовая политика (15,8 %) и взаимодействие с потенциальными работодателями (12,7 %), в меньшей степени представляются важными для студентов.

Кроме того, для исследования очень важным является такой показатель, как ценности и традиции университета. Согласно полученным данным, данный показатель не является сколько-нибудь значимым для опрошенных – только 2,7 % респондентов признают его значимость, что в абсолютном выражении составляет 20 человек. Хотя во многом традиции и ценности вуза определяют и качество образования, и профессионализм преподавателей, и созданные условия для обучения.

Официальный сайт, корпоративные СМИ как показатель важности деятельности вуза занимают последнюю позицию и отмечаются лишь 1,4 % опрошенных (10 человек в абсолютном выражении).

Отметим, что совокупность представленных показателей деятельности вуза показывает уровень клиентоориентированности учебного заведения

в условиях социально-экономического развития региона. И значимость таких показателей деятельности вуза, как качество образования, ценовая политика и престиж университета, для студентов определяет вектор выбора высшего учебного заведения и показывает степень его клиентоориентированности на региональном уровне [6, с. 105].

Итак, управление высшим учебным заведением на этапе развития социально-экономических систем как на региональном, так и на федеральном уровнях предопределяет критическую необходимость переосмысления и переориентации управленческой концепции с учетом таких показателей развития вуза, как статус, конкурентоспособность, международные связи, научно-инновационные разработки и др. [7, с. 205].

Разумеется, единый комплекс обновленных траекторий развития высшего образования должен внедряться всеми вузами в соответствии с регламентами и стандартами Министерства образования и науки РФ как на федеральном, так и региональном уровнях.

Концептуальные особенности развития региональных вузов отражают не только социально-экономическое развитие региона, но и востребованность подготовки выпускников конкретной области науки и производства [8, с. 158]. Также одним из ведущих векторов развития вузов являются построение и реализация «клиентоориентированной парадигмы» в системе высшего образования. В частности, ориентация на потребителя в условиях современного рынка образовательных услуг – одна из главных целей функционирования вуза [9, с. 114].

Таким образом, специфика организации взаимоотношений высшего учебного заведения с бизнес-сообществом как потребителем «продукта» вуза в лице выпускников заключается также в двойственности его положения по отношению к рынку труда [10, с. 44]. Вуз является связующим звеном между рынком образовательных услуг, на котором в качестве продукта предлагается спектр образовательных программ, и рынком труда, где в качестве предложения выступают выпускники [11, с. 59].

Библиографический список

1. **Гулей, И. А.** Организационная культура инновационного вуза в период модернизации российского образования / И. А. Гулей // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова. – 2014. – № 6. – С. 220–254.
2. **Понукалина, О. В.** Социальные технологии оптимизации процессов трудоустройства выпускников российских вузов / О. В. Понукалина // Наука и общество. – 2013. – № 1 (10). – С. 96–99.
3. **Гуськова, Е. А.** Проблема профессионального самоопределения современной молодежи в условиях конкуренции вузов на рынке образовательных услуг / Е. А. Гуськова И. В. Шавырина // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова. – 2014. – № 3. – С. 215–219.
4. **Гринкруг, Л. С.** Обновление образовательной системы вуза: модель взаимодействия с внешней средой / Л. С. Гринкруг, В. С. Василенко // Университетское управление: практика и анализ. – 2011. – № 3. – С. 29–36.
5. Модернизация российского образования: проблемы и перспективы / под ред. М. К. Горшкова, Ф. Э. Шереги. – М. : ЦСПиМ, 2010.
6. **Демененко, И. А.** Детерминанты профессионального выбора молодежи: опыт эмпирического изучения / И. А. Демененко, И. В. Шавырина // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 9. – С. 103–108.

7. **Шиняева, О. В.** Профессиональная идентичность преподавателей высших учебных заведений: теоретические и эмпирические результаты исследования / О. В. Шиняева, Е. Р. Ахметшина // Балтийский гуманитарный журнал. – 2015. – № 1 (10). – С. 203–206.
8. **Шабанова, М. А.** Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций / М. А. Шабанова // Мир России. – 2001. – № 3. – С. 78–104.
9. **Данакин, Н. С.** Конкурентоспособность выпускников как показатель эффективности работы современного вуза / Н. С. Данакин, А. И. Шутенко // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. – С. 158.
10. **Козлов, И. И.** Функции и дисфункции вузов в ценностях преподавательской корпорации и студентов / И. И. Козлов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2014. – № 1 (29). – С. 68–79.
11. **Кошарная, Г. Б.** Ценностные ориентации студенческой молодежи в трудовой сфере / Г. Б. Кошарная, Н. В. Корж // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 2 (36). – С. 58–64.

References

1. Guley I. A. *Vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta im. V. G. Shukhova* [Bulletin of Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov]. 2014, no. 6, pp. 220–254.
2. Ponukalina O. V. *Nauka i obshchestvo* [Science and society]. 2013, no. 1 (10), pp. 96–99.
3. Gus'kova E. A., Shavyrina I. V. *Vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta im. V. G. Shukhova* [Bulletin of Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov]. 2014, no. 3, pp. 215–219.
4. Grinkrug L. S., Vasilenko V. S. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University management: practice and analysis]. 2011, no. 3, pp. 29–36.
5. *Modernizatsiya rossiyskogo obrazovaniya: problemy i perspektivy* [Modernization of Russian education: problems and prospects]. Eds. M. K. Gorshkov, F. E. Sheregi. Moscow: TsSPiM, 2010.
6. Demenenko I. A., Shavyrina I. V. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge]. 2018, no. 9, pp. 103–108.
7. Shinyayeva O. V., Akhmetshina E. R. *Baltiyskiy humanitarnyy zhurnal* [Baltic humanitarian journal]. 2015, no. 1 (10), pp. 203–206.
8. Shabanova M. A. *Mir Rossii* [The world of Russia]. 2001, no. 3, pp. 78–104.
9. Danakin N. S., Shutenko A. I. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. 2014, no. 6, p. 158.
10. Kozlov I. I. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2014, no. 1 (29), pp. 68–79.
11. Kosharnaya G. B., Korzh N. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2013, no. 2 (36), pp. 58–64.

Демененко Инна Арамовна

кандидат социологических наук, доцент,
кафедра социологии и управления,
Белгородский государственный
технологический университет имени
В. Г. Шухова (Россия, г. Белгород,
ул. Костюкова, 46)

E-mail: inna12manager@gmail.com

Demenenko Inna Aramovna

Candidate of sociological sciences,
associate professor, sub-department
of sociology and management, Belgorod
State Technological University named after
V. G. Shukhov (46 Kostyukova street,
Belgorod, Russia)

Шавырина Ирина Валерьевна

кандидат социологических наук, доцент,
кафедра социологии и управления,
Белгородский государственный
технологический университет имени
В. Г. Шухова (Россия, г. Белгород,
ул. Костюкова, 46)

E-mail: shavyrina_77@mail.ru

Shavyrina Irina Valer'evna

Candidate of sociological sciences,
associate professor, sub-department
of sociology and management, Belgorod
State Technological University named after
V. G. Shukhov (46 Kostyukova street,
Belgorod, Russia)

УДК 378.096

Демененко, И. А.

Параметры вузовской среды в оценке студенческой молодежи /

И. А. Демененко, И. В. Шавырина // Известия высших учебных заведений.
Поволжский регион. Общественные науки. – 2018. – № 4 (48). – С. 91–100. –
DOI 10.21685/2072-3016-2018-4-10.

Ф. А. Ильдарханова

КОНСТРУИРОВАНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН: ПОТЕНЦИАЛ РЕСУРСОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация.

Актуальность и цели. Одним из серьезнейших вызовов национальной безопасности Российской Федерации стала проблема демографической устойчивости страны. Принятие новых государственных программ, Национального проекта «Демография» актуализирует работу по внедрению новых управленческих решений как на федеральном, так и на региональном уровне.

Материалы и методы. Представленный в статье анализ мер демографической поддержки семей с детьми основан на нормативно-правовой базе, отражающей ресурсы государственного управления на федеральном и региональном уровнях. Особенности государственных программ, разработанных в Республике Татарстан, во-первых, отражают, уникальные демографические ресурсы региона, во-вторых, позволяют составить представление о процессе конструирования демографических процессов в республике.

Результаты. Реализация принципа проблемно-целевой ориентации содействует эффективному проведению региональной семейной и демографической политики, объединению усилий государства и общества в укреплении семьи.

Выводы. Современные реформы обязывают государство и общество переосмыслить пройденный путь, а также найти новые ресурсы развития этой жизненно важной сферы и пути повышения эффективности семейной и демографической политики в Республике Татарстан.

Ключевые слова: региональная государственная семейная политика, семейная сфера, региональная среда, демографические процессы, социальные программы, социальное партнерство, государственное управление.

F. A. Il'darkhanova

CONSTRUCTING DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN: THE POTENTIAL OF PUBLIC ADMINISTRATION RESOURCES

Abstract.

Background. One of the most serious challenges to the national security of the Russian Federation was the problem of demographic stability of the country. The adoption of new state programs, the national concept of "Demography" actualize the work on the adoption of new management decisions, both at the Federal and regional levels.

Materials and methods. The analysis of demographic support measures for families with children presented in the article is based on a regulatory framework reflecting the resources of state administration at the federal and regional levels. The fea-

tures of state programs developed in the Republic of Tatarstan reflect, firstly, the unique demographic resources of the region, and secondly, they make it possible to get an idea of the process of constructing demographic processes in the republic.

Results. The implementation of the principle of problem-oriented orientation contributes to the effective implementation of regional family and demographic policy, combining the efforts of the state and society in strengthening the family.

Conclusions. Modern reforms oblige the state and society to rethink the passed way, and also to find new resources of development of this vital sphere and ways of increase of efficiency of family and demographic policy in the Republic of Tatarstan.

Keywords: regional state family policy, family sphere, regional environment, demographic processes, social programs, social partnership, public administration.

Демографическое развитие государства происходит под воздействием социальных, экономических, политических, национальных и других процессов. Демографические проблемы движут общественными процессами в целом.

По данным Федеральной службы государственной статистики, в Российской Федерации в течение последних лет, начиная с 2013 г. включительно, ежегодно регистрировался естественный прирост населения. В 2015 г. естественный прирост жителей России за один год составил 32 038 человек. По состоянию на 1 января 2017 г. население Российской Федерации достигло 146,804 млн человек [1].

Тенденции развития демографических процессов в Республике Татарстан в основном аналогичны демографическим процессам, происходящим в России в целом. Но тем не менее они имеют свои особенности. К примеру, в регионе наблюдается незначительная естественная убыль населения, в отличие от России. Высокая рождаемость и более низкая смертность в сравнительно молодых городах и в некоторых районах Республики Татарстан, более низкая смертность городского населения в сравнении с сельским населением также благоприятно влияют на демографические процессы в регионе. По состоянию на 1 января 2017 г. население Республики Татарстан составило 3 885 253 человека, а по состоянию на 1 января 2018 г. – 3 894 284 человека [2], т.е. прирост составил 9031 человек.

Решение демографических проблем с учетом этнорегиональных особенностей республики (регионалогический подход) подтверждает эффективность принятых мер. Данный подход комплексно анализирует социальные проблемы семьи и демографии, учитывает межпоколенный опыт диалога культур: конструктивное взаимодействие этносов и конфессий, взаимовлияние и взаимопроникновение этнокультур; размещение производительных сил с учетом дифференцированных показателей, характеризующих демографическую ситуацию и тенденции ее развития в регионе и «татарстанскую модель» социально-экономической трансляции общества, опирающейся на адекватную государственную и муниципальную политику.

Вышеуказанные тенденции демографического развития республики требуют глубокого научного анализа происходящих процессов в области семьи и демографии и репрезентативных социологических исследований. Только вкладывая определенные инвестиции в повышение рождаемости, реализуя и совершенствуя национальные проекты стимулирования рождаемости на федеральном и на региональном уровнях, можно ожидать количественные

изменения показателей рождаемости и улучшение демографической устойчивости в стране и регионах.

Концептуальные основы региональной государственной семейной политики

Понятие «политика» определяется как объективно обусловленное целенаправленное участие больших масс людей, организованных в социальные группы, принимающих активное участие в государственных делах и жизни общества при участии властных институтов [3].

Региональная политика является одной из форм государственного управления в разных подсистемах региона и координирует его политическое, экономическое и социальное развитие региона, включая механизм реализации этих подсистем.

В связи с принятием Национального проекта «Демография» приоритетным становится конструирование развернутых региональных программ семейной и демографической политики. В обществе возникла необходимость принятия радикальных мер семейной и демографической политики, являющейся частью социальной политики, усиления и конкретизации области ее компетенции и ответственности; необходимость усовершенствования законодательства, регламентирующего взаимоотношения государства и семьи, в основе которого лежит единство прав и обязанностей последней; необходимость формирования территориальных органов власти, непосредственно занимающихся проблемами семьи и демографии.

Так, в структуре Академии наук Республики Татарстан с 2007 г. в целях изучения семейных и демографических проблем Республики Татарстан функционирует Центр семьи и демографии. Кабинетом министров утверждена межведомственная Концепция государственной социальной поддержки семьи и детей, определены ее цели и задачи, объекты и субъекты, принципы, основные направления и механизмы реализации.

Программа реализации демографической и семейной политики в Республике Татарстан основывается на принципе проектирования, ибо данный подход позволяет сконцентрировать усилия государства и общества при решении социальных проблем в укреплении и развитии семейной сферы как одного из важнейших направлений социальной жизни в регионе.

Данный принцип учитывает анализ основных «болевых точек» и проблем республики в целом, отдельных административных районов и городов, а также социальных групп, семей и личностей; направлен на поиск нестандартных способов и путей их решения; дает возможность просчитать необходимые ресурсы и изыскать источники финансирования; способствует вовлечению всех заинтересованных субъектов социокультурной жизни в процесс реализации проекта. Кроме того, проблемно-целевой принцип социального проектирования актуален тем, что институт семьи анализируется как образ целостной системы, охватывающей все сферы человеческой жизнедеятельности.

Потенциал ресурсов государственного управления

Управление социальной сферой требует огромной компетенции и ответственности федеральных, региональных органов, органов местного самоуправления, действующих в одном направлении и во взаимосвязи, а также

соизмеримость затрат на социальные нужды и возможностей их финансирования.

В целях улучшения качества жизни татарстанцев, их семей и детей в республике проводится значительная работа. Свыше 2 млрд руб. потрачено на реализацию государственных программ республики.

В настоящее время главная цель – повышение качества жизни жителей республики. Реализация мероприятий и проектов в сфере экономического развития создает основу для этого. Комплекс мероприятий по семейной и демографической политике заложен в «Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан – 2030». Позитивную тенденцию в социальной сфере, основанную на положительной демографической динамике, можно наблюдать уже с 2011 г. С этого периода заметен естественный прирост населения, продолжительность жизни в республике превысила 73,5 года.

В Татарстане реализуется 37 государственных программ. В текущем году на их реализацию было выделено 16 млрд руб. из бюджета республики. В программы внесены 2911 объектов: 11 новых школ, 9 детских садов, 6 врачебных амбулаторий; 42 ФАПа, 106 объектов здравоохранения, 146 образовательных учреждений; а также капитальный ремонт многоквартирных домов, возведение водопровода длиной 260 км, бурение 44 скважин и установление 38 водонапорных башен. Кроме того, более 10 тыс. семей получают жилье по программе социальной ипотеки [4].

Ежегодно в рамках социального партнерства принимается республиканское Соглашение между Кабинетом министров и Федерацией профсоюзов Республики Татарстан, Координационным советом объединений работодателей Республики Татарстан о проведении социально-экономической политики и развитии социального партнерства. Принято «Соглашение о минимальной заработной плате» в Республике Татарстан от 11 июля 2017 г. [5], 30 отраслевых соглашений, заключенных на республиканском уровне, 45 территориальных соглашений, 137 территориально-отраслевых соглашений, заключенных на уровне муниципальных образований. Сегодня действуют 6214 коллективных договоров. Особое внимание обращено на реализацию программы «Социальная и правовая защита молодежи, укрепление семьи, забота о материнстве и детстве».

Вышеуказанные обязательства сторон социального партнерства конкретизированы в коллективных договорах, в отраслевых и территориальных соглашениях.

В соглашении, действующем в *строительстве и промышленности строительных материалов*, предусмотрены: ежемесячные выплаты женщинам, находящимся в отпуске по уходу за ребенком в возрасте до 1,5 лет; выделение средств женщинам на дополнительное социальное пособие в размере не менее одного минимального размера оплаты труда в период до достижения ребенком возраста 1,5 лет; выплата беременным женщинам единовременной компенсации стоимости приобретения медикаментов и витаминных препаратов в размере одного минимального размера оплаты труда; предоставление женщинам в течение года одного дополнительного оплачиваемого дня отдыха для прохождения медицинского осмотра в женской консультации, а женщинам, занятым на тяжелых, вредных и (или) опасных работах, а также на подземных работах и работах, связанных с подъемом и перемеще-

нием вручную тяжестей, с момента установления беременности – дополнительного оплачиваемого отпуска до наступления срока предоставления отпуска по беременности и родам.

В организациях дорожного хозяйства, агропромышленного комплекса предусмотрены «повышенные льготы и гарантии в виде: предоставления работы по гибкому графику; повышения квалификации и переподготовки по другим специальностям; предоставления льгот матерям, воспитывающим ребенка без супруга; назначения компенсационных выплат женщинам, находящимся в отпуске по беременности и родам, по уходу за ребенком» [5].

По предприятиям химической промышленности установлено, что на условиях, определенных коллективным договором, женщинам, приступившим к работе после отпуска по уходу за ребенком, предоставляется возможность пройти, при необходимости, обучение с целью повышения квалификации или переподготовки.

В блоке наиболее значимых обязательств отраслевых соглашений, связанных с данной тематикой, можно также отметить следующие: предоставление матерям либо другим лицам, воспитывающим детей, которые идут в 1–3-е классы, полностью или частично оплачиваемого свободного дня в День знаний – 1 сентября (соглашения АПК, жилищно-коммунального хозяйства, здравоохранения, культуры, образования и др.); приобретение путевок в детские оздоровительные лагеря для детей работников с частичной оплатой стоимости путевки, а также бесплатно для семей, имеющих троих и более детей, детей-инвалидов, неполных семей (соглашения отраслей лесного хозяйства, АПК).

В территориальных соглашениях предусмотрено принятие мер по сохранению и расширению сети дошкольных образовательных организаций, ликвидации очередности в детские сады, повышению охвата детей дошкольных учреждений.

Республиканским соглашением предусмотрена обязанность работодателей выполнять закрепленную законодательством республики норму «об обязательном предоставлении работающим женщинам, имеющим детей в возрасте до 16 лет, еженедельно не менее двух часов свободного времени или одного свободного дня в месяц, полностью или частично оплачиваемого за счет средств предприятий и организаций» [6]. Норма отражена в большинстве соглашений и коллективных договоров предприятий ПАО «Татнефть», ПАО «Нижнекамскнефтехим», ПАО «Казаньоргсинтез», АО «Зеленодольский завод им. А. М. Горького», ООО «ТаграС-РемСервис», ПАО «Казанский вертолетный завод», АО «Судоходная компания «Татфлот» и др. В республике реализуются целевые программы и принимаются меры, направленные на улучшение демографической ситуации и повышение рождаемости населения. Во исполнение майских указов Президента Российской Федерации В. В. Путина (от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года») разработаны дорожные карты в области здравоохранения, социального обслуживания, которые также включают меры, направленные на повышение рождаемости, демографической устойчивости Республики Татарстан.

Президентом Республики Татарстан Р. Н. Миннихановым было принято решение о единовременных выплатах всем молодым женщинам, прожи-

вающим на селе не менее трех лет и родившим ребенка после 1 января 2018 г. Так, если мама первенца не достигла 25-летнего возраста, то выплата составит 50 тыс. руб. Если мама в возрасте до 29 лет родила третьего ребенка, то размер выплаты составит 100 тыс. руб. [7].

Семья – эта саморегулирующаяся и самоорганизующаяся система. Как социальный институт семья призвана возратить обществу обновленную социальную энергию, носителем которого является простой Человек. Поэтому одним из концептуальных принципов демографической и семейной политики должно быть единство прав и обязанностей семьи: с одной стороны – общество и государство создают условия для нормального саморазвития семьи, с другой – семья с момента своего создания должна быть ориентирована на исполнение своих обязательств перед обществом.

Библиографический список

1. Демографический ежегодник России. 2017. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/demo17.pdf (дата обращения: 30.05.2018).
2. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. – URL: tatstat.gks.ru (дата обращения: 30.05.2018).
3. **Ильдарханова, Ф. А.** Формирование и развитие государственной семейной политики в трансформирующемся обществе: Региональный аспект / Ф. А. Ильдарханова. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2006. – 280 с.
4. Ежегодное послание Президента Татарстана к Государственному Совету Республики // Татар-информ. – 2017. – 21 сент.
5. Соглашение между Федерацией профсоюзов Республики Татарстан, Координационным советом объединений работодателей Республики Татарстан, Кабинетом Министров Республики Татарстан о минимальной заработной плате в Республике Татарстан от 11 июля 2017 г. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/446461608> (дата обращения: 21.11.2018).
6. Отраслевое соглашение между Татарстанской республиканской организацией общероссийского профессионального союза работников государственных учреждений и общественного обслуживания и Министерством труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан на 2017–2019 годы. – URL: http://mtsz.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_864049.pdf (дата обращения: 01.11.2018).
7. О единовременной выплате женщинам, постоянно проживающим в сельской местности, при рождении ребенка : Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 09.02.2018 № 67. – URL: http://pravo.tatarstan.ru/rus/npa_kabmin/post/?npa_id=202779 (дата обращения: 01.11.2018).

References

1. *Demograficheskiy ezhegodnik Rossii* [Demographic yearbook of Russia]. 2017. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/demo17.pdf (accessed May 30, 2018).
2. *Territorial'nyy organ Federal'nyy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Respublike Tatarstan* [The Regional Office of the Federal Service of State Statistics in the Republic of Tatarstan]. Available at: tatstat.gks.ru (accessed May 30, 2018).
3. Il'darkhanova F. A. *Formirovaniye i razvitiye gosudarstvennoy semeynoy politiki v transformiruyushchemsya obshchestve: Regional'nyy aspekt* [Formation and development of the state family policy in a transforming society: Regional aspects]. Kazan: Izd-vo Kazanskogo un-ta, 2006, 280 p.
4. *Ezhegodnoye poslanie Prezidenta Tatarstana k Gosudarstvennomu Sovetu Respubliki* [An annual message of the President of Tatarstan to the State Council of the Republic]. *Tatar-inform*. 2017, 21 Sept.

5. *Soglasenie mezhdru Federatsiey profsoyuzov Respubliki Tatarstan, Koordinatsionnym sovetom ob"edineniy rabotodateley Respubliki Tatarstan, Kabinetom Ministrov Respubliki Tatarstan o minimal'noy zarabotnoy plate v Respublike Tatarstan ot 11 iyulya 2017 g.* [The agreement between the Federation of Labour Unions of the Republic of Tatarstan, the Coordination Council of Employers Association in the Republic of Tatarstan, the Cabinet of Minister of the Republic of Tatarstan on minimal wages in the Republic of Tatarstan of June 11th 2017]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/446461608> (accessed Nov. 21, 2018).
6. *Otraslevoe soglasenie mezhdru Tatarstanskoy respublikanskoy organizatsiey obshcherossiyskogo professional'nogo soyuza rabotnikov gosudarstvennykh uchrezhdeniy i obshchestvennogo obsluzhivaniya i Ministerstvom truda, zanyatosti i sotsial'noy zashchity Respubliki Tatarstan na 2017–2019 gody* [The sectoral agreement between the Tatarstan Republican Organization of the All-Russian Labour Union of Employees of State Institutions and Public Service and the Ministry of Labour, Employment and Social Security of the Republic of Tatarstan in 2017–2019]. Available at: http://mtsz.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_864049.pdf (accessed Nov. 01, 2018).
7. *O edinovremennoy vyplate zhenshchinam, postoyanno prozhivayushchim v sel'skoy mestnosti, pri rozhdenii rebenka: Postanovlenie Kabineta Ministrov Respubliki Tatarstan ot 09.02.2018 № 67* [On lump-sum child-birth payment to women permanently residing in the rural area: the Ordinance of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan of 09.02.2018 No 67]. Available at: http://pravo.tatarstan.ru/rus/npa_kabmin/post/?npa_id=202779 (accessed Nov. 01, 2018).

Ильдарханова Флюра Амировна

доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (Россия, г. Казань, ул. Лево-Булачная, 36а)

E-mail: Gailj_07@bk.ru

I'darkhanova Flyura Amirovna

Doctor of sociological sciences, senior research manager, the Family and Demography Center of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (36a Levo-Bulachnaya street, Kazan, Russia)

УДК 314

Ильдарханова, Ф. А.

Конструирование демографических процессов в Республике Татарстан: потенциал ресурсов государственного управления / Ф. А. Ильдарханова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2018. – № 4 (48). – С. 101–107. – DOI 10.21685/2072-3016-2018-4-11.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПУБЛИЧНЫХ БИБЛИОТЕК В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация.

Актуальность и цели. Изменившиеся социальные реалии трансформировали характер социальной адаптации россиян. Прежние способы адаптации перестали давать ожидаемые результаты, а новые вырабатываются медленно и стихийно. Социальные институты, традиционно выполняющие функции просвещения и социализации, могут взять на себя задачу выработки компенсаторных форм поведения, эффективных в условиях развивающейся цифровой экономики. Цель статьи – определить роль информационно-просветительской деятельности публичных библиотек в процессе социальной адаптации различных групп россиян.

Материалы и методы. Анализ построен на основе обобщения теоретических положений зарубежных и отечественных социологов о сути социальной адаптации в условиях перехода к информационному обществу; интерпретации результатов авторского исследования востребованности услуг публичных библиотек в контексте выработки адаптивных практик. Социологическое исследование проведено методом анкетного опроса населения крупного города от 18 до 60 лет; выборка репрезентативная, квотная по возрасту и уровню жизни.

Результаты. Новые условия адаптации в российском обществе вызывают развитие «культуры неравенства», которая проявляется в состоянии социального пессимизма и низкой сплоченности населения. Публичные библиотеки, оставаясь бесплатными и массовыми, должны взять на себя реализацию не только образовательной, культурной, коммуникативной функций, но и сервисной, информационно-технологической, реабилитационной, которые актуальны в современных условиях.

Выводы. Среди населения крупного города востребованы образовательная, кумулятивная, развивающая функции библиотек. Однако публичные библиотеки недостаточно реализуют коммуникационную, сервисную, информационно-технологическую функции, а именно они формируют успешные практики в условиях цифрового общества. Причины отставания российских библиотек от социального запроса связаны с проблемами в кадровом, финансовом и материально-техническом обеспечении, которые необходимо решать в ближайшей перспективе.

Ключевые слова: адаптация к информационному обществу, цифровое неравенство, традиционные и новые функции публичных библиотек.

O. V. Shinyaeva, O. M. Slepova

THE ACTIVITIES OF PUBLIC LIBRARIES IN THE CONTEXT OF SOCIAL ADAPTATION OF THE POPULATION**Abstract.**

Background. The changed social realities have transformed the nature of social adaptation of Russians. The old ways of adaptation stopped giving expected results, and the new are developing slowly and spontaneously. Social institutions, traditionally performing the functions of education and socialization, can take on the task of developing compensatory behaviours, effective in the emerging digital economy. The article aims at determining the role of informational and educational activities of public libraries in the process of social adaptation of different groups of Russians.

Materials and methods. The analysis was built on the basis of generalization of theoretical positions of foreign and domestic sociologists about the nature of social adaptation in the conditions of transition to information society; interpretation of the results of the author's research of the demand for public library services in the context of adaptive production practices. A sociological study was conducted using a questionnaire survey of the population of a large city from 18 to 60 years old; the sample is representative and random.

Results. New conditions of adaptation in the Russian society result in the development of a "culture of inequality" which is manifested in the social pessimism and low cohesion of the population. Remaining free and mass, the public library should take on the implementation of not only educational, cultural, communicative functions, but also service, information technology and rehabilitation functions that are topical in modern conditions.

Conclusions. Among the population of large cities such functions of libraries as educational, cumulative developing are in demand. However, public libraries are insufficient to implement the communication, service, information technology functions; namely, they define a successful practice in a digital society. Reasons for the lag of Russia from the social demand associated with problems in personnel, financial and logistical support that need to be addressed in the short term.

Keywords: adaptation to the information society, digital divide, traditional and new functions of public libraries.

Актуальность новых исследований социальной адаптации россиян обусловлена целым рядом причин. Во-первых, адаптация к непрерывно меняющимся экономическим, технологическим, материально-бытовым, социокультурным условиям представляет собой характер постоянного процесса, в ходе которого формируются новые формы компенсаторного поведения индивидов и групп; они требуют внимания социологов. Во-вторых, в современной России этот процесс проходит в условиях «крутой ломки институциональной системы общества, вытеснения норм и ценностей, существовавших на протяжении жизни нескольких поколений» [1, с. 45]. Политика реформирования в последние десятилетия проводилась без учета адресной социальной поддержки, что привело к деформации практик адаптации. В третьих, меняющиеся условия трудового найма и содержания труда превращают сферу профессиональной деятельности, экономических достижений в пространство, требующее от участников не только новых практик, но и новой ментальности. В течение трудовой деятельности работники должны быть готовы к пе-

ременам рабочих мест, новым видам деятельности и освоению компетенций, связанных с информационными технологиями.

Изменившиеся социальные реалии трансформировали способы и характер социальной адаптации россиян, уже испытавших на себе трудности переходного периода. Прежние механизмы социальной адаптации перестали давать ожидаемые результаты, а новые вырабатываются медленно и достаточно стихийно. Для многих россиян адаптация сводится к простому выживанию; особенно это касается социальных групп риска – граждан с низким статусом и малым объемом ресурсов (экономических, культурных, квалификационных). В новых условиях социальные институты, традиционно выполняющие функции просвещения и социализации, должны взять на себя задачу выработки компенсаторных форм поведения, эффективных в условиях развивающейся цифровой экономики. К таким институтам относится социальный институт публичных библиотек.

Цель статьи – определить роль информационно-просветительской деятельности публичных библиотек в процессе социальной адаптации различных групп россиян.

Для того чтобы выявить роль института публичных библиотек, нужно понять, к чему вынуждены адаптироваться граждане в современных условиях, что сегодня стоит за их адаптационными практиками. Социальная адаптация как форма социальной активности направлена на приспособление индивидов к изменяющейся среде. Она тесно связана со способом организации общества, а характер адаптационного процесса во многом определяется динамикой в различных сферах. Адаптация личности или социальной группы в нестабильные периоды развития общества протекает иначе, чем в периоды относительно благополучные. Социальный кризис, сопровождающийся расшатыванием системы ценностей, активизацией состояния аномии, сменой механизмов социального регулирования, отражается на моделях адаптивного поведения. К этому добавляются преобразования цивилизационного характера, связанные с распространением информационных технологий в разных сферах: они стимулируют формирование новых сегментов социальной структуры (информационных работников, фрилансеров), а также новых форм социального неравенства (цифровой бедности, неравного доступа к образовательным ресурсам).

Американский социолог Э. Тоффлер сформулировал проблему социальной адаптации в контексте информационного общества, обратив внимание на необходимость развития способностей *когнитивной адаптации*. В его работах «Шок будущего», «Третья волна» утверждается идея перехода человечества к новой технологической революции. Автор анализирует трудности, социальные конфликты и проблемы, с которыми столкнется человечество, адаптируясь к цифровым технологиям. Социолог обращает внимание на то, что работники старой формации, люди с ограниченными возможностями будут не готовы к быстрым переменам и ощутят на себе фурурошок.

Фурурошок – это «реакция человека или общества на стремительные и радикальные изменения в его окружении, вызванные ускорением темпов технологического и социального прогресса» [2]. В информационном обществе формируются новые виды семьи, стили жизни, формы труда и сознания; социальное пространство наполняется новыми идеалами и практиками, для

восприятия которых необходимо постоянное развитие познавательных способностей. Ведущую роль в процессе социальной адаптации ученый отводит сфере услуг, науке и образованию. По мнению Э. Тоффлера, чтобы пережить футурошок, индивид должен постоянно развивать способности к адаптации. «Нужно найти совершенно новые способы зацепиться за убегающую действительность, поскольку старые устои общества и человека в нем – религия, национальность, семья и профессия – серьезно подорваны пронесшимся вихрем перемен» [3, с. 73].

Адаптационные стратегии в современном обществе во многом зависят от возраста, профессионального образования, информационной грамотности, включенности в требования рынка труда, адресных программ социальной поддержки. Длительное отсутствие последних пагубно отразилось на положении больших групп россиян: значительная их часть не принимает активного участия в инновационных процессах, для многих адаптация носит экстенсивный характер и направлена на достижение более-менее приемлемого уровня жизни. Анализируя процесс адаптации к российским реалиям, Л. А. Беляева отмечает его связь с особенностями стратификации. «...Во-первых, динамичный характер социальной стратификации за последние пятнадцать лет, когда произошел переход от типа социальной структуры, где положение группы определялось местом в системе общественного производства и отношением к собственности, и в этом смысле социальная структура была одномерна, к новому типу, где действует *множество факторов и критериев*, определяющих положение социальной группы и индивида в социальной стратификации. Во-вторых, социальная стратификация современной России – это стратификация еще до конца не сложившаяся, поскольку трансформационные процессы в обществе далеко не закончились, возможны возвратные движения, даже в силу влияния политического фактора на перераспределение собственности, власти, социальных статусов» [4].

Социальная адаптация в России является сложным и двойственным процессом, включающим в себя как развивающую сторону, так и проблему роста социального неравенства. Кроме традиционных видов неравенств, в регионах все острее проявляется информационное. Данное неравенство порождается парадоксальным культурным противоречием: с одной стороны, индивид находится на пересечении множества информационных потоков; с другой стороны, он может не иметь доступа к определенным каналам коммуникации.

Феномен зависимости современной адаптации индивида от его отношения к компьютерной и телекоммуникационной сферам получил название «*цифровой барьер*» или «*цифровой разрыв*» (Digital Divide); такой барьер в адаптации более характерен для старшего поколения, жителей малых городов, поселков и сел. А представители молодого поколения переживают обратный процесс: в настоящее время 44 % россиян в возрасте от 14 до 18 лет находятся онлайн круглые сутки, еще 30 % имеют симптомы компьютерной зависимости. В современном обществе появились безграничные возможности, предоставляемые цифровыми технологиями, но использовать их эффективно может небольшой сегмент населения.

Организация объединенных наций официально ввела новое измерение бедности – «информационное», определяющее возможность доступа к ин-

формационной магистрали широких слоев населения. В контексте этой проблемы в России формируется «двухслойное общество», в котором только часть населения имеет доступ к современным технологиям и умеет их использовать. По мнению М. К. Горшкова, «общественные неравенства, традиционно проявляющиеся в резком контрасте между центром России и периферией, дополняются неравенством между Интернет-активными и Интернет-пассивными». В сочетании с типом населенного пункта данный вид неравенства резко усиливается и очень сложно преодолевается [5, с. 695–696].

Английский социолог П. Таунсенд анализирует цифровое неравенство через призму депривационного подхода. Для измерения депривации используется «метод лишений, основанный на сопоставлении материального положения конкретного индивидуума или семьи с определенными стандартами... исследуется доступность питания, наличие одежды, доступность услуг системы образования и здравоохранения, качество жилищных условий, безопасность жизни и имущества, занятость и условия труда, обеспеченность средствами коммуникации...» [6, с. 135].

Стандарты депривации определяются ситуацией, временем и территориальными особенностями, поэтому они являются относительными. В сфере доступности информационных технологий Таунсенд вывел «относительную бедность». Она заключается в ситуации, когда из-за недостатка ресурсов распространенный способ получения информации становится невозможным. Под «цифровой депривацией» социолог понимает положение, когда обычный для многих интернет-канал получения услуг, информации, связи для определенных групп невозможен из-за нехватки навыков или возможности их приобрести [7].

Анализируя вслед за П. Таунсендом адаптацию россиян к обществу, внедряющему информационные технологии, О. Н. Вершинская отмечает, что снижение адаптивности к новым технологиям наступает постепенно [8]. В какой-то период времени не иметь возможности интернет-коммуникаций не является лишением или отсутствием преимуществ; но как только эта возможность становится социальной нормой, индивид, не использующий ее, превращается в «лишенца». По мере того, как все больше аспектов социальной жизни управляются через Интернет, как все больше людей используют электронную почту для общения, а использование ИКТ становится характеристикой повседневной жизни, у тех, кто не использует Интернет, возникает все больше неудобств и чувство отверженности [8].

Новые условия адаптации в совокупности вызывают развитие «культуры неравенства», которая проявляется в высокой степени социального пессимизма и низкой сплоченности населения. Рост социальной дезадаптации по различным критериям усугубляет биполярность общества, порождая апатию и пассивность определенных слоев населения, а носителей радикальных умонастроений подталкивает к нелегитимным формам протеста и политическому экстремизму.

К ресурсам, необходимым для совершенствования адаптации индивидов и групп в информационном обществе, в первую очередь относятся те, которые в силу своей активности могут превращаться в капиталы. Концепция «активных ресурсов и капиталов» Н. Е. Тихоновой содержит интегральный индекс ресурсной обеспеченности, включающий восемь шкал: экономиче-

скую (деньги, бизнес, недвижимость); квалификационную (образование, навыки); социальную (включенность в сети социальных связей разного качества); властную (административный ресурс); символическую (престижность положения в данном сообществе); физиологическую (здоровье, трудоспособность); культурную (особенности социализации и культурных запросов); личностную (трудовые мотивации, инициативность, исполнительность) [9, с. 292].

Из перечисленных ресурсов четыре вида (квалификационный, социальный, культурный, личностный) напрямую связаны с деятельностью *института публичных библиотек*, что доказывает возможность его участия в когнитивной и культурно-информационной поддержке групп населения разного возраста и социально-экономического статуса. В условиях внедрения информационно-коммуникационных технологий и общества знаний к публичным библиотекам предъявляются новые требования: «социальная ориентация деятельности библиотек, нацеленная не только на пользователей, но и на *общество в целом*; новые виды и формы обслуживания пользователей, требующие выхода за пределы библиотеки и интеграции взаимодействия с действующими телекоммуникационными и другими системами связи...» [10, с. 15–16]. Библиотекам следует определиться, что для них является первостепенным – архивная функция или работа в режиме мобильного центра, чисто информационная услуга или социально-коммуникативная деятельность.

Мы провели собственное социологическое исследование, чтобы выявить *востребованность различных видов деятельности публичных библиотек среди жителей крупного города*. В опросе приняли участие жители Ульяновска в возрасте от 18 до 60 лет, имеющие разный должностной статус и уровень образования. Выборка исследования составила 760 человек (погрешность – не более 2,5 % по возрасту, образованию, должности респондентов).

Стремительное развитие цифровых технологий и глобальной сети Интернет влияет на библиотеки: они не только меняют всю систему комплектования фондов и подготовки библиотечных кадров, но и ставят вопрос о «границах» библиотечного пространства и его функциях. Современная публичная библиотека в идеале обеспечивает свободный доступ к информации и знаниям, достижениям науки и культуры, участвует в развитии национальной информационной и коммуникационной инфраструктуры. Определяя реальное место библиотеки среди информационно-просветительских институтов, респонденты оценили его как важное: в информировании (наряду с телевидением, радио, кино) – 37 %; в распространении знаний (наряду со школой, вузом) – 61 %; в духовном росте людей (в сравнении с театром, кино) – 38 %. Обращает на себя внимание, что часть респондентов (28 %) признала второстепенность библиотек в коммуникации и социализации широких групп населения.

Возможности библиотек снижаются из-за того, что большая часть из них не имеет работников, отвечающих за коммуникационную деятельность. Организация коммуникационного процесса реализуется с помощью устаревших приемов: информация на фасаде здания, вывески, консультации работников и информационные стенды в холле библиотек. Из доступных способов маркетинговых коммуникаций используются лишь рекламные обращения в справочниках, листовки, прайс-листы на дополнительные услуги и буклеты, имеющие невысокую коммуникационную эффективность. Несмотря на это, социальный институт публичных библиотек является достаточно востребо-

ванном в крупном городе: 11 % жителей посещают библиотеки еженедельно и 22 % – два-три раза в месяц. Этот показатель значительно выше, по сравнению с другими культурно-информационными учреждениями (рис. 1).

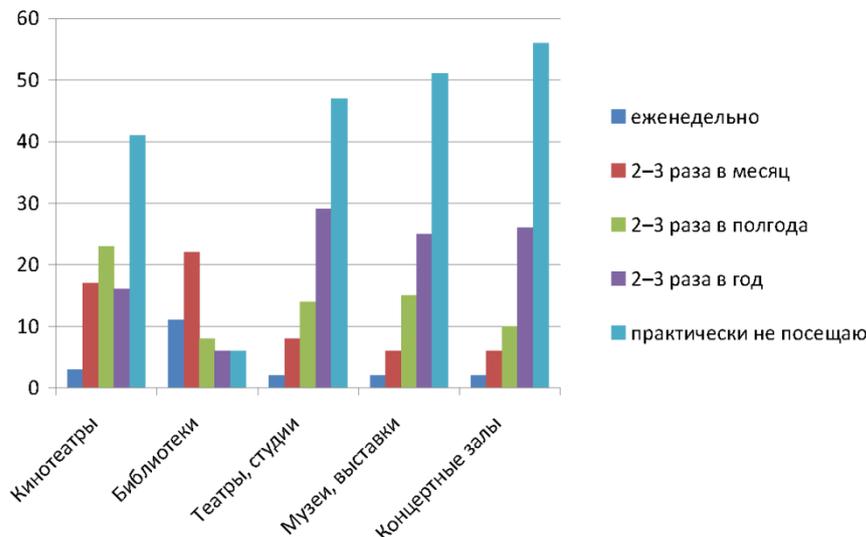

Рис. 1. Частота посещения культурных учреждений жителями крупного города (в процентах от числа опрошенных; $n = 760$)

Сопоставление возрастных характеристик жителей и активности посещения ими учреждений культуры продемонстрировало следующие зависимости: среди жителей 18–30 лет на первом месте по посещению находятся кинотеатры, а библиотеки – на последнем; для жителей в возрасте 41–60 лет библиотеки по предпочтениям и посещению занимают первое место, а последнее – музеи и выставки.

Анализ результатов опроса показал, что значительная часть населения считает библиотеку местом сохранения и передачи культурного наследия. Выявлены респонденты, которые считают, что библиотеки важны только для некоторой части населения; чаще это жители молодого и среднего возраста, а также респонденты, занимающие руководящую должность или являющиеся предпринимателями. Эта избирательность связана с разным восприятием данного института: деловые люди проявляют повышенный интерес к «сконцентрированной информации» и ждут от библиотек подготовки дайджестов, рефератов; молодежь ориентирована на проектирование и реализацию адресных услуг в рамках концепции «Библиотеки 2.0»; жители среднего возраста с детьми нацелены на коммуникации, связанные с обучением культуре чтения и эмоциональным отражением прочитанного.

Для молодежи в возрасте 18–25 лет в библиотеке важно наличие скоростного Интернета, оперативность обслуживания, дополнительные услуги, уровень массовой работы, свободный доступ к информации из любых источников. Для респондентов в возрасте 26–35 лет принципиально наличие сервисных услуг, комфортная обстановка, наличие зон отдыха и общения, а также быстрое предоставление конкретной информации для создания нового интеллектуального продукта. Это можно объяснить тем, что они заняты

семьей, профессиональной деятельностью и ценят свое время; им важно совмещать полезное с приятным. Горожане рассматривают библиотеку как место получения необходимой информации и учреждение, которое позволяет уйти в мир культуры, новых полезных знаний от повседневных проблем. Малообеспеченные городские семьи добавляют к перечисленным свойствам потребность в массовой работе библиотек: праздники, мероприятия, информационные и эмоциональные коммуникации (табл. 1).

Таблица 1
Факторы, влияющие на востребованность функций библиотек
(в процентах от числа опрошенных; $n = 760$)

Рейтинг	В библиотеке для Вас важно...	Всего	Возраст				Уровень жизни				
			18–24 года	25–30 лет	31–40 лет	41–60 лет	Бедные	Малообеспеченные	Средние	Состоятельные	Богатые
I (от 75 % и выше)	Большой фонд, наличие электронных источников	88	86	85	88	90	91	96	91	87	82
	Комфортная обстановка, зоны общения	80	78	88	86	77	78	79	86	81	58
	Оперативность обслуживания	77	71	74	80	80	81	77	80	71	85
II (от 60 до 74 %)	Качественные электронные каталоги	74	65	74	71	77	74	76	74	75	53
	Помощь библиотекарей, реферативные услуги	73	71	73	78	74	77	76	74	71	65
	Наличие индивидуального места для работы	71	66	72	71	73	61	72	74	74	63
	Консультации в сфере информационных технологий	62	60	67	65	60	69	68	63	64	48
	Мероприятия, праздники; коммуникации	61	44	60	71	65	48	76	62	55	63
III (до 60 %)	Доступ к Интернету	59	65	65	65	53	57	56	58	64	75
	Дополнительные сервисные услуги	47	40	57	58	43	45	50	46	43	40

Примечание. Ответы на вопрос предполагали многовариантность, поэтому сумма ответов превышает 100 %.

В сегментах населения с разным экономическим статусом факторы, влияющие на востребованность библиотек, оказались различными. Так, для бедных более важен большой фонд книг, уровень массовой работы и наличие хороших мест для работы. Для малообеспеченных важен уровень массовой работы, а также консультации в сфере информационных технологий. Респондентам со средним доходом важна комфортная обстановка в библиотеке, на-

личие большого фонда электронных источников. Для состоятельных и богатых горожан востребованность библиотек зависит от наличия доступа в Интернет, оперативного и качественного обслуживания.

Достаточно востребованы, с позиций городского населения, творческие мероприятия библиотек – встречи с поэтами и писателями, тематические вечера (43 %). Для студенческой и учащейся молодежи, а также для самозанятых более привлекательными являются мастер-классы. Студенты и учащиеся больше ценят информацию, когда она продемонстрирована конструктивно, с практическим применением.

Кроме того, среди специалистов с высшим образованием, семей с детьми дошкольного и школьного возраста отмечается интерес к клубам читателей, обсуждению прочитанного. Творческие вечера, соединяющие разные виды искусства, привлекают малообеспеченные семьи, пенсионеров и временно не работающих. Наименьшей привлекательностью обладают интеллектуальные ток-шоу; пресыщенность ими скорее всего связана с преобладанием мероприятий данного формата на телевидении.

На вопрос «Как Вы думаете, почему россияне ходят в библиотеки реже, чем 10–12 лет назад?» 50 % респондентов ответили: «Есть компьютер, Интернет». Однако распространенное мнение о том, что Интернет способен заменить многие источники информации, не подтвердилось в ходе исследования. В целом около 60 % взрослого населения крупного города скачивают необходимую информацию при помощи интернет-технологий; чаще в этом сегменте присутствуют молодые люди до 30 лет (рис. 2).

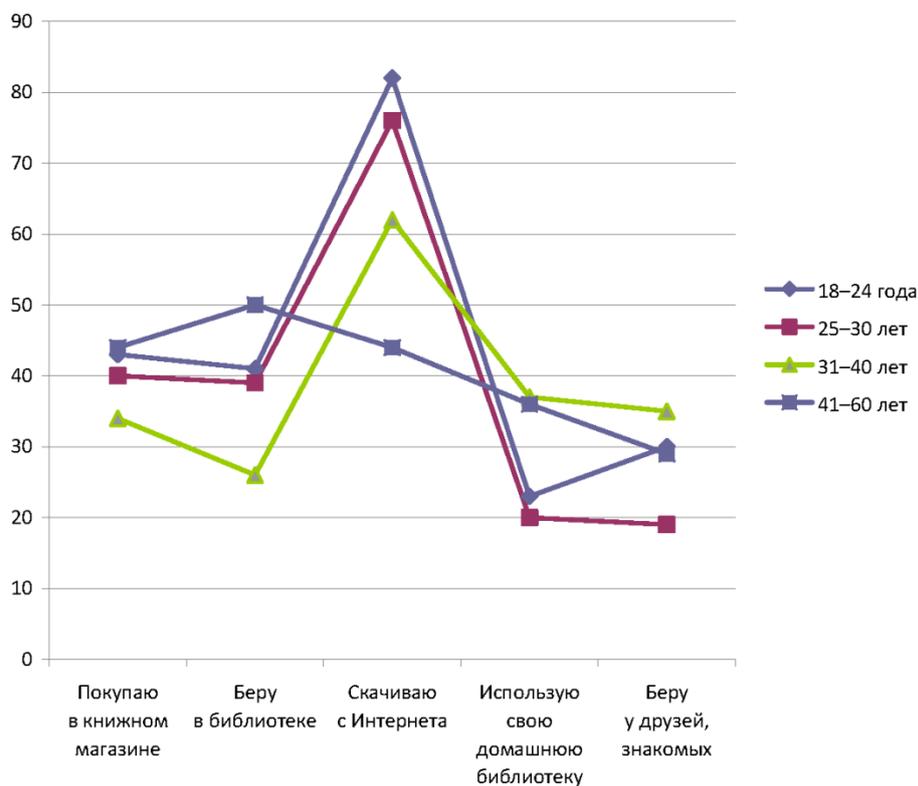

Рис. 2. Источники реализации информационно-образовательных потребностей городского населения (в процентах от числа опрошенных; $n = 760$)

При этом более 40 % горожан покупают необходимую литературу в книжных магазинах (чаще специалисты социально-гуманитарного профиля, руководители среднего и высшего звена, семьи с детьми дошкольного и школьного возраста). Такая же доля горожан (43 %) *систематически пользуется библиотекой*; среди них преобладают жители старшей возрастной группы, женщины-домохозяйки, специалисты-гуманитарии и педагоги, а также работники с начальным профессиональным образованием. Молодежь в удовлетворении своих информационно-культурных потребностей полагается на интернет-технологии, а для библиотек выдвигает на первый план рекреационную и коммуникативные функции.

В целом с различной частотой и по разным причинам городские публичные библиотеки посещают более 40 % жителей крупного города: а) большая часть из них ориентирована на получение *художественной литературы и советы библиотекарей* в сфере общекультурного развития (специалисты с высшим образованием, жители старше 40 лет, учителя и преподаватели; студенческая молодежь не выделяется этими потребностями); б) половина от числа посетителей библиотек испытывает *потребность в профессиональных изданиях и новых идеях решения профессиональных проблем* (этим отличаются специалисты информационного, социально-гуманитарного, педагогического профилей); в) третья часть реальных и потенциальных потребителей библиотечных услуг ориентирована на получение *историко-краеведческой, научно-популярной информации* (специалисты с высшим образованием, семьи с детьми школьного возраста, студенты и учащиеся).

Реализация обозначенных потребностей наталкивается на барьеры субъективного и объективного характера. Комплексный детерминационный анализ результатов опроса показал, что эти группы факторов практически уравновешены (табл. 2). Исключение составляют горожане из бедных и малообеспеченных сегментов, в оценках которых барьеры объективного происхождения более весомы, а именно: отсутствие нужных услуг в публичных библиотеках, недостаток информации об имеющихся услугах и видах деятельности.

Таблица 2

Препятствия в реализации информационно-культурных потребностей населения через библиотеки (в процентах от числа опрошенных; $n = 760$)

Что мешает реализовать Ваши информационно-культурные потребности в библиотеках так, как бы Вы хотели?	Всего	Возраст				Уровень жизни				
		18–24 года	25–30 лет	31–40 лет	41–60 лет	Бедные	Мало-обеспеченные	Средние	Состоятельные	Богатые
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Нехватка личного времени	66	71	71	76	61	60	61	67	78	85
Отсутствие нужных услуг в библиотеках	45	50	37	39	47	70	60	35	13	33
Мало информации о библиотечных услугах	38	36	42	32	38	52	55	43	33	10

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Недостаток собственной информационной подготовки	26	28	20	31	36	35	26	29	20	25
Усталость, недостаток физических ресурсов	25	25	20	31	21	25	26	29	20	21
Отсутствие объективных потребностей в библиотеках	14	14	13	14	14	14	17	11	15	8
Низкий уровень качества обслуживания	12	14	12	13	10	8	10	15	12	13
Субъективные причины	53	51	54	55	53	41	43	54	62	64
Объективные причины	47	49	46	45	47	59	57	46	38	36

Следует подчеркнуть, что не только население России, но и российские публичные библиотеки оказались перед серьезным социальным вызовом: как они, «оставаясь бесплатными и общедоступными, сумеют разрешить противоречие между информационно-технологическими новациями и гуманистическими традициями» [11, с. 25]?

Итак, социальная адаптация в контексте перехода к информационному обществу требует развития когнитивных способностей: социальное пространство наполняется новыми идеалами и видами деятельности, для восприятия которых необходимо постоянное развитие разных знаний и умений. Прежние механизмы социальной адаптации перестали давать ожидаемые результаты, а новые вырабатываются стихийно, не позволяя значительной части населения подняться над обстоятельствами.

В ходе исследования мы выявили, что в конкретных территориальных субъектах публичные библиотеки вносят свой вклад в формирование иных моделей поведения социальных групп, особенно среди специалистов социально-гуманитарного и педагогического профилей, семей с детьми дошкольного и школьного возраста, жителей предпенсионного и пенсионного возраста. В ежедневной жизни населения крупного города востребованы образовательная, кумулятивная (распределительная), развивающая функции библиотек. Однако публичные библиотеки, по мнению пользователей, недостаточно развивают коммуникационное, сервисное, информационно-технологическое направления деятельности; а именно они формируют успешные практики в условиях становления цифрового общества. Причины отставания российских библиотек от социального запроса связаны с проблемами в кадровом, финансовом и материально-техническом обеспечении, которые необходимо решать в ближайшей перспективе.

Библиографический список

1. **Беляева, Л. А.** Стратегии выживания, адаптации, преуспевания / Л. А. Беляева // Социологические исследования. – 2001. – № 6. – С. 44–53.
2. **Гуревич, П. В.** Сущность и содержание социальной адаптации / П. В. Гуревич. – URL: <http://soc-work.ru/article/235> (дата обращения: 25.08.2017).
3. **Тоффлер, Э.** Футурошок / Э. Тоффлер. – СПб. : Лань, 1997. – С. 5–87.
4. **Беляева, Л. А.** Социальные слои в России: опыт кластерного анализа / Л. А. Беляева. – URL: <http://docplayer.ru/38561547-Socialnaya-struktura-2005-g-l-a-belyaeva.html> (дата обращения: 20.03.2017).

5. **Горшков, М. К.** Общественные неравенства в пореформенной России: социологический диагноз / М. К. Горшков // Вестник РУДН. Сер.: Социология. – 2016. – Т. 16, № 4. – С. 693–718.
6. **Кошарная, Г. Б.** Основные подходы к измерению бедности в современных условиях / Г. Б. Кошарная, Л. Ф. Каримова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 4 (28). – С. 132–139.
7. **Townsend, P.** The international analysis of poverty / P. Townsend. – New York : Harvester Wheatsceaf, 1993.
8. **Вершинская, О. Н.** Цифровая депривация / О. Н. Вершинская. – URL: ukros.ru/wpcontent/uploads/2016/07/вершинская.doc (дата обращения: 26.09.2017).
9. **Тихонова, Н. Е.** Социальная структура России: теории и реальность / Н. Е. Тихонова. – М. : Новый хронограф : Ин-т социологии РАН, 2014. – 324 с.
10. **Никонорова, Е. В.** Инновационная среда как предпосылка развития библиотечной науки / Е. В. Никонорова // Библиотековедение. – 2009. – № 5. – С. 15–22.
11. **Далецкая, М. Э.** Этот открытый закрытый мир. Прогулки по социальным сетям / М. Э. Далецкая // Библиотековедение. – 2011. – № 6. – С. 25–30.

References

1. Belyaeva L. A. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2001, no. 6, pp. 44–53.
2. Gurevich P. V. *Sushchnost' i sodержание sotsial'noy adaptatsii* [The essence and content of social adaptation]. Available at: <http://soc-work.ru/article/235> (accessed Aug. 25, 2017).
3. Toffler E. *Futuroshok* [Future shock]. Saint-Petersburg: Lan', 1997, pp. 5–87.
4. Belyaeva L. A. *Sotsial'nye sloi v Rossii: opyt klaster'nogo analiza* [Social layers in Russia: the experience of cluster analysis]. Available at: <http://docplayer.ru/38561547-Socialnaya-struktura-2005-g-l-a-belyaeva.html> (accessed Mar. 20, 2017).
5. Gorshkov M. K. *Vestnik RUDN. Ser.: Sotsiologiya* [Bulletin of RUDN. Series: Sociology]. 2016, vol. 16, no. 4, pp. 693–718.
6. Kosharnaya G. B., Karimova L. F. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2013, no. 4 (28), pp. 132–139.
7. Townsend P. *The international analysis of poverty*. New York: Harvester Wheatsceaf, 1993.
8. Vershinskaya O. N. *Tsifrovaya deprivatsiya* [Digital deprivation]. Available at: ukros.ru/wpcontent/uploads/2016/07/vershinskaya.doc (accessed Sept. 26, 2017).
9. Tikhonova N. E. *Sotsial'naya struktura Rossii: teorii i real'nost'* [Social structure of Russia: the theory and reality]. Moscow: Novyy khronograf: In-t sotsiologii RAN, 2014, 324 p.
10. Nikonorova E. V. *Bibliotekovedenie* [Library science]. 2009, no. 5, pp. 15–22.
11. Daletskaya M. E. *Bibliotekovedenie* [Library science]. 2011, no. 6, pp. 25–30.

Шиняева Ольга Викторовна

доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, социологии и связей с общественностью, Ульяновский государственный технический университет (Россия, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32)

E-mail: olses@rambler.ru

Shinyayeva Ol'ga Viktorovna

Doctor of sociological sciences, professor, head of sub-department of political science, sociology and public relations, Ulyanovsk State Technical University (32 Severniy Venets street, Ulyanovsk, Russia)

Слепова Ольга Михайловна

аспирант, Ульяновский государственный
технический университет (Россия,
г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32)

E-mail: slepova15@yandex.ru

Slepova Ol'ga Mikhailovna

Postgraduate student, Ulyanovsk State
Technical University (32 Severniy Venets
street, Ulyanovsk, Russia)

УДК 316.332

Шиняева, О. В.

Деятельность публичных библиотек в контексте социальной адаптации населения / О. В. Шиняева, О. М. Слепова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2018. – № 4 (48). – С. 108–120. – DOI 10.21685/2072-3016-2018-4-12.

ОЦЕНКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА СТРАНЫ КАК ФАКТОРА ФОРМИРОВАНИЯ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Сегодня усиление позиций страны на международных рынках требует расширения круга конкурентных преимуществ национальной экономики, прежде всего за счет факторов, имеющих определяющее значение для повышения качества ее роста. Главным из них в условиях перехода к постиндустриальной стадии развития выступает накопление человеческого капитала, количественный анализ результатов которого для установления приоритетных направлений в будущем стал целью данного исследования.

Материалы и методы. Эмпирический материал для решения исследовательских задач был взят из последнего доклада неправительственной организации «Всемирный экономический форум», на протяжении многих лет ежегодно проводящей в швейцарском городе Давосе обсуждение состояния и перспектив инвестирования в человеческий капитал. Основу методологии исследования составил индексный метод, дополненный статистико-фактологическим с присущими ему приемами сравнительного анализа и статистических группировок.

Результаты. Доказано существование в мире сильной прямой связи между величинами доходов населения и располагаемого страной человеческого капитала. Вскрыты общие черты и различия между двумя лидерами группы стран «формирующихся рынков» в возникновении у них конкурентных преимуществ на международных рынках. Сравнительный анализ значений Индекса человеческого капитала, его субиндексов и показателей позволил определить сильные и слабые стороны России и Китая в данном отношении, отдельные причины выявленных страновых особенностей.

Выводы. По имеющемуся потенциалу человеческого капитала Россия намного превосходит Китай, вместе с тем уступая ему по степени его использования. Особенно наглядно сравнительно меньшая востребованность и эффективность применения человеческого капитала российской экономикой проявляется при его оценке на уровне высшего образования. Решение данной проблемы позволяет рассчитывать на существенное повышение конкурентоспособности отечественной экономики.

Ключевые слова: Индекс человеческого капитала (Human Capital Index), субиндексы, накопление человеческого капитала, образование, доходы, конкурентные преимущества, качество рабочей силы.

ASSESSMENT OF COUNTRY'S HUMAN CAPITAL AS A FACTOR OF NATIONAL ECONOMY'S COMPETITIVE ADVANTAGES FORMATION

Abstract.

Background. Strengthening of positions on international markets nowadays requires broadening the circle of competitive advantages of a national economy mainly through factors that have a decisive role in improving the quality of its growth. Accumulation of human capital acts as the major factor in conditions of the transition to a postindustrial stage of development. Aim of the current research consists in the quantitative analysis of accumulation results for establishing future priority areas.

Materials and methods. Empirical material for achieving the research objectives has been taken from the last report of a non-governmental organization "World Economic Forum" that is annually holding a discussion on the state and perspectives of investment in human capital in the Swiss town Davos over many years. Basis for research methodology constitutes the index method, which is augmented by the statistic-factological one with comparative analysis and statistical grouping techniques inherent to it.

Results. A pronounced direct relationship between the amounts of population income and country's disposable human capital is proven to exist in the world. Commonalities and differences between the two leaders of the "emerging markets" group of countries in occurrence of their competitive advantages on international markets are revealed. Comparative analysis of the values of Human Capital Index, its subindices and indicators enabled to identify strong and weak sides of Russia and China in this respect as well as determine certain reasons for the detected peculiarities of countries.

Conclusions. Russia by far surpasses China in the available human capital potential, at the same time being inferior in the extent of its exploitation. A relatively lower demand for and effectiveness of human capital use by the Russian economy becomes particularly evident from its evaluation on the higher education level. Resolving this problem would permit to expect a substantial increase in competitiveness of the domestic economy.

Keywords: Human Capital Index, subindices, human capital accumulation, education, income, competitive advantages, workforce quality.

Введение

Характер современного экономического развития подтверждает актуальность представления о том, что конкурентные преимущества страны не наследуются, а создаются ею, выступая результатом долгосрочной целенаправленной деятельности по обновлению национальной экономики [1, 2]. Ключевым фактором успеха в этом является обладание страной значительным человеческим капиталом, создающим новые знания, преобразующим их в передовые технологии и обеспечивающим применение в хозяйственной деятельности [3, 4]. Содержание связи между накоплением человеческого капитала в стране и уровнем конкурентоспособности ее экономики получило отражение в недавних публикациях Т. Белински [5], М. Б. Гадиевой [6], О. М. Ленковец [7], В. В. Перской [8], И. В. Онюшевой [9], К. Охеды [10].

Цель статьи – дать оценку человеческому капиталу России и Китая в контексте формирования конкурентных преимуществ их экономик относительно друг друга. Ее достижение потребовало решения следующих задач:

- изучения методики индексной оценки человеческого капитала в качестве ведущего фактора формирования конкурентных преимуществ национальной экономики в современных условиях;
- осуществления сравнительного анализа результатов накопления человеческого капитала в России и Китае;
- определения взаимных конкурентных преимуществ двух лидеров группы стран с формирующимся рынком (emerging market).

Материалы и методика

Исходные данные для сопоставления результатов процесса накопления капитала по странам мира были взяты из доклада «Глобальный отчет о человеческом капитале – 2017. Подготовка людей к будущей работе» швейцарской неправительственной организации «Всемирный экономический форум» (ВЭФ). Методологической основой исследования стал индексный метод, позволяющий преодолевать вызванные многосторонним содержанием характеристик человеческого капитала проблемы количественной его оценки. Обращение к разработанному экспертами ВЭФ Индексу человеческого капитала (ИЧК) объясняется присущей ему как общему индексу способностью быть относительной величиной сравнения сложной совокупности и ее отдельных элементов, непосредственно не подлежащих суммированию. Основное внимание при осуществлении анализа уделялось не данному общему индексу, а образующим его субиндексам и их показателям, отражающим состояние частных характеристик человеческого капитала. Одновременно с индексным методом применялись такие приемы статистико-фактологического метода, как сравнительный количественный анализ и статистические группировки, послужившие достижению большей глубины анализа и дополнительному обоснованию достоверности полученных результатов.

Результаты

В последние годы усилилось внимание научного и экспертного сообщества к вопросу оценки накопленного страной человеческого капитала для последующего изучения влияния последнего на формирование конкурентных преимуществ национальной экономики. Поскольку напрямую количественному измерению поддаются не все составляющие человеческого капитала, то широкое применение получил метод опосредованной оценки, основанный на расчете разноплановых индикаторов, затем сводимых в один обобщающий. Так создан и используемый при межстрановых сопоставлениях в ежегодных докладах ВЭФ Индекс человеческого капитала, рассчитываемый на основе четырех субиндексов, в свою очередь охватывающих в совокупности 21 показатель [11, р. 6]. Информационными источниками выступают данные Международной организации труда (МОТ), Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), а также результаты проводимых по заказу ВЭФ опросов. Проведенное в 2017 г. по заказу ВЭФ исследование охватило разделенное на пять возрастных групп население

130 стран мира. В них проживает 93 % жителей Земли и создается 95 % мирового валового продукта, что позволило именовать ИЧК в соответствующем докладе ВЭФ глобальным индексом.

Поскольку методика расчета ИЧК слабо отражена в русскоязычных научных публикациях, рассмотрим основное ее содержание. Шкала оценки ИЧК охватывает диапазон от 0 до 100 баллов, а имеющие равные веса (по 25 % в ИЧК) субиндексы измеряют человеческий капитал со стороны:

– потенциала, описываемого через существующий уровень формального образования как результата инвестиций в образование в прошлом. Значение этого субиндекса определяется при помощи следующих показателей: грамотность и умение считать, количественно выражаемые через долю населения, умеющего читать, писать и выполнять простые арифметические вычисления; доли людей среди населения страны с разными уровнями полученного образования, рассчитываемые по начальному, среднему и высшему образованию;

– использования, оцениваемого степенью применения в экономической деятельности располагаемой рабочей силы. Применяются следующие показатели: доля работающего и активно ищущего работу населения в трудоспособном возрасте; гендерный разрыв в занятости, измеряемый соотношением женщин и мужчин среди работающих; уровень безработицы; уровень неполной занятости;

– развития, рассматриваемого в контексте текущих вложений в образование и повышение квалификации детей и молодежи в возрасте до 24 лет. Группа показателей данного субиндекса призвана отразить доступность образования, его качество и соответствие потребностям экономики. В нее входят следующие показатели: доли в рассматриваемых возрастных группах обучаемых в начальном, среднем и высшем образовании; гендерный разрыв в среднем образовании, измеряемый соотношением зачисляемых в среднюю школу девочек и мальчиков; разнообразие умений выпускников; качество начальных школ, определяемое по итогам опроса; качество системы образования, оцениваемое посредством опроса мировых бизнес-лидеров о степени соответствия получаемых учащимися навыков требованиям формирования конкурентоспособной экономики; степень подготовки персонала, согласно мнению мировых бизнес-лидеров об инвестировании компаниями средств в обучение и развитие сотрудников;

– ноу-хау, т.е. степени использования при выполнении работы специальных знаний, навыков и квалификаций. Здесь применяются следующие показатели: доля среди занятых высококвалифицированных работников, рабочие места которых требуют наличия высшего образования; доля среди занятых работников средней квалификации, рабочие места которых требуют наличия среднего или высшего образования; доступность квалифицированных кадров, определяемая на основе опроса мировых бизнес-лидеров относительно сложности нахождения в стране квалифицированных сотрудников для ведения хозяйственной деятельности; сложность осуществляемой экономической деятельности, измеряемая объемом производственных знаний и навыков работников, воплощенных в уровне сложности экспортируемых продуктов.

Из максимально возможных 100 баллов наибольшее значение ИЧК в 2016 г. было достигнуто Норвегией (77,12), Финляндией (77,07), Швейца-

рией (76,48), США (74,84) и Данией (74,4), а минимальное – Йеменом (35,48), Мавританией (41,19), Сенегалом (43,33), Эфиопией (44,44), Мали (46,02) [11, р. 8–9]. Среди превысивших уровень в 70 баллов 25 стран мира только Россия (72,16) и Украина (71,27) не относятся к странам с высокими доходами населения, что показывает сильную прямую связь между благосостоянием и обладанием человеческим капиталом, согласно оценке экспертов Всемирного экономического форума. В частности, у Китая, отстающего от России по величине ВВП в расчете на жителя на почти 10 тыс. долл. США (24 026 против 14 401 долл. США), значение ИЧК составило 67,72 балла (табл. 1).

Таблица 1

Индекс человеческого капитала
и его субиндексы в России и Китае (2016 г.)

Индекс человеческого капитала и его субиндексы	Россия		Китай	
	Значение	Место в мире	Значение	Место в мире
Индекс человеческого капитала	72,16	16	67,72	34
Субиндекс потенциала	83,2	4	70,3	62
Субиндекс использования	74,3	18	74,1	19
Субиндекс развития	73	33	68,5	47
Субиндекс ноу-хау	58,1	42	58	44

Примечание. Составлено авторами по: World Economic Forum, The Global Human Capital Report 2017. – Geneva, 2017. – 193 p. – URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Human_Capital_Report_2017.pdf (дата обращения: 03.03.2018).

Представленные в табл. 1 высокие оценки России по шкале потенциала (83,28 балла; 4-е место в мире) и использования человеческого капитала (74,3 балла; 18-е место) подтверждают факт многолетней приверженности ее жителей обеспечиваемым образованием ценностям. О доступности образования на протяжении всей жизни свидетельствуют следующие значения показателей субиндекса потенциала: уровень грамотности и умения считать от 99,5 % и выше во всех возрастных группах; наличие начального (первичного) образования у всех, а среднего (вторичного) образования у более чем 98 % жителей; обладание высшим (третичным) образованием в возрастных группах от 25 лет в диапазоне от 22,1 до 29,8 %. У России разброс значений показателей субиндекса использования, а вместе с ним и вариативность мест в глобальном рейтинге заметно шире: в данном рейтинге самый низкий уровень отмечается по показателю доли работающего и активно ищущего работу населения в трудоспособном возрасте (от 24-го до 100-го места по разным возрастным категориям) и по показателю уровня безработицы (от 55-го до 89-го места). Самый высокий уровень в этой группе показателей наблюдается по показателю неполной занятости (диапазон от 2-го до 9-го места).

Если сопоставить со значением ИЧК, то Китай занимает сравнительно высокие места в глобальном рейтинге по шкале использования и шкале ноу-хау. Согласно шкале использования, с 74,1 балла Китай стоит сразу после России (19-е место), а с 58 баллами по шкале ноу-хау отстает от нее всего на две позиции (44-е место). В соответствии с оценкой использования челове-

ского капитала посредством показателя доли работающего и активно ищущего работу населения Китай опережает Россию во всех группах населения, кроме охватывающей возраст от 25 до 54 лет. Однако важной причиной, определяющей большую вовлеченность пожилых и молодежи в трудовую деятельность, выступает меньший уровень их социальной защиты в азиатском гиганте: в процентах от ВВП расходы государства на социальную защиту людей пенсионного и трудоспособного возраста составляют в Китае соответственно 2,9 и 1,9 %, тогда как в России – 6,8 и 2,9 %. К тому же среднее количество лет учебы в Китае достигает всего лишь 7,9 года, а в России составляет 12,4 года.

Обращаясь к показателю безработицы, значение которого в Китае равно 3,1 %, в России – 5,5 %, следует учитывать указанные обстоятельства. В отличие от России, значение показателя гендерного разрыва в занятости в Китае максимально в возрастной группе от 15 до 24 лет, а далее оно неуклонно снижается. Как представляется, одной из причин этого является более широкое участие российских девушек в получении высшего образования, позволяющего им впоследствии активнее и дольше вести трудовую деятельность. Значительно ниже российского значение доли высококвалифицированных работников в общей занятости (11,9 против 44,3 балла). Зато по остальным показателям субиндекса ноу-хау Китай имеет очевидное превосходство. Выше значения показателей доли в общей занятости работников средней квалификации (91,8 против 90,4 балла), доступности квалифицированных кадров (60 против 47 баллов) и сложности проводимой экономической деятельности (68,4 против 50,9 балла).

Слабее выглядят позиции России с точки зрения текущего состояния системы образования и обучения персонала, а также применения в работе ноу-хау. Оценка по субиндексу развития составила 73 балла при 33-м месте в глобальном рейтинге. Значения показателей, дающих оценку изучаемому явлению с количественной стороны, здесь лучше предназначенных на раскрытие качественной характеристики. Так, Россия находится в числе лидеров почти по всем показателям охвата образованием, причем по ним места в мировом рейтинге высшего и профессионального образования даже выше, чем у начального образования. Однако если обратиться к показателям оценки качества начальных школ (57,1 балла; 46-е место в мире), качества системы образования (45,3 балла; 64-е место), разнообразия умений выпускников (81,5 балла; 96-е место), степени подготовки персонала (46,7 балла; 76-е место), то здесь страна достигла лишь среднемирового уровня. Значения субиндекса ноу-хау (58,1 балла; 42-е место) и его показателей позволяют утверждать, что в России главные проблемы накопления и использования человеческого капитала находятся в описываемой ими сфере. Согласно показателям, рассчитанным исходя из статистических данных о полученном работниками формальном образовании, страна хорошо обеспечена квалифицированными кадрами, особенно с высшим образованием: доля высококвалифицированных работников приближается к половине от общей занятости (44,3 балла; 16-е место глобального рейтинга), доля среднеквалифицированных стремится к 100 % (90,4 балла; 57-е место). В то же время опросы мировых бизнес-лидеров относительно качества подготовки персонала российских предприятий формируют заметно худшие значения показателей доступности квали-

фицированных кадров (47 баллов; 89-е место) и сложности проводимой экономической деятельности (50,9 балла; 47-е место). При оценке качества российской рабочей силы обнаруживается очевидное несоответствие между статистически фиксируемым, но в значительной мере формальным, отражением существующей ситуации и представлениями об этом членов международной бизнес-элиты.

У Китая есть серьезные проблемы с накоплением человеческого капитала [12, 13], о чем свидетельствуют значения субиндексов потенциала (70,3 балла; 62-е место в мире) и развития (68,5 балла; 47-е место). Главной причиной этого являются пока относительно малые расходы государства на образование, доля которых в ВВП составляет всего 1,9 %, тогда как в России – 3,9 %, а в большинстве развитых стран – не менее 5 % (за исключением Гонконга, Греции, Испании, Италии, Люксембурга, Японии). По мере повышения ступени образования значения показателей субиндекса потенциала сильно уменьшаются, достигая на уровне высшего образования необычных для среднеразвитой страны минимумов. По рассматриваемым здесь возрастным группам (от 25 лет и старше) значения показателя охвата высшим образованием в Китае колеблются от 3,1 балла (97-е место в мире) по самой старшей возрастной группе до 8,4 балла (94 место) – в младшей. В части субиндекса развития у Китая хорошие значения показателей охвата населения начальным и средним образованием, качества начальных школ, однако посредственные – при оценке охвата профессиональным образованием и сравнительно плохие – в отношении охвата высшим образованием (43,4 против 78,7 балла у России). Подобная неравномерность развития китайской системы образования определила средние оценки ее качества в целом (54,4 балла; 40-е место в мире), а также степени подготовки персонала (55,8 балла; 40-е место).

Выводы

Величина располагаемого человеческого капитала у России заметно больше, особенно при оценке через субиндексы потенциала и развития, показатели которых, впрочем, описывают главным образом формальные результаты от инвестиций в образование. Возникающее отсюда конкурентное преимущество перед Китаем находит отражение в уровне создаваемого годового продукта в расчете на одного работника: в России он составляет 45 760 долл. США по паритету покупательной способности, в Китае – 23 845 долл. США. Конкурентное преимущество Китая заключается в более эффективном применении человеческого капитала, о чем свидетельствуют практически равные российским значения субиндексов использования и ноу-хау этой страны при существенно меньших удельных государственных расходах на образование. С точки зрения иностранных инвесторов, Китай выглядит даже предпочтительнее, поскольку рассчитанные на основе их опросов значения показателей доступности квалифицированных кадров и сложности проводимой экономической деятельности превышают российские соответственно более чем на треть и на четверть. Исходя из сравнительной оценки человеческого капитала, превосходство здесь Россия имеет в основном за счет сферы высшего образования. Однако эффективность функционирования накопленного в ней

человеческого капитала невысока, вследствие чего Россия по показателям качества системы образования и степени подготовки персонала отстает от Китая.

Библиографический список

1. **Портер, М.** Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран / М. Портер. – М. : Альпина Паблицер, 2017. – 947 с.
2. **Четыркина, Н. Ю.** Конкурентоспособность страны: природа, источники и факторы / Н. Ю. Четыркина // Теория и практика общественного развития. – 2016. – № 10. – С. 53–55.
3. **Сорокина, Г. П.** Нематериальные составляющие конкурентоспособности / Г. П. Сорокина, А. В. Захаров, Д. А. Баранников. – М. : МГТУ «МАМИ», 2011. – 322 с.
4. **Хараева, М. С.** Человеческий капитал как фактор опережающего экономического развития / М. С. Хараева // Креативная экономика. – 2009. – № 3. – С. 20–27.
5. **Belinski, T.** Innovativeness and human capital as a main source of competitiveness of Chinese economy / T. Belinski // Forum sciential oeconomia. – 2016. – Vol. 4 (1). – P. 21–31.
6. **Гадиева, М. Б.** Человеческий капитал как фактор повышения конкурентоспособности / М. Б. Гадиева // Вестник Чувашского университета. – 2010. – № 2. – С. 33–40.
7. **Ленковец, О. М.** Инвестиции в развитие человеческого капитала как фактор повышения конкурентоспособности России в рамках устойчивого развития / О. М. Ленковец, Л. С. Синьков // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 1 (49). – С. 55–58.
8. **Перская, В. В.** Конкурентоспособность национального хозяйства в условиях многополярности: Россия, Индия, Китай / В. В. Перская, М. А. Эскиндаров. – М. : Экономика, 2015. – 219 с.
9. **Онюшева, И. В.** Влияние человеческого капитала Республики Казахстан на уровень конкурентоспособности национальной экономики / И. В. Онюшева // Вестник КазНУ. Серия экономическая. – 2014. – № 6 (106). – С. 101–107.
10. **Óhegyi, K.** Analyzing the impact of human capital factors on competitiveness / K. Óhegyi // Journal of Engineering Management and competitiveness. – 2014. – Vol. 4 (2). – P. 85–93.
11. World Economic Forum, The Global Human Capital Report 2017. – Geneva, 2017. – 193 p. – URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Human_Capital_Report_2017.pdf (дата обращения: 03.03.2018).
12. **Кондрашова, Л. И.** Китай: к новой модели общественного развития / Л. И. Кондрашова. – М. : Форум, 2017. – 336 с.
13. **Хуан, Я.** Капитализм по-китайски. Государство и бизнес / Я. Хуан. – М. : Альпина паблицер, 2012. – 375 с.

References

1. Porter M. *Mezhdunarodnaya konkurenciya. Konkurentnye preimushchestva stran* [International competition. Competitive advantages of countries]. Moscow: Al'pina Pablicher, 2017, 947 p.
2. Chetyrkina N. Yu. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. 2016, no. 10, pp. 53–55.
3. Sorokina G. P., Zakharov A. V., Barannikov D. A. *Nematerial'nye sostavlyayushchie konkurentosposobnosti* [Intangible components of competitiveness]. Moscow: MGTU «МАМИ», 2011, 322 p.

4. Kharaeva M. S. *Kreativnaya ekonomika* [Creative economy]. 2009, no. 3, pp. 20–27.
5. Belinski T. *Forum sciential oeconomia*. 2016, vol. 4 (1), pp. 21–31.
6. Gadieva M. B. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of Chuvash University]. 2010, no. 2, pp. 33–40.
7. Lenkovets O. M., Sin'kov L. S. *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Problems of modern economy]. 2014, no. 1 (49), pp. 55–58.
8. Perskaya V. V., Eskindarov M. A. *Konkurentosposobnost' natsional'nogo khozyaystva v usloviyakh mnogopolyarnosti: Rossiya, Indiya, Kitay* [National economy competitiveness in the conditions of multipolarity: Russia, India, China]. Moscow: Ekonomika, 2015, 219 p.
9. Onyusheva I. V. *Vestnik KazNU. Seriya ekonomicheskaya* [Bulletin of KazNU. Series: Economics]. 2014, no. 6 (106), pp. 101–107.
10. Óhegyi K. *Journal of Engineering Management and competitiveness*. 2014, vol. 4 (2), pp. 85–93.
11. *World Economic Forum, The Global Human Capital Report 2017*. Geneva, 2017, 193 p. Available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Human_Capital_Report_2017.pdf (accessed Mar. 03, 2018).
12. Kondrashova L. I. *Kitay: k novoy modeli obshchestvennogo razvitiya* [China: towards a new model of social development]. Moscow: Forum, 2017, 336 p.
13. Khuan Ya. *Kapitalizm po-kitayski. Gosudarstvo i biznes* [Capitalism China-style. The state and business]. Moscow: Al'pina publisher, 2012, 375 p.

Перепёлкин Вячеслав Александрович

доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры мировой экономики,
Самарский государственный
экономический университет (Россия,
г. Самара, ул. Советской Армии, 141)

E-mail: slavaap@rambler.ru

Perepelkin Vyacheslav Aleksandrovich

Doctor of economic sciences, associate
professor, professor at sub-department
of world economy, Samara State University
of Economics (141 Sovetskoi Armii street,
Samara, Russia)

Перепёлкина Елена Вячеславовна

аспирант, Самарский государственный
экономический университет (Россия,
г. Самара, ул. Советской Армии, 141)

E-mail: elena.perepelkina21@gmail.com

Perepelkina Elena Vyacheslavovna

Postgraduate student, Samara State
University of Economics (141 Sovetskoi
Armii street, Samara, Russia)

УДК 330.341; 339.137.2

Перепёлкин, В. А.

Оценка человеческого капитала страны как фактора формирования конкурентных преимуществ национальной экономики / В. А. Перепёлкин, Е. В. Перепёлкина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2018. – № 4 (48). – С. 121–129. – DOI 10.21685/2072-3016-2018-4-13.

ФОРМИРОВАНИЕ БЛАГОПРИЯТНОГО ИНВЕСТИЦИОННОГО КЛИМАТА В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация.

Актуальность и цели. Проблема формирования благоприятного инвестиционного климата в российской экономике, получившая особую значимость в современных условиях в связи с президентской программой ускоренного роста уровня жизни населения и санкционной войной, развернувшейся между Россией и США и ЕС в результате событий на Украине, в очередной раз продемонстрировала необходимость инновационного прорыва во всех отраслях и сферах национальной экономики, который невозможен без привлечения как отечественного, так и иностранного капитала. Цель работы – выявление факторов, обеспечивающих приток инвестиций в отечественную экономику.

Материалы и методы. Достижение цели было осуществлено посредством сравнительного анализа динамики инвестиций в российскую экономику, воздействия на этот процесс различных факторов в условиях санкционного противостояния РФ и западных партнеров. Методологический потенциал исследования включает общенаучные методы: диалектический, структурно-функциональный, научной абстракции, сравнительного анализа.

Результаты. На основе анализа динамики инвестиций в российскую экономику исследуются проблемы создания и поддержания инвестиционного климата, привлекательного для инвесторов; проводится анализ динамики инвестиций; выявляются факторы, стимулирующие приток капиталовложений в национальную экономику; дается оценка противодействующим факторам, к которым относятся неустойчивость экономики, зависимость курса рубля от стоимости энергоносителей, санкции и ограничения со стороны западных партнеров, негативный имидж страны, созданный в мировом сообществе; приводятся аргументы противодействия политики ориентации исключительно на внутренние силы; рассматриваются меры, стимулирующие создание привлекательного инвестиционного климата в России.

Выводы. Проведенное исследование дает возможность выделить основные задачи государственной инвестиционной политики, решение которых позволит сделать российскую экономику привлекательной для инвесторов, обеспечит эффективное использование интеллектуального капитала, ускоренное развитие инновационного сектора экономики и повышение на этой основе уровня жизни населения России.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционный климат, интеллектуальный капитал, государственная инвестиционная политика.

CREATING A FAVOURABLE INVESTMENT CLIMATE IN THE RUSSIAN ECONOMY

Abstract.

Background. The problem of formation of a favourable investment climate in the Russian economy, which gained particular importance nowadays in connection with the presidential program of accelerated growth of living standards of the population and a sanction war waged between Russia and the United States and the EU as a result of the events in Ukraine, demonstrated once again the need for breakthrough innovation in all sectors and spheres of the national economy, which is impossible without attracting both domestic and foreign capital. The goal of the work is to identify sources of inflow into the Russian economy.

Materials and methods. Achieving the goal of the work was carried out through comparative analysis of investments in the Russian economy, the impact of the various factors in the context of the sanctions standoff RF and Western partners. Methodological research capacity includes general scientific methods: dialectic, structural-functional, scientific abstractions, comparative analysis.

Results. Based on the analysis of the dynamics of investments in the Russian economy examines the challenges of creating and maintaining an attractive investment climate for investors, investment dynamics analysis, identifies the factors stimulating the inflow of investment in the national economy, the persistence of factors, an assessment which include the fragile economy, the dependence of the ruble from energy costs, sanctions and restrictions by Western partners, negative the image of the country, was created in the world community, argued counter orientation policies solely on internal forces are considered measures to encourage the creation of an attractive investment climate in Russia.

Conclusions. The study allows to allocate the basic tasks of the State investment policies that will make the Russian economy attractive for investors, ensure efficient use of intellectual capital, rapid development of innovative sectors of the economy and improvement of living standards of the population of Russia on this basis.

Keywords: investment, investment climate, intellectual capital, public investment policy.

Стимулирование инвестиционной активности является первостепенной задачей государственной экономической политики, решение которой обеспечивает ускоренное развитие отечественной экономики за счет создания благоприятного инвестиционного климата, эффективной системы страхования и сведения к минимуму инвестиционных рисков. Мотивация капиталовложений опирается на сущность капитала, основной характеристикой которого является интерес в максимизации прибыли за счет механизма перелива средств в отрасли, обеспечивающие его реализацию независимо от сферы и национальной принадлежности.

В условиях глобальной формы развития международного разделения труда инвестиции становятся важнейшим инструментом не только обеспечения устойчивого экономического роста, но и взаимосвязи национальных экономик, преодоления внешнеэкономических преград и расширения национального рынка.

На интенсивность инвестиционного процесса воздействует множество разнонаправленных факторов. Основным ориентиром инвестирования оста-

ется норма прибыли, демонстрирующая степень эффективности вложения капитала (рис. 1).

Рис. 1. Основные факторы инвестиций

Указанные факторы взаимосвязаны и взаимозависимы, причем эта зависимость нередко оказывается обратной. Если рост доходов позитивно сказывается на росте сбережений из-за падения показателя средней склонности к потреблению, то понижение ставки процента в результате увеличения кредитного предложения может стимулировать рост темпа инфляции. Все факторы могут как позитивно, так и негативно воздействовать на динамику инвестиций: обеспечивать либо рост, либо падение инвестиционной активности.

В этой связи необходимо четко просчитывать последствия проводимой государством политики, последовательности мер и адекватности выбранных инструментов.

В сложной геополитической ситуации и в связи с амбициозными задачами значительного повышения уровня жизни населения в кратчайшие сроки необходим ускоренный рост объема внутренних инвестиций в России. Представляется, что основными сдерживающими их факторами являются:

- низкий уровень доходов основной массы населения;
- значительное преобладание потребляемой части дохода над сберегаемой, высокий показатель средней склонности к потреблению;
- высокая степень дифференциации доходов;

– нерациональное распределение индивидуальных доходов лиц, находящихся в верхней децили, сопровождающееся масштабным вывозом капитала и ростом объема престижного потребления;

– значительные масштабы коррупции, препятствующие пополнению государственной казны и создающие эффект недофинансирования технологически значимых отраслей;

– недоверие населения к банковской системе, хранение сбережений вне банковской системы;

– недостаточное развитие банковской системы и неэффективность ее функционирования.

66-е место, которое РФ заняла в 2018 г. в рейтинге Международной организации труда по показателю среднего размера оплаты труда, свидетельствует о недооцененности рабочей силы и недостаточности базы для инвестирования за счет внутренних средств. По этому показателю ее опережают не только ведущие европейские, но и латиноамериканские страны: Чили, Панама, Уругвай, Бразилия, Гватемала, Мексика. Отставание от Швейцарии составляет более чем в 10 раз, от Норвегии – в 6 раз, от США – в 5,4 раза (табл. 1).

Таблица 1

Дифференциация размеров средней заработной платы в странах мира [1]

Страна	Место	Размер средней зарплаты	
		в рублях	в долларах США
Швейцария	1	341 209,54	5426,27
Норвегия	6	199 731,73	3176,34
США	6	178 271,88	2835,07
Чили	45	54 871,39	872,62
Панама	54	42 980,04	683,51
Уругвай	59	38 553,61	613,12
Бразилия	61	36 888,14	586,63
Гватемала	62	36 289,39	577,11
Мексика	64	34 708,79	551,98
Россия	66	33 138,21	527

Доля сбережений в ВВП нашей страны снизилась с 20,7 % в 2010 г. до 15,7 % в 2016 г. [2, с. 157]. Вместе с тем для устойчивого развития этот показатель явно недостаточен: для ускоренного темпа позитивной динамики, курс на который взят в России, он должен быть ориентирован на 25 % [3, с. 121]. Существенный экономический рост не может быть достигнут, если национальные накопления, являющиеся реальным источником инвестиций, не станут настоящей опорой функционирования отечественной финансовой системы.

Негативная динамика дифференциации доходов российского населения отражается в коэффициенте фондов, который увеличился с 13,95 % в 2000 г. до 15,6 % в 2016 г. (пороговый показатель – 10), и коэффициенте Джини, выросшего за данный период с 0,395 до 0,415. Доля 20 %-й части населения

с наивысшими доходами выросла с 46,7 до 47,1 %, а доля лиц с наименьшими доходами упала с 5,9 до 5,3 % [2, с. 153].

По данным Центрального Банка России, в 2016 г. чистый отток капитала приобрел позитивную динамику, сократившись к 2015 г. в три раза. Введенные санкции изменили данную тенденцию, в 2017 г. рассматриваемый показатель вырос в 1,6 раза, достигнув 31,3 млрд долл. при годовом прогнозе в 17 млрд долл., а за первые четыре месяца 2018 г. он составил 21 млрд долл. (табл. 2). Одной из важнейших причин негативной динамики является вынужденный процесс погашения внешней задолженности российских банков и корпораций.

Таблица 2

Чистый отток капитала из России, млрд долл. [4]

	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Январь–апрель 2018 г.
Чистый отток капитала	57,5	19,2	31,3	21

Одной из форм нерационального распределения индивидуальных доходов, препятствующего росту инвестиций, выступает престижное потребление, которое Т. Веблен определил как расточительность, доказательство обладания богатством и важнейшее средство поддержания репутации [5, с. 108]. Приобретая свои состояния полулегальным путем, российские миллиардеры значительную долю доходов, получаемых от бывших государственных предприятий, растрачивают на непроизводственные цели. Так, Р. Абрамович, ставший миллиардером в кратчайший срок за счет передела государственной собственности, вложил средства в 12 земельных участков в Великобритании, США, Франции, Чукотке и Московской области, 10 жилых домов, 7 квартир, 6 из которых в Великобритании (общей стоимостью 17,8 млн фунтов стерлингов), 5 яхт (суммарной стоимостью 32,186 млрд руб.), английский футбольный клуб «Челси» [6]. Безусловно, инвестирование хотя бы части из этих средств в российскую экономику дало бы существенный прирост российского ВВП. А таких состоятельных людей в нашей стране порядка 200, около 90 % национального богатства принадлежит 10 % населения РФ [7].

Неблагоприятным фактором для инвестиционного климата российской экономики остается ее неэффективная структура с преобладанием добывающих отраслей. Национальная экономика несет существенные потери, экспортируя преимущественно сырьевые ресурсы, а не готовую продукцию, лишаясь значительного объема прибыли. Хотя доля минеральных ресурсов в экспорте РФ упала с 70,4 % в 2014 г. до 59,2 % в 2016 г., она остается неоправданно высокой [2, с. 571].

Важнейшим условием привлекательности банковских услуг, обеспечивающих прилив денежных средств в финансовую сферу, является доверие населения к банковскому бизнесу. К сожалению, в 1990-е гг. доверие было подорвано значительно: фактически были утрачены сбережения советского периода в связи с либерализацией цен, вызвавшей инфляцию; в 1992 г. темп инфляции составил 2600 %, в 1993 г. – 1000 %. Вопрос о возмещении утраченных сбережений до сих пор не решен, что подтверждает тезис о недостаточной зрелости системы финансовых учреждений, не способной отвечать по своим обязательствам перед населением.

Ограниченность внутренних средств делает актуальной проблему привлечения иностранного капитала за счет создания условий, благоприятных для инвесторов-нерезидентов. Особый упор в государственной инвестиционной политике делается на прямые иностранные инвестиции, предполагающие наличие контролирующих функций над иностранными предприятиями за счет приобретения их активов, с долей в уставном капитале не менее 10 %.

Возможность привлечения достаточного объема иностранных инвестиций в наиболее выигрышные для национальной экономики сферы определяется условиями, благоприятными для ведения бизнеса и снижающими риски для нерезидентов. Эти условия зависят от направленности факторов и степени их готовности позитивно влиять на инвесторов.

Безусловно, такие факторы характерны для России. В первую очередь следует отметить природные богатства и квалифицированную рабочую силу, которая остается недооцененной на внутреннем рынке (см. табл. 1). Согласно оценке ряда экспертов, объем природных богатств России в 3,8 раза превосходит США и в 4,5 раза – Китай [8].

Важным шагом в привлечении капиталовложений нерезидентов стало приведение законодательной базы в соответствие с европейской практикой, формирование научно-исследовательских центров, особых экономических зон, территорий опережающего развития.

Длительное время серьезные претензии как со стороны внутренних, так и внешних инвесторов предъявлялись к состоянию инфраструктуры в РФ. Однако проведение в последние годы международных мероприятий внесло существенные коррективы в инфраструктурные объекты. В связи с подготовкой к зимним Олимпийским играм 2014 г. значительные изменения произошли в дорожном, транспортном, гостиничном комплексах г. Сочи. Чемпионат мира по футболу поставил более масштабные задачи: были реконструированы действующие и построены новые спортивные объекты, дороги, терминалы в аэропортах, введены новые энергетические и медицинские объекты в 11 российских городах: Москве, Санкт-Петербурге, Волгограде, Екатеринбурге, Казани, Калининграде, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, Самаре, Саранске и Сочи. Особое значение имеют строительство и ввод в эксплуатацию Крымского моста, наладившие бесперебойное сообщение между регионами России.

Вместе с тем полностью обеспечить привлекательность России для иностранных инвесторов не удалось. Серьезным негативным фактором, препятствующим притоку инвестиций, являются целевые установки российского бизнеса по направлению привлеченных средств, в первую очередь отражающие изношенность оборудования.

Результаты выборочного обследования свидетельствуют, что приоритетным направлением вложения средств для предприятий остается процесс амортизации – его показатель вырос с 56 % в 2000 г. до 72 % в 2015 г. (табл. 3).

На втором месте зафиксированы автоматизация и механизация существующего производственного процесса, однако отмечается снижение указанного показателя с 51 % в 2000 г. до 45 % в 2016 г. В то же время цели внедрения новых производственных мощностей и создания новых рабочих мест, отражающих развитие предприятий, фактически находятся на замыкающих позициях.

Цели инвестирования в основной капитал
(в процентах от общего числа организаций) [2, с. 305]

Цели инвестирования в основной капитал	2000 г.		2010 г.	2014 г.	2015 г.		2016 г.	
		место				место		место
Увеличение производственных мощностей с неизменной номенклатурой продукции	42	4–5	32	27	28	8	29	6–9
Увеличение производственных мощностей с расширенной номенклатурой продукции	34	8	29	33	36	7	29	6–9
Автоматизация и механизация существующего производственного процесса	51	2	46	50	55	2	45	2
Внедрение новых производственных технологий	41	6	32	38	43	6	32	5
Снижение себестоимости продукции	42	4–5	38	37	48	4	37	3
Экономия энергоресурсов	39	7	38	41	49	3	36	4
Замена изношенной техники и оборудования	56	1	67	69	72	1	64	1
Создание новых рабочих мест	30	9	18	23	25	9	19	10
Охрана окружающей среды	48	3	37	38	45	5	29	6–9

Препятствием в создании благоприятного инвестиционного климата в России является стереотипное представление о полной коррумпированности, бюрократизации и авторитаризме правительства, создающее в мировом сообществе впечатление о России как о «стране-изгое». Действительно, в рейтинге восприятия коррупции в 2017 г. страна занимала 135-е место из 180 стран с индексом, равным 29. Лучший показатель – у Новой Зеландии (89) [9].

Серьезные испытания для инвестиционного климата в отечественной экономике связаны с санкционной войной, стартовавшей в 2014 г. Санкции распространяются не только на отечественных, но и на иностранных инвесторов, вкладывающих деньги в развитие предприятий, являющихся ядром экспортно-импортных отношений. Самые значимые их последствия – затруднение получения кредитов российскими банками и предприятиями различных отраслей промышленности, в первую очередь нефтегазовой, обеспечивающей значительную долю бюджетных поступлений, и инновационных сфер, и ограничения в привлечении новейших технологий.

Эти меры существенным образом влияют на сокращение масштабов инвестиций, при этом ущерб может возрасти, если произойдет заморозка сче-

тов российских компаний в иностранных банках. Все это отпугивает инвесторов, готовых вкладываться в высокотехнологические проекты, интенсивное развитие. Они и так несут большие риски, связанные с инновационными проектами, и не готовы брать на себя дополнительные риски, от них не зависящие.

Вместе с тем данные табл. 4 показывают, что введенные в отношении России санкции не столь эффективны, как предполагали их инициаторы. В 2013 г. приток прямых иностранных инвестиций по сравнению с 2011 г. вырос в 1,3 раза. В 2014 г. проявилась тенденция к сокращению их объема, а в 2015 г. произошло восьмикратное их падение по отношению к 2011 г. Однако уже в 2016 г. ситуация начала выравниваться, приток инвестиций к предыдущему году вырос в 4,7 раза, но не достиг уровня 2011 г.

Таблица 4

Прямые иностранные инвестиции в экономику России
(млн долл. США) [2, с. 307; 10, с. 595]

	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Прямые иностранные инвестиции	55 084	50 588	69 219	22 857	6853	32 539

Однако преобладание в структуре прямых иностранных инвестиций вложений в уже функционирующие проекты свидетельствует о неготовности иностранных предпринимателей принимать риски, связанные с ведением самостоятельного бизнеса в России.

На основе проведенного исследования можно утверждать, что противостояние России и западных партнеров, методы и инструменты государственного регулирования внешнеэкономической деятельности не обеспечивают нивелировку негативных факторов, препятствующих инвестиционной привлекательности РФ и, следовательно, должным образом не содействуют притоку иностранного капитала.

На федеральном уровне требуется активизировать решение проблемы создания привлекательного инвестиционного климата для нерезидентов. На наш взгляд, не следует поддерживать курс на изоляцию, отгораживаться от внешнего мира. Так, например, идея об импортозамещении превращается некоторыми экономистами в оправдательный аргумент для обоснования политики ориентации исключительно на внутренние силы.

Безусловно, уход инвесторов из экономики Российской Федерации имеет неоднозначное значение: положительным фактором является возможность для отечественных компаний занять освободившиеся сегменты внутреннего рынка, однако отсутствие конкуренции со стороны иностранных компаний ставит под угрозу сохранение должного уровня качества производимой продукции. Для предотвращения падения качества производства государственные органы должны в первую очередь контролировать качественные параметры производственной деятельности, особенно в сфере производства продовольствия.

Кроме того, необходимо дифференцированно подходить к инвестиционным проектам: содействовать капитальным вливаниям в малый и средний бизнес и учитывать, что крупные проекты, в основном связанные с добычей

ресурсов, привлекают специфических инвесторов, которые не имеют желания или возможности развиваться в России, поэтому доход, получаемый в нашей стране, вывозят за рубеж.

Следует внимательно анализировать условия, предлагаемые иностранными инвесторами при заключении договоров, не допуская массовой распродажи долей при разработке природных ресурсов. В первую очередь это касается проектов «Северный поток – 2», «Ямал СПГ», совместных проектов с Exxon на территории США в Западном Техасе и Мексиканском заливе, на арктическом шельфе и других нефтегазовых объектах, требующих масштабных вложений.

Таким образом, одним из основных направлений увеличения объема инвестиций является поддержание привлекательного инвестиционного климата посредством:

- структурной перестройки национальной экономики, преодоления зависимости от экспорта природных ресурсов;
- повышения уровня доходов основной массы населения за счет снижения дифференциации доходов до оптимальной степени;
- сокращения оттока капитала из страны, преодоления феномена чрезмерного престижного потребления;
- оптимизации отечественной банковской системы и повышения доверия к ней со стороны населения;
- эффективной борьбы с коррупцией и бюрократизацией;
- подбора оптимальных методов и инструментов государственной инвестиционной политики, позволяющих противодействовать санкционному давлению со стороны США и ЕС;
- развенчания негативного имиджа страны через эффективную дипломатическую, политическую, культурную, спортивную деятельность.

Главная задача – сделать Россию привлекательной на основе развития интеллектуального капитала, развития инновационного сектора экономики, а не за счет огромного объема природных ресурсов и значительного отставания в оплате высококвалифицированного труда. Решение этой задачи упирается в продвижение и поддержание инновационных, технологически прогрессивных проектов.

Библиографический список

1. Таблица с данными о размере средней заработной платы в мире на июль 2018 года. – URL: <https://bcb.su/srednyaya-zarplaty-v-mire.htm> (дата обращения: 15.07.2018).
2. Российский статистический ежегодник. 2017 : стат. сб. – М. : Росстат, 2017. – 686 с.
3. **Белехова, Г. В.** Индикаторы сберегательной активности населения (на примере Вологодской области) / Г. В. Белехова // Проблемы и перспективы экономики и управления : материалы II Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июнь 2013 г.). – СПб. : Реноме, 2013. – С. 119–122. – URL: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/77/3995/> (дата обращения: 15.07.2018).
4. Чистый отток капитала из РФ достиг 21 млрд долларов за четыре месяца. – URL: <https://www.dw.com/ru/чистый-отток-капитала-из-рф-достиг-21-млрд-долларов-за-четыре-месяца/a-4378425243784252> (дата обращения: 07.08.2018).
5. **Веблен, Т.** Теория праздного класса / Т. Веблен. – М. : Прогресс, 1984.
6. Состояние Романа Абрамовича. – URL: http://www.peoples.ru/friday/roman_abramovichs_condition_in_photos.html (дата обращения: 15.08.2018).

7. На долю 10 % россиян приходится 90 % национального богатства. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/11/23/666552-10-rossiyan-natsionalnogo-bogatstva> (дата обращения: 15.08.2018).
8. Природно-ресурсный потенциал России. – URL: <http://www.grandars.ru/shkola/geografiya/prirodno-resursnyy-potencial-rossii.html> (дата обращения: 15.07.2018).
9. Рейтинг стран мира по уровню восприятия коррупции: информация об исследовании и его результаты. – URL: <https://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index/info> (дата обращения: 07.08.2018).
10. Российский статистический ежегодник. 2015 : стат. сб. – М. : Росстат, 2015. – 686 с.

References

1. *Tablitsa s dannymi o razmere sredney zarabotnoy platy v mire na iyul' 2018 goda* [A table of average wages in the world in July 2018]. Available at: <https://bcb.su/srednyaya-zarplaty-v-mire.htm> (accessed Jul. 15, 2018).
2. *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2017: stat. sb.* [Russian statistical yearbook. 2017: statistical collection]. Moscow: Rosstat, 2017, 686 p.
3. Belekhova G. V. *Problemy i perspektivy ekonomiki i upravleniya: materialy II Mezhdunar. nauch. konf. (g. Sankt-Peterburg, iyun' 2013 g.)* [Economy and management problems and prospects: proceedings of II International scientific conference (Saint-Petersburg, June 2013)]. Saint-Petersburg: Renome, 2013, pp. 119–122. Available at: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/77/3995/> (accessed Jul. 15, 2018).
4. *Chisty ottok kapitala iz RF dostig 21 mlrd dollarov za chetyre mesyatsa* [Net outflow from Russia reached 21 billion USD in 4 months]. Available at: <https://www.dw.com/ru/chisty-ottok-kapitala-iz-rf-dostig-21-mlrd-dollarov-za-chetyre-mesyatsa/a-4378425243784252> (accessed Aug. 07, 2018).
5. Veblen T. *Teoriya prazdnogo klassa* [The theory of leisure class]. Moscow: Progress, 1984.
6. *Sostoyanie Romana Abramovicha* [Roman Abramovich's fortune]. Available at: http://www.peoples.ru/friday/roman_abramovichs_condition_in_photos.html (accessed Aug. 15, 2018).
7. *Na dolyu 10 % rossiyan prikhoditsya 90 % natsional'nogo bogatstva* [90 % of national wealth fall to the share of 10 % of Russians]. Available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/11/23/666552-10-rossiyan-natsionalnogo-bogatstva> (accessed Aug. 15, 2018).
8. *Prirodno-resursnyy potentsial Rossii* [Natural resource potential of Russia]. Available at: <http://www.grandars.ru/shkola/geografiya/prirodno-resursnyy-potencial-rossii.html> (accessed Jul. 15, 2018).
9. *Reyting stran mira po urovnyu vospriyatiya korrupsii: informatsiya ob issledovanii i ego rezul'taty* [World rating of countries by perception of corruption]. Available at: <https://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index/info> (accessed Aug. 07, 2018).
10. *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2015: stat. sb.* [Russian statistical yearbook. 2015: statistical collection]. Moscow: Rosstat, 2015, 686 p.

Чернецова Надежда Сергеевна

доктор экономических наук, профессор,
кафедра экономической теории
и международных отношений,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

Chernetsova Nadezhda Sergeevna

Doctor of economic sciences, professor,
sub-department of economics and
international relations, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

E-mail: chernetsovaNS@mail.ru, pgpuket@mail.ru

Абдуллаев Гамид Сабирович
магистрант, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

Abdullaev Gamid Sabirovich
Master's degree student, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

E-mail: chernetsovaNS@mail.ru, pgpuket@mail.ru

УДК 338

Чернецова, Н. С.

Формирование благоприятного инвестиционного климата в российской экономике / Н. С. Чернецова, Г. С. Абдуллаев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2018. – № 4 (48). – С. 130–140. – DOI 10.21685/2072-3016-2018-4-14.

*Е. А. Чистякова, О. Ю. Соколова,
С. В. Захарова, В. А. Скворцова, А. О. Скворцов*

ЕАЭС – КИТАЙ: НОВЫЙ ЭТАП СОТРУДНИЧЕСТВА

Аннотация.

Актуальность и цели. Тема сопряжения Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) входит в круг широко обсуждаемых проблем. Приоритетами любой страны являются защита суверенитета, обеспечение безопасности, повышение международного авторитета, обеспечение взаимовыгодного сотрудничества, повышение вовлеченности в международные и региональные процессы, активная деятельность, направленная на стабильное развитие страны и модернизацию экономики в двусторонних и многосторонних форматах, освоение новых рынков и привлечение инвестиций. Решение столь масштабных задач невозможно в отрыве от стран-партнеров.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа направлений сотрудничества между странами ЕАЭС и Китаем. Особое внимание уделено преодолению дисбаланса в развитии политического и экономического компонентов всеобъемлющего партнерства.

Результаты. Рассмотрены значение и перспективы реализации соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР. Равноправное и открытое сотрудничество между ними с учетом интересов всех участников имеет потенциал для качественного роста взаимных инвестиций, доступа на общие рынки товаров и услуг.

Выводы. Исследование проблем и перспектив сотрудничества стран позволяет заключить, что успешная реализация мегапроекта ЕАЭС – Китай, на территории которого сосредоточены богатые запасы ресурсов, проживает 63 % населения планеты, обеспечит стабильную и безопасную среду для развития евразийского континента и позволит в полной мере раскрыть экономический потенциал региона.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, Китай, Экономический пояс Шелкового пути, «Один пояс – один путь», интеграция, торгово-экономическое сотрудничество.

*Е. А. Chistyakova, O. Yu. Sokolova,
S. V. Zakharova, V. A. Skvortsova, A. O. Skvortsov*

EEU – CHINA: A NEW STAGE OF COOPERATION

Abstract.

Background. The topic of conjugation of the Eurasian Economic Union (EAEU) and the Silk Road Economic Belt (SREB) is among the issues widely discussed. The priorities of any country are the protection of sovereignty, ensuring security, in-

creasing international prestige, ensuring mutually beneficial cooperation, increasing involvement in international and regional processes, vigorous activity aimed at the stable development of the country and modernization of the economy in bilateral and multilateral formats, developing new markets and attracting investment. Solving such large-scale tasks is impossible apart from the partner countries.

Materials and methods. The implementation of research tasks was achieved on the basis of an analysis of the areas of cooperation between the Eurasian Economic Union and China. Particular attention is paid to overcoming the imbalance in the development of the political and economic components of a comprehensive partnership.

Results. The article considers the significance and prospects for the implementation of the agreement on trade and economic cooperation between the Eurasian Economic Union and China. Equal and open cooperation between them, taking into account the interests of all participants, has the potential for qualitative growth of mutual investments, access to common markets for goods and services.

Conclusions. The study of the problems and prospects of cooperation between the countries allows us to conclude that successful implementation of the mega-project of the Eurasian Economic Union – China, possessing rich resources and hosting 63 percent of the world's population, will provide a stable and safe environment for the development of the Eurasian continent and will fully reveal the economic potential of the region.

Keywords: Eurasian Economic Union, China, silk road economic belt, integration, trade and economic cooperation.

Страны ЕАЭС поддерживают традиционно крепкие политические, экономические и культурные связи с Пекином. При этом три из них – Казахстан, Кыргызстан и Россия – имеют общую границу с Китаем. Китай – второй по важности внешнеэкономический партнер ЕАЭС. Партнерство с ним носит стратегический долгосрочный характер.

Товарооборот между странами ЕАЭС и Китаем показывал постоянный рост до 2014 г. включительно. Однако в 2015 г. в результате замедления роста глобальной экономики, сжатия внутреннего спроса, слабой внешней конъюнктуры и волатильности на финансовых рынках он снизился на 27,6 % по сравнению с 2014 г. и составил 78,7 млрд долл. Наибольший спад экспорта (в стоимостном выражении) был характерен для стран, чьим основным товаром являются энергоносители или другие ресурсы, т.е. для России и Казахстана. В 2016 г. частичное восстановление цен на сырьевой экспорт и восстановительная динамика национальных валют привели к замедлению падения товарооборота стран – членов Союза с Китаем. По итогам 2016 г. стоимостные объемы торговли ЕАЭС и Китая практически не изменились (сокращение на 0,3 %).

Объем торгово-экономического сотрудничества в формате ЕАЭС – Китай по итогам 2017 г. достиг 102,7 млрд долл., увеличившись по сравнению с предыдущим периодом на 30,7 %. Удельный вес Китая во внешней торговле Союза составляет 16,2 %, а суммарный объем прямых инвестиций китайских компаний в ЕАЭС с 2008 по 2016 г. возрос более чем вдвое – до 25,7 млрд долл. [1].

Китай продолжает наращивать экономическое присутствие в странах ЕАЭС не только за счет развития торговых отношений, но и за счет постоянного роста прямых капиталовложений. КНР является лидером среди азиат-

ских стран по накопленным прямым иностранным инвестициям (ПИИ) в регионе. Согласно данным Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития, начиная с 2008 г. суммарный объем накопленных ПИИ китайских компаний в пяти странах ЕАЭС увеличился на 138 % и достиг 25,7 млрд долл. (в 2008 г. он составлял порядка 11 млрд долл.). Даже на фоне кризиса 2015 г. спад накопленных китайских ПИИ в ЕАЭС был незначительным, на 0,6 млрд долл., и в основном по причине финансовой переоценки активов. Основными получателями прямых капиталовложений китайских транснациональных компаний являются Казахстан и Россия [2].

Простимулировать взаимные торговые и инвестиционные потоки призвано новое соглашение об экономическом сотрудничестве, переговоры по которому начались между ЕАЭС и Китаем в 2016 г. Тема эта исключительно сложна в первую очередь для стран ЕАЭС [3]. Принципиальных сложностей две. Во-первых, страны ЕАЭС должны быть готовы к полномасштабному открытию своих рынков для китайского импорта. Во-вторых, интересы стран ЕАЭС в отношении сотрудничества с КНР довольно сильно различаются. Тем не менее в июне 2018 г. на полях XI Астанинского экономического форума Китай и Евразийский экономический союз заключили соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве, которое должно стать важной вехой в развитии кооперации на евразийском пространстве. В документе отражены вопросы международной торговли, соблюдения авторских прав, а также структуры таможенных пошлин. Кроме того, в общий пакет договоренностей вошли такие важные вопросы, как развитие отраслевого сотрудничества в рамках национальных экономик. Это свидетельствует о том, что интеграционные процессы в Евразии, которые сегодня идут под эгидой экономической экспансии Китая, на пространстве бывшего СССР будут регулироваться в рамках единой структуры Евразийского союза.

Армения на протяжении многих веков являлась звеном Шелкового пути. На данный момент это государство участвует в проекте Экономического пояса Шелкового пути, в том числе строятся дороги в рамках проекта Север – Юг, реализуется политика открытого неба и др.

Беларусь традиционно является сторонником равноуровневой и разноскоростной интеграции, экономического взаимодействия, а также интеграции между ЕС, ЕАЭС и КНР, что может стать ответом на глобальные вызовы. Основу для такой интеграции составляет глобальный инфраструктурный проект – «транспортно-логистический коридор». Максимальный эффект возможен, если говорить о создании цифровых транспортно-логистических коридоров, и в первую очередь коридора Запад – Восток.

Беларусь в рамках инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП) совместно с КНР уже реализовала проект по созданию белорусско-китайского промышленного парка, который будет глобальным хабом с элементами цифровизации [4]. В состав участников этого парка также вошел европейский хаб.

В Кыргызстане в течение последних лет Китай стал одним из основных кредиторов и выдвинулся в лидеры по объему товарооборота. КНР является значительным инвестиционным партнером этого государства, успешно реализующим проекты в стране в течение многих лет. В республике уже действует более 400 предприятий с участием Китая, активно осуществляется со-

трудничество в различных отраслях промышленности, включая сферу обслуживания, перерабатывающую, горнодобывающую промышленность, сельское хозяйство.

Россия и Китай выступают союзниками в интеграционных, инфраструктурных и торговых процессах в Евразии. Обе страны при этом реально заинтересованы в региональной безопасности и стабильности стран континента. Развитие российско-китайских отношений уже на протяжении нескольких лет развивается достаточно планомерно и поступательно, однако в 2018 г. сотрудничество Москвы и Пекина осуществляется в новом контексте – в обеих странах произошло обновление внутривнутриполитических приоритетов. Неизменным осталась лишь внешнеполитическая приверженность на укрепление сотрудничества двух государств.

В начале 2018 г. глубокий кризис в российско-американских и российско-европейских отношениях вылился в новый виток взаимных обвинений, санкции, взаимную высылку дипломатов и растущее расхождение позиций относительно ряда вопросов глобальной и региональной повестки [5]. Напряженность во взаимодействии Пекина и Вашингтона связывается с перспективами развязывания полноценной торговой войны. При этом сотрудничество России и Китая не является своего рода ответом на проблемы в отношениях с иными партнерами, это долгосрочный стратегический курс обеих стран, основанный на общих политических и экономических интересах. Одним из главных проектов при таком сотрудничестве выступает развитие широкого и равноправного взаимодействия с участием всех заинтересованных игроков в Евразийском регионе в рамках инициатив ОПОП и «Большого евразийского партнерства».

Несмотря на высокий уровень взаимного политического доверия и стратегической координации позиций на международной арене, уровень практического взаимодействия России и Китая в экономической области остается недостаточным. Учитывая характер и направления развития связей, приоритетными сферами в ближайшее время по-прежнему будут выступать энергетика и добывающая промышленность, транспорт и логистика.

В среднесрочной перспективе на передний план также может выйти сотрудничество в области авиастроения и высоких технологий. При таком подходе очевидно, что России и Китаю требуются новые подходы к взаимодействию. В настоящий момент сближение позиций во многом является своеобразной реакцией на внешние и внутренние вызовы для защиты национальных интересов.

Но многие программы сотрудничества между двумя государствами, обнародованные в последние годы, не оправдали ожиданий России и Китая и не отвечали скорости внутри- и внешнеполитических изменений, а заявленные цели оказались труднодостижимыми. Кроме того, на российско-китайском сотрудничестве неблагоприятно сказываются такие факторы, как недостаток взаимного доверия, определенная асимметрия в развитии и несоответствие уровня политических и экономических отношений двух стран, которые создают ограничения и риски для масштабных и долгосрочных проектов.

Особое внимание следует также уделить преодолению дисбаланса в развитии политического и экономического компонентов всеобъемлющего партнерства. Взаимодействие в области экономики долгое время выступало

слабым звеном отношений России и Китая, хотя и на этом поприще определенные успехи в коммуникации двух стран есть.

Например, Китай и Евразийский экономический союз договорились о параметрах соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве, что должно способствовать не только сокращению нетарифных барьеров между двумя сторонами на евразийском пространстве, но и увеличению объемов торговли, а также заложить прочный фундамент для сопряжения инициативы ОПОП и ЕАЭС.

Несмотря на то, что коренных изменений в сложившейся мировой системе пока не произошло, Китай получил возможность играть в ней более заметную роль и выступать за расширение прав других стран, не представленных в этой системе. Новый подход Пекина к глобальному управлению основан на принципах совместного обсуждения, созидания и использования. Китай примерил на себя роль «большого ответственного государства», которое намерено активно участвовать в реформировании и строительстве системы глобального управления.

Москва совместно с Пекином участвует в обновлении и развитии отдельных институтов. В частности, две страны выступают за сохранение права вето за пятью постоянными членами Совета Безопасности ООН, развитие и расширение состава Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), углубление повестки БРИКС [6]. Россия также поддерживает предложения Китая по расширению квот отдельных государств в МВФ.

Россия также заинтересована во взаимодействии с Китаем в целях развития проекта – так называемого «Большого евразийского партнерства», которое, по мнению экспертов, должно позволить Москве перейти к стратегии опережающего развития и принимать полноценное участие в новом центре мировой экономической системы. Важно, что этот проект получил поддержку как политического, так и экспертного сообщества Китая.

Также сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути как элемента инициативы ОПОП соответствует интересам России и Китая, позволяя превратить Россию в один из мировых лидеров транзита на пути между Европой и Азией.

Москва и Пекин также обсуждают возможности для сотрудничества в сфере строительства морской транспортной инфраструктуры в Арктике и реализуют совместные проекты в сфере добычи углеводородов (проект «Ямал СПГ»). Одновременно активизируется научное сотрудничество по арктическим вопросам в рамках совместных экспедиций и дискусионных мероприятий. Однако дальнейшее расширение взаимодействия во многом осложняется недостатком взаимного доверия на всех уровнях, длительными и сложными процессами согласования проектов.

В 2017 г. наблюдалась и другая тенденция в отношениях России и Китая. В частности, значительно выросла взаимная торговля, правда, данные тут несколько расходятся: по российским оценкам – на 31,5 % (до 87 млрд долл.), по китайским – на 20,8 % (84,1 млрд долл.). При этом Китай выступает основным торговым партнером России, занимая первое место, а Россия заняла 10-е место в рейтинге торговых партнеров КНР, поднявшись с 12-го.

В основном Россия экспортирует в Китай топливо, нефть и нефтепродукты, древесину и изделия из нее [7], а также продукты сельского хозяйства

и агропромышленного комплекса. Лидерами китайского экспорта на российский рынок стали машины, оборудование и транспортные средства. Кроме того, увеличилась роль электронной коммерции: только за первые девять месяцев 2017 г. объем электронной торговли между Россией и КНР составил примерно 1,6 млрд долл.

Увеличение объемов российского экспорта сдерживается отсутствием базовых знаний у российских компаний для вывода товаров на международную арену. Экспортерам же требуется содействие в поиске зарубежных партнеров, сертификации продукции, защите интеллектуальной собственности.

Однако достижение цели в 200 млрд долл. товарооборота России и Китая к 2020 г. возможно при условии экономического роста в обеих странах и снятия торговых ограничений для доступа большего числа российских компаний на китайский рынок и китайских компаний – на российский, считают эксперты. Стоит отметить, что количество инвестиционных проектов российских компаний в Китае выросло до 211 в 2017 г., китайские инвестиции в российскую экономику также увеличились.

В финансовой сфере одним из приоритетных направлений взаимодействия России и Китая выступает увеличение объемов расчетов в рублях и юанях. Важной мерой в этих целях в 2017 г. стало одобрение Народным банком Китая запуска международной межбанковской системы для валютных расчетов по принципу «платеж против платежа», причем рубль станет первой валютой, с которой будут проведены сделки в таком формате.

В «оборонке» – без прорывов, но стабильно. Важным остается и сотрудничество двух стран в военно-технической сфере, хотя в 2017–2018 гг. значительных сдвигов в виде заключения новых масштабных контрактов не было. Тем не менее по состоянию на начало 2018 г. на Китай приходилось примерно 14,4 % общего портфеля заказов российской оборонной промышленности, или 6,5 млрд долл. Кроме того, продолжалась работа над рядом важных соглашений в сфере совместного производства продукции военного и двойного назначения, в частности, исполнялись контракты на поставку в КНР зенитных ракетных комплексов С-400, истребителей Су-35 и других позиций, шли переговоры о совместной разработке тяжелого вертолета, а также продвигался проект создания широкофюзеляжного дальнемагистрального самолета [8].

Таким образом, несмотря на то, что Евразийский союз состоялся как целостная организация, отношения с Китаем каждая из стран-участниц развивала на двусторонней основе. В сопряжении с инициативой ОПОП де-факто закрепляются отдельные договоренности с КНР. Поэтому очень важно не потерять наработки в евразийском сотрудничестве в рамках ЕАЭС. В отношениях с Китаем необходимо выступать единой организацией, а не отдельно, чтобы добиться более выгодных условий. Соглашение между Евразийским экономическим союзом и КНР обеспечивает такие механизмы взаимодействия по различным направлениям государственного регулирования, которые позволяют максимально учитывать интересы ЕАЭС в целом и каждой страны в отдельности, а также интересы бизнеса, прозрачность и предсказуемость регулирования на национальном и наднациональном уровнях, в нем нашли отражение вопросы технического, санитарного и фитосанитарного регулирования, таможенного взаимодействия. Успех сопряжения зави-

сит прежде всего от реализации совместных проектов в сфере промышленности, локализации высокотехнологичных производств, развития исследовательских центров, технологических платформ, технопарков и инновационных кластеров с последующим запуском совместных проектов в этих сферах.

Библиографический список

1. Евразийский экономический союз. – СПб. : ЦИИ ЕАБР, 2017. – 296 с.
2. ЕАЭС и страны Евразийского континента: мониторинг и анализ прямых инвестиций. – 2017. – URL: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/eaes-i-strany-evraziyskogo-kontinenta-monitoring-i-analiz-pryamykh-investitsiy-2017>
3. **Чистякова, Е. А.** Интеграционные процессы в сфере государственных закупок стран ЕАЭС / Е. А. Чистякова // Перспективы, организационные формы и эффективность развития сотрудничества российских и зарубежных вузов : V Междунар. науч.-практ. конф. – М. : Научный консультант, 2017. – С. 453–560.
4. **Чистякова, Е. А.** Цифровизация в рамках ЕАЭС / Е. А. Чистякова // Современные аспекты международного бизнеса. – Саратов : Изд-во ССЭИ, 2018. – С. 29–32.
5. **Соколова, О. Ю.** Отраслевые приоритеты развития экспорта России / О. Ю. Соколова // Наука и общество. – 2016. – № 3 (26). – С. 16–20.
6. **Захарова, С. В.** Развитие инновационного потенциала стран БРИКС / С. В. Захарова, О. Ю. Соколова // Наука и общество. – 2015. – № 4 (23). – С. 20–26.
7. **Верещагина, В. Д.** Экономическое сотрудничество между Россией и Китаем: проблемы, тенденции, перспективы : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Л. В. Рожковой, Н. В. Рассказовой. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2018. – С. 201–207.
8. **Денисов, В. Т.** О производственной кооперации с Украиной в пассажирском и транспортном самолетостроении / В. Т. Денисов, Л. В. Панюшкина, Д. Д. Денисов // Вестник экономической науки Украины. – 2014. – Т. 1, № 1 (25). – С. 27–31.

References

1. *EvrAziyskiy ekonomicheskiy soyuz* [Eurasian Economic Union]. Saint-Petersburg: TsII EABR, 2017, 296 p.
2. *EAES i strany Evraziyskogo kontinenta: monitoring i analiz pryamykh investitsiy* [EEU and countries of Eurasia: monitoring and analysis of direct investments]. 2017. Available at: <https://eabr.org/analytics/integration-research/cii-reports/eaes-i-strany-evraziyskogo-kontinenta-monitoring-i-analiz-pryamykh-investitsiy-2017>
3. Chistyakova E. A. *Perspektivy, organizatsionnye formy i effektivnost' razvitiya sotrudnichestva rossiyskikh i zarubezhnykh vuzov: V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Prospects, organizational forms and efficiency of cooperation development between Russian and foreign universities: V International scientific and practical conference]. Moscow: Nauchnyy konsul'tant, 2017, pp. 453–560.
4. Chistyakova E. A. *Sovremennye aspekty mezhdunarodnogo biznesa* [Modern aspects of international business]. Saratov: Izd-vo SSEI, 2018, pp. 29–32.
5. Sokolova O. Yu. *Nauka i obshchestvo* [Science and society]. 2016, no. 3 (26), pp. 16–20.
6. Zakharova S. V., Sokolova O. Yu. *Nauka i obshchestvo* [Science and society]. 2015, no. 4 (23), pp. 20–26.
7. Vereshchagina V. D., Skvortsova V. A. *Ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya: problemy, tendentsii, perspektivy: materialy II Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Economy and international relations: problems, trends, prospects: proceedings of II All-Russian scientific and practical conference]. Penza: Izd-vo PGU, 2018, pp. 201–207.
8. Denisov V. T., Panyushkina L. V., Denisov D. D. *Vestnik ekonomicheskoy nauki Ukrainy* [Bulletin of economics of Ukraine]. 2014, vol. 1, no. 1 (25), pp. 27–31.

Чистякова Елена Александровна

кандидат экономических наук, доцент,
кафедра мировой экономики и управления
внешнеэкономической деятельностью,
Саратовский социально-экономический
институт (филиал) Российского
экономического университета имени
Г. В. Плеханова (Россия, г. Саратов,
ул. Радищева, 89)

E-mail: Kafedra_meuved@ssea.runnet.ru

Соколова Ольга Юрьевна

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой мировой
экономики и управления
внешнеэкономической деятельностью,
Саратовский социально-экономический
институт (филиал) Российского
экономического университета имени
Г. В. Плеханова (Россия, г. Саратов,
ул. Радищева, 89)

E-mail: oysokol03@rambler.ru

Захарова Светлана Владимировна

кандидат экономических наук, доцент,
кафедра мировой экономики и управления
внешнеэкономической деятельностью,
Саратовский социально-экономический
институт (филиал) Российского
экономического университета имени
Г. В. Плеханова (Россия, г. Саратов,
ул. Радищева, 89)

E-mail: Kafedra_meuved@ssea.runnet.ru

Скворцова Валентина Алексеевна

доктор экономических наук, профессор,
кафедра экономической теории
и международных отношений,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: va_skvortsova@mail.ru

Скворцов Алексей Олегович

кандидат экономических наук, доцент,
кафедра экономической теории
и международных отношений,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: va_skvortsova@mail.ru

Chistyakova Elena Aleksandrovna

Candidate of economic sciences, associate
professor, sub-department of world
economy and external economic activity
management, Saratov Socioeconomic
Institute (branch) of Plekhanov Russian
University of Economics (89 Radishcheva
street, Saratov, Russia)

Sokolova Ol'ga Yur'evna

Doctor of economic sciences, professor,
head of sub-department of world economy
and external economic activity
management, Saratov Socioeconomic
Institute (branch) of Plekhanov Russian
University of Economics (89 Radishcheva
street, Saratov, Russia)

Zakharova Svetlana Vladimirovna

Candidate of economic sciences, associate
professor, sub-department of world
economy and external economic activity
management, Saratov Socioeconomic
Institute (branch) of Plekhanov Russian
University of Economics (89 Radishcheva
street, Saratov, Russia)

Skvortsova Valentina Alekseevna

Doctor of economic sciences, professor,
sub-department of economics and
international relations, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

Skvortsov Aleksey Olegovich

Candidate of economic sciences, associate
professor, sub-department of economics
and international relations, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

УДК 339.924

ЕАЭС – Китай: новый этап сотрудничества / Е. А. Чистякова, О. Ю. Соколова, С. В. Захарова, В. А. Скворцова, А. О. Скворцов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2018. – № 4 (48). – С. 141–149. – DOI 10.21685/2072-3016-2018-4-15.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РОССИИ В XIX–XX ВВ.

Аннотация.

Актуальность и цели. Изменения в пенсионной системе современной России обуславливают необходимость изучения исторического опыта пенсионного обеспечения в условиях общественного развития государства. Это позволяет осмыслить социальную значимость финансирования пенсий в условиях модернизации действующей пенсионной системы. Цель работы – проанализировать и оценить особенности финансирования пенсий на рубеже XIX–XX вв.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования документов, извлеченных из фондов Государственного архива Забайкальского края. Методологический инструментарий включает исторический метод, применение которого позволяет представить зарождение и становление пенсионной системы в России, его социальную направленность и финансовые особенности на рубеже XIX–XX вв.

Результаты. Статья посвящена вопросам формирования и становления пенсионной системы России в середине XIX – начале XX столетия. Автор раскрывает исторические факты формирования пенсионной системы в России. На основе сведений о существующем в рассматриваемый период пенсионном законодательстве, размере, порядке назначения и выплат пенсий и доле пенсионных расходов в казне государства определяется социальная значимость пенсионных выплат в России. Особое внимание уделяется сведениям о результативности выплат из разных источников – казны государства, страховых товариществ и эмеритальных касс. Дается оценка финансовых особенностей пенсионного обеспечения, его социальной значимости в России.

Выводы. Проведенное исследование позволило выявить особенности пенсионной системы России к началу XX в., которая соответствовала политическим и демографическим условиям, действовала уже на протяжении 90 лет и к этому периоду времени имела распределительный характер с элементами корпоративного страхования. Опыт создания страховых товариществ и эмеритальных касс как формы корпоративного и общественного страхования необходимо учитывать в условиях проводимой пенсионной реформы в России.

Ключевые слова: пенсия, финансирование пенсионных систем, пенсионное обеспечение, источники выплаты пенсий, размеры пенсий, условия назначения пенсий, эмеритальные кассы, страховые товарищества, больничные кассы.

Е. V. Shamkina, N. S. Zemlyakova

ESTABLISHMENT FEATURES OF THE PENSION SYSTEM IN RUSSIA IN XIX–XX CENTURIES

Abstract.

Background. Changes in the modern Russian pension system are necessitating a study of the historical experience of pension provision in the conditions of the so-

cial state development. This makes it possible to comprehend the social significance of financing pensions in the context of the modernization of the existing pension system. The purpose of the work is to analyze and evaluate the features of financing pensions at the turn of the 19th and 20th centuries.

Materials and methods. The implementation of research tasks was achieved through the use of documents extracted from the funds of the State Archive of the Trans-Baikal Territory. Methodological tools include a historical method, the use of which allows us to represent the emergence and formation of the pension system in Russia, its social orientation and financial features at the turn of the 19th – 20th centuries.

Results. This article features formation of Russian pension system in the middle of 19th – early 20th centuries. The author reveals historical facts of creation process of pension system in Russia. Particular attention is drawn to the diversity of sources of financing system. In this article financial aspects and social value of pension payments are evaluated according to information of pension legislation system.

Conclusions. This study revealed the characteristics of the Russian pension system by the beginning of the 20th century, which corresponded to political and demographic conditions and was functioning for 90 years. By the beginning of the twentieth century. The Russian pension system had a distributional nature with elements of corporate insurance. The experience of creating insurance partnerships and capital insurance offices as a form of corporate and public insurance must be taken into account in the context of the ongoing pension reform in Russia.

Keywords: pension, financing of pension systems, pension provision, sources of pension payment, size of pensions, conditions for granting pensions, essential funds, insurance partnerships, sickness funds.

Введение

При формировании новой пенсионной политики важно учитывать исторический опыт относительно создания и финансирования пенсионных систем, особенности ее формирования в России. Для этой цели были изучены особенности финансирования пенсионного обеспечения в России в середине XIX – начале XX в.

Социальное развитие России в начале XIX столетия

Социальное развитие России в начале XIX столетия характеризовалось размыванием сословной системы. Усилия самодержавия были направлены на консервацию существующей структуры и создание возможных условий для экономической защищенности дворянства, которое продолжало составлять основу государственного аппарата и командного состава вооруженных сил (1 % населения). Существовало по крайней мере две причины ослабления позиций дворянства. Шел процесс увеличения числа мелкопоместного дворянства, представители которого владели менее чем 100 душами крепостных (мужчин) и составляли 70 % от всего господствующего сословия. Это было обусловлено отменой петровского указа о единонаследии. Дробление земельных владений вело к разорению и росту задолженности дворянских имений, появлению беспоместных дворян и, следовательно, усилению их экономической беспомощности. Администрация Николая I в это время осуществляла вынужденную политику ослабления крепостничества, которая также определенным образом подрывала социальное положение дворянства. Деятельность по вопросу о крепостных была обусловлена тревожной информацией, посту-

пившей к императору через Беккендорфа, согласно которой крепостное право было «пороховой бочкой под государством».

В условиях созревших предпосылок для социальных реформ их проведение тем не менее было затруднено, так как экономическое и политическое развитие России по «догоняющему типу», по сравнению с большинством европейских стран, тормозило развитие социальной сферы. К примеру, во Франции в это время уже функционировала вполне сложившаяся пенсионная система. Возникла она в 1681 г. при Ж.-Б. Кольбере, который ведал финансами и проводил активную социальную политику. Здесь вначале был установлен режим пенсионного обеспечения для моряков, а позже, в 1790 г., – для государственных чиновников.

Вполне сложившимися к этому времени можно считать и другие предпосылки. Финансовая политика была благоприятна для создания бюджетного централизованного пенсионного фонда, так как характеризовалась высокой ролью государства, отрицательным отношением к частным банкам. Основная часть поступающих доходов сосредотачивалась в казначействах, которые пополнялись главным образом за счет податей (подушных и оброчных), а также косвенных налогов (питейного, соляного, таможенного и др.) [1]. Из Государственного казначейства уже имели место ассигнования денежных сумм на выплату пенсий отставным служащим, однако они не носили ни надлежащей соразмерности, ни определенности. Без внимания государства также оставались вдовы и сироты гражданских и военных служащих. Важным моментом в становлении пенсионной системы явилось создание условий для поддержания отставных солдат и их вдов. В некоторой степени эта мера позволила государству повысить престиж военной службы и укрепить свои позиции во внешней политике.

Первым шагом к созданию бюджетного централизованного пенсионного фонда страны стал «Устав о пенсиях и единовременных пособиях государственным (военным и гражданским) служащим», утвержденный 6 декабря 1827 г. императором Николаем I. Указом императора Николая I Правительствующему Сенату Устав был приведен в действие с 1 января 1828 г. В Указе определялись положения об источниках выплаты пенсий, их размерах, пенсионном обеспечении вдов и сирот, сроках необходимой службы, порядке назначения и начисления пенсий.

Источники выплаты пенсий

Деятельность по финансированию пенсионного обеспечения была возложена, согласно Указу императора Николая I, на Государственное казначейство, в котором сосредотачивалась основная масса финансовых ресурсов страны. Последнее осуществляло свою деятельность на правах министерства и имело следующую структуру: казначейство делилось на департаменты, департаменты – на отделения, отделения – на столы. В функции казначейства входило: прием и хранение всех принадлежащих Государственному казначейству доходов, поступающих из различных мест, прием и хранение депозитов и специальных средств, производство расходов и высылка сумм из поступающих в казначейство доходов, счетоводство по всем поступающим доходам и расходам. Казначейство принимало и хранило также доходы, для особых предметов учрежденные, как то: сборы за земские повинности, пла-

тежи, следующие в общий продовольственный капитал, платежи по добровольному страхованию, взносы в пользу Кабинета Его Императорского Величества, приказов общественного призрения, Александровского комитета о раненых и других мест. Для этих целей окружным и уездным казначействам определялись «суммы на составление пенсионов», формировались они из отчислений с окладов жалованья чиновников по гражданской части: свыше 500 руб. в год – по 2 коп. с 1 руб., ниже 500 руб. – по 1 коп. Отчисления производились в тех же размерах и с пенсий отставных служащих. Источником поступления денежных сумм на производство пенсий служили также вычеты из половинной надбавки к жалованью, которая носила название «столовые деньги» и составляла 1 коп. с 1 руб. Естественно, что этих денег не хватало для обеспечения всех пенсионеров и вдов, по этой причине основная сумма выделялась ассигнованием из общих государственных доходов по смете.

Размеры пенсий

Согласно Уставу, размер пенсии определялся по окладам пенсий в соответствии с занимаемой должностью по службе, а не по размеру получаемого жалованья. Для этой цели составлялись «Росписания» окладов по должностям чиновников. Первое должностное «Росписание» было высочайше утверждено 2 января 1832 г. Оно определяло девять разрядов пенсий. Различие между максимальной и минимальной пенсиями было почти в 50 раз. К примеру, директор Государственного банка получал годовое содержание в размере 5 тыс. руб. При увольнении в отставку ему назначалась пенсия в размере 560 руб. 40 коп. Обычные рядовые чиновники получали пенсии от 85 до 168 руб. в год. В том случае, если годовое содержание служащего соответствовало 28 руб. в год или меньше того, ему назначалась пенсия в размере годового содержания. Департаментом общих дел Министерства внутренних дел препровождались в областные правления ежеквартально «Выписки о пенсиях и единовременных пособиях чиновникам, уволенным в отставку, и их семьям» [2].

Наибольший размер пенсии предназначался статскому советнику, наименьший – секретарям и писарям (табл. 1). Если учесть, что к первому разряду относились всего семь должностей, то можно предположить, что ее размеры были весьма скромны. Об этом можно судить, к примеру, по среднему уровню материальной обеспеченности офицера российской армии чином ниже капитана, который составлял около 490 руб. в год [3].

Таблица 1
Размер пенсии в соответствии с ее разрядом в 1853 г. [3]

Разряд	2	3	4	5	6	7	8	9
Сумма, руб.	857,70	571,80	343,05	285,90	214,50	171,60	128,61	85,80

Следующим шагом к созданию пенсионной системы стало «Положение о пенсионном обеспечении вдов и сирот». Впервые Уставом было предусмотрено социальное обеспечение вдов и сирот. Это положение подтверждается выписками из расходной ведомости Нерчинского окружного казначейства следующего содержания: «По выписке сего казначейства и согласно рос-

писанию Казенной палаты, отпущено в прием и под расписку купецкому сыну Белокопытову по доверенности, данной от вдовы штаб капитанши Сысоевой июля 6 числа 1826 года, следующего ей 1-го сего года половину сиротского жалованья – 21 рубль 3 и три четверти копейки, детям, двум дочерям, – по 14 рублей 2 и три четверти копеек. Итого сорок девять рублей восемь копеек с четвертью» [4]. Сумма пенсионного содержания вдов и детей классных чиновников устанавливалась исходя из пенсии, получаемой главой семейства в отставке, или из того, какая следовала бы ему в последние дни службы. Право на пенсию у вдовы было пожизненным, у сыновей – до 18 лет, а у дочерей – до 21 года. В определенных случаях выплата пенсии вдове прекращалась, как то: уход в монастырь или второе замужество. Сыновьям прекращалось содержание при поступлении на службу, дочерям – при замужестве или поступлении в общественное заведение на казенном содержании. Неизлечимо больным детям пенсия выплачивалась пожизненно. Жене, согласно Уставу, предназначалась половина годового содержания, вторая половина делилась между детьми равными долями. Вдовам нижних чинов выплачивалось единовременное пособие за погибшего мужа. Выплата пособия также сопровождалась записью в отчетных ведомостях, например: «Вдове-солдатке... за погибшего мужа пособие 36 рублей в год» [5].

В 1852 г. Устав был дополнен Указом «О пенсиях и единовременных пособиях вдовам нижних чинов». В нем предписывалось «предоставить право на пенсии вдовам тех нижних чинов, которые, имея право на производство в гражданский чин, добровольно откажутся от чина и после этого выслужат беспорочно 5 лет, или вообще службы их будет 20 лет. Пенсии определяются из всего содержания (штатного и добавочного)» [6]. Отчисления на составление пенсионных сумм из пенсий вдов, сирот и инвалидов не производились.

Назначение и выплата пенсий

Оформление начиналось с представления чиновником прошения по месту службы о назначении ему пенсии. «Каждое начальство» не позднее чем через месяц представляло пенсионные документы со своим мнением по поводу отставки и суммы пенсии чиновнику в министерство по принадлежности. Департаментом Государственного казначейства составлялось и высылалось расходное расписание на предыдущий год для каждой области (на основании смет и списков пенсионеров). Например, «Расписание о расходах по Забайкальской области на 1866 год» описывает предполагаемое производство пенсий по двум источникам:

1) Кабинету Его Императорского Величества (семи лицам на сумму 948 руб. 57 коп.);

2) Министерству финансов, ведомству Департамента Государственного казначейства:

а) «пенсии и постоянные пособия различным чинам, вдовам и сиротам по ведомству всех Министерств и Управлений за службу – 27 060 рублей 7 копеек»;

б) «на производство вновь назначенных, возобновленных и переведенных из других губерний пенсий за службу, а также на выдачу пенсионных окладов, ассигнованных кавалерам по орденам и знакам отличия св. Анны,

равно пособий детям солдат и матросов, не состоящих на службе, – 4500 рублей» [1].

Предполагаемые расходы составили 7 % от общей суммы расходов по области. Данные такого рода говорят о приоритетности пенсионного обеспечения в расходах государства.

Устав запрещал получать пенсию при поступлении вновь на службу, т.е. назначалось либо жалование, либо пенсия в зависимости от того, что было больше. Право на пенсию прекращалось, если чиновник по суду был приговорен к наказанию с занесением в послужной список и если он перешел на иноземную службу без согласия правительства.

Пенсии из окладов до 100 руб. в год выплачивались по третям года (один раз в четыре месяца) вперед; из окладов до 1 тыс. руб. – ежемесячно, начиная с 12-го числа месяца; из оклада выше 1 тыс. руб. – первого числа следующего месяца. На две недели раньше пенсию выплачивали перед праздниками Пасхи и Рождества.

Для назначения пенсии по Уставу 1828 г. было определено три срока службы: 20, 30 и 35 лет. При стаже от 20 до 30 лет назначалась 1/3 полной пенсии согласно «Росписанию»; при стаже до 35 лет – 2/3 полной пенсии; при стаже 35 лет – полная пенсия. Указом от 6 ноября 1952 г. «О правилах для назначения пенсий и пособий увольняемых от службы чиновникам и семьям их» определено: «Признавая ныне необходимым согласить как сроки назначения пенсий по Общему Уставу и по особым положениям, так и некоторые положения означенного Устава до сих положений, дабы этою мерою ввести по возможности единообразие в пенсионных законоположениях, соразмерить доходы казны на пенсии, удержать на службе полезных своею опытностью чиновников, кои служили усердно и беспорочно, мы повелеваем... отменить двадцатилетний срок для получения пенсий по Общему Уставу и вместо теперешних двадцати-, тридцати- и тридцатипятилетних сроков оставить только два: двадцатипяти- и тридцатипятилетние сроки, с тем, чтобы за 25 производилась половинная, а за 35 полная пенсия». Таким образом, возрастной предел выхода на пенсию не устанавливался, и пенсионером можно было стать уже к 51 году.

Дополнительные способы государственного пенсионного обеспечения

Определенное место в пенсионном обеспечении занимали специальные (эмеритальные) кассы, имеющие отраслевое направление и создаваемые при министерствах и ведомствах. Их создание исходило из признания за служащим «права на существование». Кассы были построены на принципе зависимости размеров пенсии от величины оклада и продолжительности службы. Среди них по Забайкальской области функционировали: эмеритальные кассы Министерства юстиции, инженеров путей сообщения, Министерства народного просвещения, военно-сухопутного ведомства. Обеспечение дополнительными суммами пенсий вышедших в отставку членов кассы осуществлялось независимо от того, какие пенсии им будут назначены по Уставу. Доходы касс формировались из взносов членов касс в размере 6 % от оклада содержания, отчислений со столовых денег, различных пособий, наград и прочих источников. В деле о представлении ведомостей о деньгах, принад-

лежащих Комитету раненых, за 1860 г. отражены поступления по следующим источникам:

- со столовых денег – 249 руб. 28 коп.;
- с пособий (1 %) – 380 руб. 56 коп.;
- за награды – 136 руб. 62 коп.;
- из прочих источников – 463 руб. 80 коп.

Итого: 1230 руб. 26 коп. [7].

По кассе военно-сухопутного ведомства за 1879 г. доходы составили 2060 руб. 30 коп. Доходы были сформированы:

- из отчислений от содержания военных чинов, являющихся членами кассы;
- удержания при выдаче пособия, столовых, пенсий, перечисленных из государственных доходов по предписанию Иркутской казенной палаты;
- войскового капитала, следующего в 6 %-ю надбавку на вознаграждение различных чинов войскового правления;
- удержания при выдаче добавочного жалованья [2].

Средства кассы составляли собственность всех ее участников и имели строго целевое назначение. Исходя из архивных данных, можно заключить, что основной проблемой существования подобных касс являлась их экономическая несамостоятельность и финансовая неустойчивость. Официально эмеритальные кассы в России существовали до 1918 г., но уже в 1905 г. выплаты из фондов практически не осуществлялись. Об этом свидетельствуют данные отчетности некоторых эмеритальных касс (Министерства юстиции, Министерства путей сообщения). Например, 18 марта в Управление эмеритальной кассы Министерства юстиции были отправлены сведения следующего содержания: «Казенная палата имеет честь уведомить, что по ведомству в течение 1905 года расходов на пенсии на счет эмеритальной кассы Министерства юстиции произведено не было» [3].

Приведем данные о количестве пенсионеров и сумме пенсий за 1905 г.

Таблица 2

Сведения о количестве пенсионеров и общей сумме выплачиваемой пенсии на примере Забайкальского края в 1905 г. [4]

Разряды	Первый (до 1000 руб. в год)	Второй (от 1001 до 2000 руб. в год)	Третий (от 2001 до 5000 руб. в год)	Итого
Число пенсионеров	640	20	2	662
Сумма, руб.	93 324,14	19 314,15	5096	114 434,29

Заключение

Сфера социальных гарантий в России получила свое развитие в эпоху Великих реформ 1860-х гг. При царе Александре II были изданы два закона, согласно которым вводились новые формы пенсионного обеспечения, помимо уже существовавшей казенной системы, касавшейся государственных служащих, граждан и военных. Служащим гражданских и военных ведомств

предлагалось создать эмеритальные кассы за счет вычетов из жалования самих участников при сохранении казенной пенсии за выслугу лет.

Второй пенсионный закон 1861 г. касался рабочих и служащих горнодобывающих предприятий. При них решено было создавать горнозаводские товарищества, одной из задач которых становилось «попечение о рабочих в болезни, старости и домашних несчастьях». Средства товариществ создавались частью из взносов заводоуправлений. Такие начинания служили в пользу поддержки частного предпринимательства в России и решали задачи по осуществлению благотворительности и социальной опеки.

Начало XX столетия было ознаменовано развитием социального законодательства. Страховые и пенсионные законы 1912 г. положили начало созданию новых пенсионных учреждений – больничных касс и страховых товариществ, обеспечивающих рабочих на случай инвалидности, потери кормильца, по старости. Фонды их существовали за счет взносов самих предпринимателей, ими же и управлялись и потому становились наиболее выгодной формой пенсионного обеспечения.

Пенсионная система была проста и рациональна, учитывала экономическое и социальное положение страны, разработана согласно сложившимся политическим и демографическим условиям и действовала на протяжении 90 лет. Тем не менее пенсионное обеспечение носило ограниченный характер, поскольку было ориентировано преимущественно на поддержание дворянского сословия и укрепление позиций самодержавия. Преимущественное большинство населения, состоящее из рабочих и крестьян, оставалось практически отчужденным от создаваемой системы пенсионного обеспечения и было лишено возможности пользоваться какими-либо социальными благами.

Таким образом, к началу XX в. пенсионная система России имела распределительный характер с элементами корпоративного страхования. Опыт создания страховых товариществ и эмеритальных касс как формы корпоративного и общественного страхования является весьма поучительным в условиях продолжающейся второе десятилетие пенсионной реформы в России. Эмеритальные кассы, создаваемые в виде отраслевых фондов, до сих пор существующих, например, во Франции, учитывали особенности доходов населения. Несмотря на ограниченный характер пенсионного обеспечения, принцип их создания и управления, может быть с успехом применен и получить дальнейшее развитие в России.

Библиографический список

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 207. Оп. 1. Д. 70.
2. ГАЗК. Ф. 207. Оп. 1. Д. 40.
3. ГАЗК. Ф. 207. Оп. 1. Д. 237.
4. ГАЗК. Ф. 56. Оп. 1. Д. 81. 3 л.
5. ГАЗК. Ф. 56. Оп. 1. Д. 78. 1 л.
6. ГАЗК. Ф. 207. Оп. 1. Д. 40. 10 л.
7. ГАЗК. Ф. 207. Оп. 1. Д. 70.

References

1. *Gosudarstvennyy arkhiv Zabaykal'skogo kraya (GAZK)* [State Archive of Zabaykalskiy Region (GAZK)]. F. 207. Op. 1. D. 70.
2. *GAZK*. F. 207. Op. 1. D. 40.

3. GAZK. F. 207. Op. 1. D. 237.
4. GAZK. F. 56. Op. 1. D. 81. 3 l.
5. GAZK. F. 56. Op. 1. D. 78. 1 l.
6. GAZK. F. 207. Op. 1. D. 40. 10 l.
7. GAZK. F. 207. Op. 1. D. 70.

Шамкина Елена Владимировна

кандидат экономических наук, доцент,
кафедра бухгалтерского учета, анализа
и аудита, Донской государственной
технической университет (Россия,
г. Ростов-на-Дону, площадь Гагарина, 1)

E-mail: Shamkina@inbox.ru

Shamkina Elena Vladimirovna

Candidate of economic sciences, associate
professor, sub-department of accounting,
analysis and audit, Don State Technical
University (1 Gagarina square,
Rostov-on-Don, Russia)

Землякова Наталья Сергеевна

кандидат экономических наук, доцент,
кафедра бухгалтерского учета, анализа
и аудита, Донской государственной
технической университет (Россия,
г. Ростов-на-Дону, площадь Гагарина, 1)

E-mail: natali10.03@yandex.ru

Zemlyakova Natal'ya Sergeevna

Candidate of economic sciences, associate
professor, sub-department of accounting,
analysis and audit, Don State Technical
University (1 Gagarina square,
Rostov-on-Don, Russia)

УДК 336.132.2

Шамкина, Е. В.

Особенности формирования и становления пенсионного обеспечения России в XIX–XX вв. / Е. В. Шамкина, Н. С. Землякова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2018. – № 4 (48). – С. 150–158. – DOI 10.21685/2072-3016-2018-4-16.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОПОРНЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ¹

Аннотация.

Актуальность и цели. На современном этапе в системе высшего образования России создаются предпосылки для интенсификации развития региональных экономических систем, вытекающие из формирования сети опорных региональных университетов. Трансформация университетов в опорные университеты регионов и центры их инновационного, технологического и социального развития требует разработки теоретической и методологической базы процессов развития регионов. В статье рассматриваются вопросы модернизации опорных университетов, отраженные в их программах развития.

Материалы и методы. Выдвинута гипотеза о том, что развитие опорных университетов будет адекватно соответствовать региональной повестке при обеспечении устойчивого развития как университета, так и региона в целом. Нацеленность опорных университетов на решение проблем устойчивого регионального развития обуславливает целесообразность изучения экспертно-аналитической и другой информации, способной стать основой для следующих форм аналитической деятельности. Методы исследования: системный анализ, факторный анализ, корреляционно-регрессионный анализ и др.

Результаты и выводы. В статье показано, что развитие опорных университетов становится возможным при более детальном исследовании составляющих социально-экономического потенциала регионов и разработке и реализации стратегических проектов опорных университетов, нацеленных на развитие природно-ресурсного потенциала регионов с учетом эффектов трансформации университетов в центры инновационного, технологического и социального развития регионов. В ходе исследования предложен подход к обоснованию содержания мероприятий по модернизации деятельности опорных университетов. Практический интерес представляет метод выявления групп регионов, на территории которых расположены опорные университеты, по рангу природно-ресурсного потенциала как составляющей рейтинга инвестиционной привлекательности регионов с учетом его корреляции с рангами инновационного, трудового и производственного потенциалов.

Ключевые слова: опорные университеты, трансформация, модернизация, программа развития, национальный проект.

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 18-010-00204.

© 2018 Суловицкая Г. В., Гамидуллаева Л. А. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

MODERNIZATION OF FLAGSHIP UNIVERSITIES OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF REGIONAL ECONOMIC SYSTEMS

Abstract.

Background. At the present time, in Russian system of higher education, prerequisites are being created for the intensification of the regional economic development arising from the formation of a network of flagship regional universities. The transformation of universities into flagship universities of the regions and the centers of their innovative, technological and social development requires the development of a theoretical and methodological basis for the processes of regional development. The article discusses the issues of modernization of flagship universities, reflected in their development programs.

Materials and methods. It has been hypothesized that the development of flagship universities will adequately meet the regional agenda while ensuring the sustainable development of both the university and the region as a whole. The focus of flagship universities on solving problems of sustainable regional development makes it expedient to study expert-analytical and other information that can become the basis for the following forms of analytical activity. Research methods: system analysis, factor analysis, correlation and regression analysis, and others.

Results and conclusions. The article shows that the development of flagship universities becomes possible with a more detailed study of the components of the socio-economic potential of the regions and implementation of strategic projects of flagship universities aimed at developing the regional natural resource potential, taking into account the effects of university transformation into innovation, technological and social development centers. The authors proposed an approach to substantiate the content of measures to modernize the activities of flagship universities. Of practical interest is the method of identifying groups of regions, according to the rank of the natural resource potential as a component of rating of the regions' investment attractiveness, taking into account its correlation with the ranks of innovative, labor and production potentials.

Keywords: flagship university, modernization, transformation, development program, national project.

Введение

Сегодня существует настоятельная необходимость отработки концепции управления ключевыми сферами социально-экономической жизни, которые формируют перспективы эффективного и устойчивого развития страны в будущем [1]. При этом проблематика устойчивого развития включает в себя обширный перечень вопросов, среди которых особое место занимают вопросы повышения эффективности инновационной деятельности субъектов экономической деятельности, поддержания конкурентоспособности функционирования региональной экономики при одновременном обеспечении ее устойчивого развития. В настоящее время устойчивое развитие регионов России может быть поддержано функционированием и развитием сети опорных университетов.

Трансформация университетов в опорные университеты регионов и центры их инновационного, технологического и социального развития требу-

ет разработки теоретической и методологической базы процессов развития регионов. Нацеленность опорных университетов на решение проблем устойчивого регионального развития обуславливает целесообразность изучения экспертно-аналитической и другой информации, способной стать основой для следующих форм аналитической деятельности:

- анализ показателей, отражающих уровень социально-экономического развития регионов;
- анализ составляющих рейтингов инвестиционной привлекательности регионов, в первую очередь природно-ресурсного потенциала;
- корреляционный анализ для выявления групп опорных университетов, в ходе модернизации которых возможно развитие природно-ресурсного потенциала регионов, на чьих территориях они находятся;
- анализ содержания программ развития и стратегических проектов опорных университетов.

Основные результаты

Теория устойчивого развития предполагает обязательный учет взаимодополняемых интересов развития экономической, социальной и экологической подсистем региональной системы – каждой в отдельности и всех вместе взятых [2]. В системе высшего образования России сложились предпосылки обеспечения устойчивого развития регионов за счет модернизации находящихся на их территории опорных университетов.

По результатам конкурсных отборов образовательных организаций высшего образования на финансовое обеспечение программ развития федеральных государственных образовательных организаций высшего образования за счет средств федерального бюджета 2015 и 2017 гг. сформированы две группы опорных университетов России: в 2015 г. (первая волна) отобрано 11 университетов (Волгоградский государственный технический университет, Воронежский государственный технический университет, Вятский государственный университет, Донской государственный технический университет, Костромской государственный университет, Омский государственный технический университет, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, Самарский государственный технический университет, Сибирский государственный аэрокосмический университет имени академика М. Ф. Решетнева, Уфимский государственный нефтяной технический университет, Тюменский индустриальный университет). В 2017 г. (вторая волна) отобрано 22 университета, разделенных на две группы, число университетов в которых составляет соответственно 8 (Новосибирский государственный технический университет, Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Сибирский государственный медицинский университет, Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова, Нижегородский государственный технический университет имени Р. Е. Алексеева, Тульский государственный университет, Череповецкий государственный университет, Мурманский арктический государственный университет) и 14 (Алтайский государственный университет, Белгородский государственный технологический университет имени В. Г. Шухова, Петрозаводский государственный университет, Ульяновский государственный университет, Кемеровский государственный университет, Тольяттинский государственный

университет, Марийский государственный университет, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова, Псковский государственный университет, Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Саратовский государственный технический университет имени Ю. Гагарина, Сочинский государственный университет). Таким образом, отобрано 33 университета, получивших статус опорных. Они расположены на территории 32 регионов (в Самарской области в первую волну опорным стал Самарский государственный технический университет, во вторую волну – Тольяттинский государственный университет).

В настоящее время доступен ряд релевантных рейтингов регионов, связанных с их социально-экономическим положением, социально-экономическим потенциалом, в структуру которого ряд исследователей включают и природно-ресурсный потенциал. Социально-экономический потенциал развития региональной системы является совокупностью внешних и внутренних факторов, определяющих возможности развития региона. Причем каждый из факторов рассматривается как один из потенциалов развития региональной системы.

Важнейшим фактором устойчивого развития регионов является соответствующее развитие их природно-ресурсного потенциала. Ключевыми обстоятельствами выступают: включение в перечень приоритетов планов развития многих регионов задач перехода к высокопродуктивному и экологически чистому агро- и аквахозяйству; разработка и внедрение систем рационального применения средств химической и биологической защиты сельскохозяйственных растений и животных; хранение и эффективная переработка сельхозпродукции; создание безопасных и качественных, в том числе функциональных, продуктов питания [3].

Необходимо отметить, что в соответствии с требованиями Министерства образования и науки РФ программы развития опорных университетов должны включать мероприятия по направлениям, не связанным напрямую с развитием природно-ресурсного потенциала [3]: модернизация образовательной деятельности; модернизация научно-исследовательской и инновационной деятельности, включающей развитие инновационной экосистемы университета; развитие кадрового потенциала; модернизация системы управления университетом; модернизация материально-технической базы и социально-культурной инфраструктуры; развитие местных сообществ, городской и региональной среды.

Природно-ресурсный потенциал характеризуется совокупностью природных богатств региона, которые могут быть вовлечены в хозяйственный оборот с учетом экономических возможностей и целесообразности развития науки и техники [4]. Уровень развития науки, техники и технологий в регионе в свою очередь также зависит от ряда факторов, важнейшим из которых является деятельность университетов, находящихся на его территории.

В «Модели и параметрах мониторинга университетских центров инновационного, технологического и социального развития регионов» (Приоритетный проект «Вузы как центры пространства создания инноваций») использованы два показателя для деления университетов на группы – средний

балл ЕГЭ студентов, поступивших в предыдущем календарном году на бюджетную форму обучения во все образовательные организации высшего образования региона (граница – 65 баллов) и валовый региональный продукт (ВРП) на душу населения за предыдущий календарный год по данным Росстата (граница – 280 тыс. руб.) [2]. На момент запуска проектов по модернизации опорных университетов в 2015 г. только в трех регионах, на территории которых находятся опорные университеты первой волны, ВРП на душу населения сложился ниже значения 280 тыс. руб. Это Кировская область (ВРП на душу населения в 2015 г. составил 216 918 руб.), Костромская область (245 940,9 руб.) и Орловская область (273 107,5 руб.). В 2016 г. Орловской области удалось преодолеть границу (282 494,1 руб.). В 2016 г. все регионы, на территории которых расположены опорные университеты первой группы второй волны, показали ВРП на душу населения выше 280 тыс. руб. Такой же результат продемонстрировали 8 из 14 регионов, на территории которых расположены опорные университеты, попавшие во вторую группу второй волны.

На рис. 1 приведены средние значения ВРП на душу населения в регионах, на территории которых расположены опорные университеты.

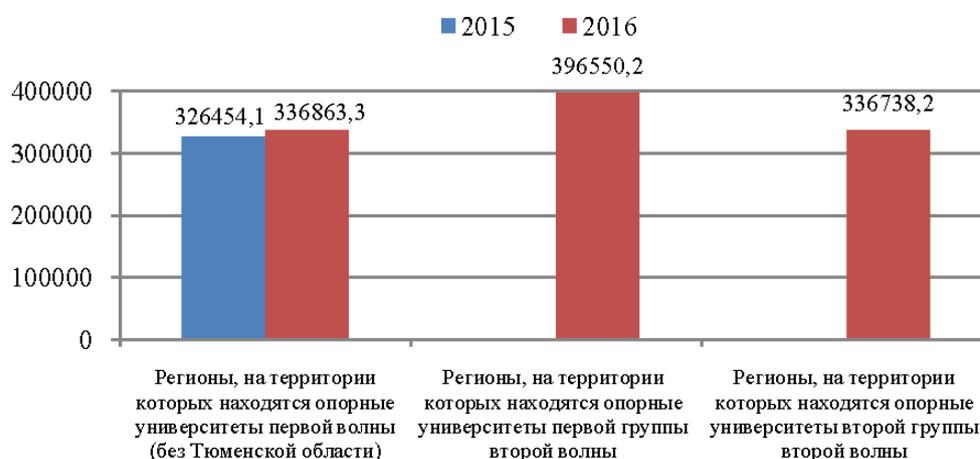

Рис. 1. Средние значения ВРП на душу населения в регионах, на территории которых расположены опорные университеты, руб.

Примечание. *По данным Росстата.

Как видно из рис. 1, рассматриваемые регионы по ВРП на душу населения демонстрируют хорошую конкурентоспособность.

При составлении рейтингов инвестиционной привлекательности регионов (формируется рейтинговым агентством «Эксперт РА») в качестве одной из составляющих инвестиционного потенциала регионов оценивается их природно-ресурсный потенциал [5, 6]. В то же время необходимо подчеркнуть, что деятельность университетов способствует максимальному раскрытию и использованию трудового, инновационного и производственного потенциалов регионов.

На рис. 2 показаны средние ранги названных составляющих инвестиционного потенциала регионов, на территории которых расположены опорные университеты, по состоянию на 2016 г.

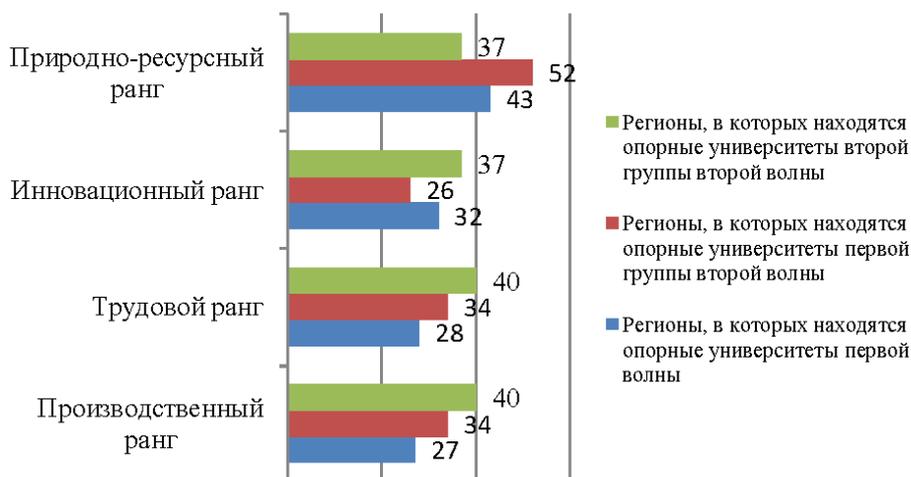

Рис. 2. Средний ранг регионов, на территории которых находятся опорные университеты (2016 г.)

Примечание. *По данным рейтингового агентства «Эксперт РА».

Как видно из рис. 2, по природно-ресурсному потенциалу наиболее конкурентоспособной является группа регионов, в которых находятся опорные университеты, входящие во вторую группу второй волны. Их средний природно-ресурсный ранг в 2016 г. равен 37 (в 2015 г. – 36).

Для определения направлений модернизации опорных университетов в контексте обеспечения максимального использования природно-ресурсного потенциала регионов проведен корреляционный анализ массивов рассматриваемых рангов.

По итогам 2016 г. для опорных университетов первой волны наблюдается заметная корреляция массивов природно-ресурсных и инновационных рангов регионов (коэффициент корреляции равен 0,72; массивов природно-ресурсных и трудовых рангов регионов – 0,76; массивов природно-ресурсных и производственных рангов – 0,76). По итогам 2015 г. корреляция чуть слабее (соответственно 0,71; 0,74; 0,74).

Для первой группы опорных университетов второй волны в 2015 и 2016 гг. корреляция названных массивов не наблюдается (все коэффициенты корреляции имеют отрицательные значения).

Для второй группы опорных университетов второй волны существует другая ситуация. По итогам 2016 г. для данной группы наблюдается определенная корреляция: массивов природно-ресурсных и инновационных рангов регионов (коэффициент корреляции равен 0,22); массивов природно-ресурсных и трудовых рангов регионов (0,47); массивов природно-ресурсных и производственных рангов (0,56). По итогам 2015 г. корреляция несколько сильнее (соответственно 0,31; 0,54; 0,65).

Таким образом, наиболее предпочтительно разработать и реализовать мероприятия и проекты по развитию природно-ресурсных потенциалов регионов в рамках модернизации опорных университетов первой волны и второй группы второй волны. Для этого необходимо принять во внимание детерминанты развития природно-ресурсного потенциала, под которыми будем

понимать доминирующие природные факторы, синергетическое действие которых определяет эколого-экономическую оценку природно-ресурсного потенциала и отдельных его компонентов (географическое положение, климат, рельеф, геологическое строение, геоморфологические процессы) [7].

Целесообразно проанализировать содержание стратегических проектов опорных университетов на предмет учета названных детерминант. В настоящее время опорные университеты реализуют в регионах 136 стратегических проектов, которые можно сгруппировать по следующим направлениям [8]: «Агропром», «Технологии (промышленность)», «Медицина», «Техпредпринимательство», «Таланты», «Соцпроекты», «Городское пространство», «Туризм». Важным и обязательным условием реализации стратегических проектов является модернизация по ряду направлений деятельности опорных университетов.

В единственном направлении, которое напрямую связано с развитием природно-ресурсного потенциала регионов, – «Агропром» – представлены проекты только ряда опорных университетов, входящих во вторую группу второй волны:

– стратегический проект Алтайского государственного университета «Создание и вывод на рынок конкурентоспособных отечественных биологических продуктов и технологий для агропромышленного комплекса Алтайского края на основе инновационной модели полного научно-технологического цикла». В числе задач проекта – расширение и модернизация опытно-производственной инфраструктуры инжинирингового центра «Промбиотех» университета для производства опытных партий инновационных продуктов для агропромышленного комплекса, а также разработка и реализация новых инновационных практико-ориентированных образовательных программ в области агробιοиндустрии на основе новейших достижений науки и накопленного потенциала университета в области микробных биотехнологий. Планируется, что реализация проекта обеспечит системные эффекты в развитии образовательного и научно-инновационного комплекса университета;

– стратегический проект Кемеровского государственного университета «Создание центра для внедрения беспилотных систем в операционную деятельность промышленных и агропромышленных предприятий Сибирского федерального округа». В качестве цели реализации проекта заявлено формирование центра компетенций. В числе задач проекта – формирование портфеля сервисов на базе беспилотных летальных технологий для сельского хозяйства, дорожного хозяйства, нефтегазовой и горнорудной промышленности, электроэнергетики и строительной отрасли на основе бенчмаркинга лучших мировых практик внедрения беспилотных технологий. Влияние проекта на развитие университета состоит в повышении внебюджетного финансирования прикладных исследований, уровня оплаты труда специалистов ответственных подразделений вуза, качества материально-технической базы университета;

– стратегический проект Марийского государственного университета «Университет как центр развития агропромышленного комплекса Республики Марий Эл». В качестве цели реализации проекта заявлено развитие системы подготовки кадров для агропромышленного комплекса Республики Марий Эл в соответствии с потребностями рынка труда и перспективной задачей обеспечения продовольственной безопасности страны;

– стратегический проект Петрозаводского государственного университета «Комплексные научно-технологические и импортозамещающие решения для развития сельского и рыбного хозяйства региона». Направлен на решение актуальной задачи региональной экономики по модернизации агропромышленного комплекса посредством разработки и реализации комплексных научно-инновационных решений, перспективных импортозамещающих разработок опорного университета, создания «новых точек роста»;

– стратегический проект Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова «Обеспечение продовольственной безопасности региона за счет разработки и научного обоснования конкурентоспособных технологий производства говядины и социально значимой продукции на основе современных биотехнологических и молекулярно-генетических методов». В качестве эффектов от реализации проекта заявлены увеличение количества научно-исследовательских работ и инновационных проектов, повышение квалификации специалистов и наукометрических показателей университета.

Констатируя значимость данных проектов для развития регионов, отметим, что в ходе проведенного анализа установлена некоторая ненпряженность их целей и задач и вытекающая из нее неочевидность именно модернизации детальности опорных университетов при реализации проектов.

В ходе исследования предложен подход к обоснованию содержания мероприятий по модернизации деятельности опорных университетов.

Практический интерес представляет метод выявления групп регионов, на территории которых расположены опорные университеты, по рангу природно-ресурсного потенциала как составляющей рейтинга инвестиционной привлекательности регионов с учетом его корреляции с рангами инновационного, трудового и производственного потенциалов. По мнению авторов, для определения эффективного состава мероприятий по модернизации опорных университетов целесообразно использовать выявленные группы регионов, на территории которых расположены опорные университеты первой волны и второй группы второй волны.

Анализ содержания стратегических проектов данных университетов показал, что они не в полной мере учитывают потенциал модернизации в контексте обеспечения устойчивого развития. Следовательно, необходима некоторая доработка состава мероприятий по модернизации деятельности опорных университетов по следующим направлениям:

- анализ системного потенциала трансформации опорных университетов в контексте устойчивого развития университетов;
- разработка методики оценки влияния процессов модернизации опорных университетов на развитие природно-ресурсного потенциала регионов;
- развитие теоретических и методологических основ разработки типового стратегического проекта, направленного развитие природно-ресурсного потенциала регионов.

Заключение

В рамках научного исследования изучены теоретические и практические аспекты модернизации деятельности опорных университетов в контексте развития природно-ресурсного потенциала регионов как фактора их ус-

тойчивого развития. Предпринята попытка выявления групп опорных университетов, модернизация которых будет способствовать развитию природно-ресурсного потенциала регионов и их дислокации.

Переход от разработки общих подходов к модернизации деятельности всех опорных университетов к дифференциации таких подходов в срезе отдельных групп опорных университетов демонстрирует хороший методологический потенциал в контексте обеспечения устойчивого развития регионов. В первую очередь теория должна быть апробирована во второй группе второй волны опорных университетов.

Реализация аналогичных проектов в других группах опорных университетов потребует больше времени и усилий.

Библиографический список

1. **Васин, С. М.** Методический подход к оценке организационного потенциала высших учебных заведений / С. М. Васин, Л. А. Гамидуллаева // Региональная экономика: теория и практика. – 2015. – № 13 (388). – С. 16–28.
2. **Бурлакова, О. В.** Природно-ресурсный потенциал и устойчивое развитие региональной системы / О. В. Бурлакова, Р. М. Прытков // Вестник ОГУ. – 2014. – № 14 (175). – С. 89–95.
3. Положение о порядке конкурсного отбора образовательных организаций высшего образования на финансовое обеспечение программ развития федеральных государственных образовательных организаций высшего образования за счет средств федерального бюджета. – URL: <http://xn--b1agajcc1abgakngoqbh6l.xn--p1ai/Polozhenie2017.pdf>
4. **Овешникова, Л.** Исследование социально-экономического потенциала региона / Л. Овешникова. – URL: <http://www.konspekt.biz/index.php?text=1541>
5. Ранги составляющих инвестиционного потенциала в 2016 г. – URL: https://gaexpert.ru/rankingtable/region_climat/2016/tab03
6. Ранги составляющих инвестиционного потенциала в 2015 г. – URL: https://gaexpert.ru/rankingtable/region_climat/2015/tab03
7. **Семенов, Е. А.** Детерминанты формирования природно-ресурсного потенциала Оренбургской области / Е. А. Семенов, Д. В. Григорьевский, Д. С. Мелешкин // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 11 (65), ч. 3. – С. 165–168.
8. Стратегические проекты опорных вузов. – URL: <http://flagshipuniversity.ntf.ru/sites/default/files/Приложение%2041.pdf>

References

1. Vasin S. M., Gamidullaeva L. A. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economy: theory and practice]. 2015, no. 13 (388), pp. 16–28.
2. Burlakova O. V., Prytkov R. M. *Vestnik OGU* [Bulletin of OSU]. 2014, no. 14 (175), pp. 89–95.
3. *Polozhenie o poryadke konkursnogo othora obrazovatel'nykh organizatsiy vysshego obrazovaniya na finansovoe obespechenie programm razvitiya federal'nykh gosudarstvennykh obrazovatel'nykh organizatsiy vysshego obrazovaniya za schet sredstv federal'nogo byudzheta* [Regulations of the competition among educational institutions of higher education for financing development programs of federal state educational organizations of higher education from the federal budget]. Available at: <http://xn--b1agajcc1abgakngoqbh6l.xn--p1ai/Polozhenie2017.pdf>
4. Oveshnikova L. *Issledovanie sotsial'no-ekonomicheskogo potentsiala regiona* [A research of regional socioeconomic potential]. Available at: <http://www.konspekt.biz/index.php?text=1541>

5. *Rangi sostavlyayushchikh investitsionnogo potentsiala v 2016 g.* [Ranks of investment potential components in 2016]. Available at: https://raexpert.ru/rankingtable/region_climat/2016/tab03
6. *Rangi sostavlyayushchikh investitsionnogo potentsiala v 2015 g.* [Ranks of investment potential components in 2015]. Available at: https://raexpert.ru/rankingtable/region_climat/2015/tab03
7. Semenov E. A., Grigor'evskiy D. V., Meleshkin D. S. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International research journal]. 2017, no. 11 (65), part 3, pp. 165–168.
8. *Strategicheskie proekty opornykh vuzov* [Strategic projects of flagship universities]. Available at: <http://flagshipuniversity.ntf.ru/sites/default/files/Prilozhenie%2041.pdf>

Суровицкая Галина Владимировна

доктор экономических наук, профессор, начальник отдела менеджмента качества, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40); профессор, кафедра прикладной и бизнес-информатики, Пензенский казачий институт технологий (филиал) Московского государственного университета технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первого казачьего университета) (Россия, г. Пенза, ул. Володарского, 6)

E-mail: gvs_kachestvo@inbox.ru

Surovitskaya Galina Vladimirovna

Doctor of economic sciences, professor, head of department of quality management, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia); professor, sub-department of applied and business informatics, Penza Cossack Institute of Technologies (branch) of K. G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University) (6 Volodarskogo street, Penza, Russia)

Гамидуллаева Лейла Айваровна

кандидат экономических наук, доцент, кафедра менеджмента и экономической безопасности, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40); доцент, кафедра прикладной и бизнес-информатики, Пензенский казачий институт технологий (филиал) Московского государственного университета технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первого казачьего университета) (Россия, г. Пенза, ул. Володарского, 6)

E-mail: gamidullaeva@gmail.com

Gamidullaeva Leyla Ayvarovna

Candidate of economic sciences, associate professor, sub-department of management and economic security, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia); associate professor, sub-department of applied and business informatics, Penza Cossack Institute of Technologies (branch) of K. G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University) (6 Volodarskogo street, Penza, Russia)

УДК 332.024

Суровицкая, Г. В.

Модернизация опорных университетов России в контексте обеспечения устойчивого развития региональных экономических систем / Г. В. Суровицкая, Л. А. Гамидуллаева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2018. – № 4 (48). – С. 159–168. – DOI 10.21685/2072-3016-2018-4-17.

С. П. Бурланков, В. М. Володин,
Н. В. Иванова, Е. А. Плеханова, Р. Р. Хайров

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ РЫНОЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ¹

Аннотация.

Актуальность и цели. Развитие рыночного потенциала (РП) сельскохозяйственных предприятий является важнейшей стратегической задачей. Укрепление продовольственной безопасности страны во многом зависит от функционирования сельскохозяйственных предприятий и уровня их рыночного потенциала. На современном этапе развития руководители и менеджеры разного уровня в рамках сельскохозяйственного предприятия должны учитывать меняющуюся рыночную ситуацию, а также оценивать собственные ресурсы и возможности, обладать объективной информацией о потенциале предприятия, потому что успешное развитие бизнеса – это результат рационального управления, который основан на использовании необходимой информации. В связи с функционированием народного хозяйства страны в экономике рыночного типа возникла необходимость исследования понятия рыночного потенциала предприятия (РПП) и его места в системе функционирования элементов рыночного потенциала сельскохозяйственного предприятия. Цель работы – выявить экономическую сущность и систему взаимодействия элементов РП сельскохозяйственного предприятия.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа данных публикаций в периодических печатных изданиях по представленной проблематике, законодательных и нормативных актов Российской Федерации и Республики Мордовия по развитию сельского хозяйства. Методологический потенциал включает общенаучные (системно-эволюционный и институциональный) и специфические методы исследования (монографический и т.д.).

Результаты. Выявлена экономическая (теоретическая) сущность рыночного потенциала сельскохозяйственного предприятия, который рассмотрен исходя из рынков сельхозпродукции, сырья и продовольственного рынка на микро-, мезо- и макроуровне, а также показана схема системы взаимодействия элементов РП сельскохозяйственного предприятия.

Выводы. При рассмотрении рыночного потенциала сельскохозяйственного предприятия на микро-, мезо- и макроуровне можно сделать вывод, что РП на микроуровне – это часть производственно-ресурсного потенциала, которая идет на внутреннее потребление; на мезоуровне – это часть производственно-ресурсного потенциала, которая идет на переработку, а только затем на реализацию перерабатывающим предприятием; на макроуровне – это часть произ-

¹ Работа проведена в рамках исследования, касающегося основной части государственного заказа (проект № 1.9544/2017/БЧ Министерства образования и науки Российской Федерации).

© 2018 Бурланков С. П., Володин В. М., Иванова Н. В., Плеханова Е. А., Хайров Р. Р. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

водственно-ресурсного потенциала, которая поступает сразу в инфраструктуру рыночного потенциала и, соответственно, потребителям, минуя переработку. Если исходить из взаимодействия элементов рыночного потенциала сельскохозяйственного предприятия, то можно четко рассмотреть две важнейшие составляющие: когда рыночный потенциал сельскохозяйственных предприятий является элементом агропроизводства, где основой выступает продукция, а также когда он связан как товар с рыночной составляющей.

Ключевые слова: рыночный потенциал, сельскохозяйственное предприятие, производство, уровни, рынок, фактор.

*S. P. Burlankov, V. M. Volodin,
N. V. Ivanova, E. A. Plekhanova, R. R. Khayrov*

THE ECONOMIC ESSENCE OF THE MARKET POTENTIAL OF AGRICULTURAL ENTERPRISES IN THE REGIONAL AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

Abstract.

Background. The development of the market potential of agricultural enterprises is the most important strategic task. The strengthening of the country's food security depends to a large extent on the functioning of agricultural enterprises and the level of their market potential. At the present stage of development, managers and managers of different levels within the agricultural enterprise should take into account both the changing market situation and assess their own resources and opportunities, have objective information about the potential of the enterprise, because the successful development of business is the result of rational management, which is based on the use of necessary information. The purpose of the work is to Reveal the economic essence and regularity of the functioning of the elements of the market potential of the agricultural enterprise

Materials and methods. Implementation of research tasks was achieved on the basis of the analysis of these publications in periodicals on this issue, legislative and regulatory acts of the Russian Federation and the Republic of Mordovia on the development of agriculture. Methodological potential includes General scientific (system-evolutionary and institutional) and specific research methods (monographic, etc.).

Results. The economic (theoretical) essence of the market potential of the agricultural enterprise, which is considered on the basis of the markets of agricultural products, raw materials and market at the micro, meso and macro levels, shows the scheme of interaction of elements of the market potential of the agricultural enterprise.

Conclusions. Considering the levels of market potential of an agricultural enterprise, it can be concluded that at the micro level, this is part of the production and resource potential that goes to domestic consumption, at the meso level, this is part of the production and resource potential that goes to processing, and only then to the implementation of the processing enterprise, at the macro level – this is the part of the production and resource potential that goes directly to the infrastructure of market potential and, accordingly, to consumers bypassing processing. Based on the interaction of elements of the market potential of the agricultural enterprise shown in the diagram (Fig. (1) two essential components can be clearly considered: when the market potential of agricultural enterprises is an element of agricultural production, where production is the basis, and when it is linked, as a commodity, to the market component.

Keywords: market potential, agricultural enterprise, production, levels, market, factor.

В «Современной энциклопедии» потенциал (от лат. *potentia* – сила) – это совокупность средств, запасов и источников, которые имеются в наличии и могут быть мобилизованы для решения какой-либо задачи, достижения определенной цели; возможности определенного лица, общества, государства в определенной области (например, экономический потенциал)¹.

Публикации, содержащие различные аспекты понятия «потенциал», в большом количестве вышли уже в конце 1970-х – начале 1980-х гг. При этом многие авторы отождествляют его с такими понятиями, как «ресурсный потенциал», «производственный потенциал», «экономический потенциал», «потенциал предприятия» [1, 2].

Рассмотрим взгляды ученых-экономистов на сущность данного понятия (табл. 1), в определении которого есть три подхода: ресурсный, результативный, возможностный [1, 3].

Таблица 1

Понятие рыночного потенциала

Автор	Трактовка
1	2
Г. С. Мерзликина, Л. С. Шаховская	РП является предметной составляющей промышленного потенциала и характеризует: потенциальный спрос на продукцию и долю рынка, занимаемую предприятием; потенциальный объем спроса на продукцию предприятия; предприятие и рынок труда; предприятие и рынок факторов производства [2]
А. С. Арзамов, П. Ф. Ахмадеев, В. Г. Белолипецкий, А. Д. Берлин и др.	РПП представляет собой максимально возможный объем реализации при данном уровне обеспеченности ресурсами и является мерой использования производственно-экономического потенциала [4]
В. Е. Ильмендеев, Е. Н. Анисимова	РП сельскохозяйственного предприятия представляет собой максимально возможный объем реализации произведенной предприятием продукции при данном уровне обеспеченности ресурсами с целью получения прибыли и удовлетворения постоянно меняющихся и возрастающих потребностей населения [1]
А. И. Роговой	РП – это возможности предприятия достичь установленной его менеджментом миссии при использовании наиболее эффективным образом имеющихся и привлекаемых ресурсов в условиях рыночной среды [5]
А. М. Немчин, А. А. Вороной	РП – это возможности предприятия, действующего в условиях рыночной среды, совершить работу по удовлетворению запросов потребителей при использовании наиболее эффективным образом имеющихся и привлекаемых ресурсов и функционировании в рамках поставленных его менеджментом целей и ограничений, устанавливаемых рынком [6]

¹ См.: dic.academic.ru

1	2
Н. А. Аткина, В. Л. Ханжина	РПП – это возможность управления ресурсами РП на определенных этапах его развития в целях эффективного взаимодействия с рынком [7]
Е. В. Попов	РПП – совокупность средств и возможностей предприятия в реализации рыночной деятельности. Сущность данной категории заключается в максимальной возможности использования предприятием всех передовых наработок в области маркетинга [8]
М. В. Зурин	РПП представляет собой совокупность средств и возможностей предприятия в реализации рыночной деятельности [9]
А. В. Рыбаков	РПП представляет собой часть экономического потенциала, использовать которую экономически целесообразно при применении частных критериев принятия инвестиционных решений в реальных рыночных условиях (фактические цены на оборудование, сырье, энергоносители, налоги и др.) [10]
А. Банчева	РП – целостная система, объединяющая все основные составляющие для осуществления эффективной деятельности на рынке; находит свое место в системе стратегического управления организацией [11]
В. В. Сыроижко, А. А. Сыроижко	РП – часть экономического потенциала организации, которая в большей мере обусловлена влиянием факторов внешней среды [12]

Следует отметить, что по объективно-историческим причинам в советской экономической литературе более широкое распространение получил первый подход, в рамках которого потенциал предприятия представляет собой совокупность ресурсов, связанных с функционированием предприятия и его развитием.

Результативная концепция потенциала сформировалась несколько позже. Ученые, разработавшие ее, рассматривают потенциал именно как результаты работы системы.

Рядом с результативной концепцией потенциала стоит возможностная концепция, которая рассматривает потенциал с точки зрения максимально возможного уровня хозяйственных результатов. Интересно отметить, что мнения ученых относительно структуры РП, а также взаимосвязи понятий «рыночный потенциал» и «потенциал» во многом не совпадают.

Так, Г. С. Мерзликина и Л. С. Шаховская к предметным составляющим промышленного потенциала предприятия относят РП, который характеризует: потенциальный спрос на продукцию и долю рынка, занимаемую предприятием; потенциальный объем спроса на продукцию предприятия; предприятие и рынок труда; предприятие и рынок факторов производства [2].

По мнению Р. В. Марушкова, материальной основой экономического потенциала являются финансовые ресурсы, отраженные в балансе предприятия, а величина экономического потенциала есть результат их совокупных усилий, выраженный потенциальной прибылью, остающейся в распоряжении

предприятия [13]. Автор не выделяет РПП как одну из составляющих экономического потенциала, а считает, что маркетинговая составляющая является инструментом реализации производственного потенциала, который позволяет ему трансформироваться в экономический потенциал [13].

И. В. Брячак, исследуя категорию «маркетинговый потенциал», отмечает, что она «наряду с экономическим, информационным, логистическим, управленческим и коммуникативным потенциалом является структурным элементом более высокого порядка потенциала предприятия» [14]. Исследователем отмечается тесная связь потенциала предприятия с характером целей и выбранной стратегией. Действительно, для достижения различных целей, реализации соответствующих стратегий предприятие должно обладать различными наборами соответствующих ресурсов и возможностей.

А. В. Рыбаков считает, что РП представляет собой часть экономического потенциала, использовать которую экономически целесообразно при применении частных критериев принятия инвестиционных решений в реальных рыночных условиях (фактические цены на оборудование, сырье, энергоносители, налоги и др.) [10].

С точки зрения Е. Н. Анисимовой, структура РП сельскохозяйственного предприятия может быть представлена как совокупность следующих составляющих: рыночно обоснованный объем производства продукции при данном уровне обеспеченности ресурсами; рыночная конъюнктура; стратегическое управление [1].

Профессор Е. В. Попов в своей монографии «Рыночный потенциал предприятия» предлагает рассматривать РП как совокупность средств и возможностей предприятия в реализации рыночной деятельности. Сущность данной категории, по его мнению, заключается в максимальной возможности использования предприятием всех передовых наработок в области маркетинга [8].

Нам близка точка зрения Н. А. Аткиной, Е. В. Попова и В. Л. Ханжиной, которые рассматривают РПП как возможность управления его ресурсами в целях эффективного взаимодействия с рынком, основными составляющими которого являются блоки: ресурсов, системы управления и стратегического планирования и маркетинга [7]. Однако их понятия требуют уточнения.

По нашему мнению, *рыночный потенциал сельскохозяйственного предприятия*, с одной стороны, можно характеризовать как комплексную систему, включающую составляющие ее элементы (ресурсный и производственный потенциал, систему организации и управления и др.), обеспечивающие оптимальное функционирование предприятия на рынке сельскохозяйственной продукции и увеличение его уровня (доли) на данном конкретном рынке с возможностью получения максимальной прибыли и удовлетворения постоянно меняющихся и возрастающих потребностей населения; с другой – как совокупную способность сельхозорганизации как системы сохранять в течение времени свою конкурентоспособность и устойчивость на рынках за счет постоянного прогнозирования и планирования своей деятельности, способствующих развитию потенциала компании при учете покупательной способности населения и его потребительских ожиданий.

Рыночный потенциал сельскохозяйственного предприятия, в общем, можно рассматривать, исходя из рынков сельхозпродукции, сырья и продрынка на микро-, мезо- и макроуровне (табл. 2).

Составляющие уровней рыночного потенциала

Уровни	Составляющие уровня
Микроуровень	Часть производственно-ресурсного потенциала, которая идет на внутреннее потребление
Мезоуровень	Часть производственно-ресурсного потенциала, которая идет на переработку (рынок сырья), а только затем на реализацию перерабатывающим предприятием (продрынок)
Макроуровень	Часть производственно-ресурсного потенциала, которая поступает сразу в инфраструктуру рынка и, соответственно, потребителям, минуя переработку (рынок сельхозпродукции)

На микроуровне – это часть производственно-ресурсного потенциала, которая идет на внутреннее потребление; на мезоуровне – это часть производственно-ресурсного потенциала, которая идет на переработку, а только затем на реализацию перерабатывающим предприятием; на макроуровне – это часть производственно-ресурсного потенциала, которая поступает сразу в инфраструктуру рыночного потенциала и, соответственно, потребителям, минуя переработку.

На рис. 1 представлена схема функционирования элементов рыночного потенциала сельскохозяйственного предприятия. Отметим, что сельскохозяйственная продукция является элементом взаимодействия ресурсного и производственного потенциалов.

Рис. 1. Схема системы взаимодействия элементов рыночного потенциала сельскохозяйственного предприятия

Затем продукция, которая идет на реализацию, превращается в товарную и в рамках сельскохозяйственного предприятия разделяется: на товар, реализующийся без переработки на рынке сельскохозяйственной продукции, а также товар, поступающий на рынок сельскохозяйственного сырья для

дальнейшей переработки его в продовольственный товар, который в свою очередь поступает на продовольственный рынок.

При анализе схемы системы взаимодействия элементов РП сельскохозяйственного предприятия можно четко рассмотреть две важнейшие составляющие: когда рыночный потенциал сельскохозяйственных предприятий является элементом агропроизводства, где основой выступает продукция, а также когда он связан как товар с рыночной составляющей.

Таким образом, при рассмотрении рыночного потенциала сельскохозяйственного предприятия на микро-, мезо- и макроуровне можно сделать вывод, что РП на микроуровне – это часть производственно-ресурсного потенциала, идущая на внутреннее потребление; на мезоуровне – это часть производственно-ресурсного потенциала, идущая на переработку, а только затем на реализацию перерабатывающим предприятием; на макроуровне – это часть производственно-ресурсного потенциала, поступающая сразу в инфраструктуру рыночного потенциала и, соответственно, потребителям, минуя переработку. Кроме того, исходя из взаимодействия элементов рыночного потенциала сельскохозяйственного предприятия, можно четко рассмотреть две важнейшие составляющие: когда рыночный потенциал сельскохозяйственных предприятий является элементом агропроизводства, где основой выступает продукция, а также когда он связан как товар с рыночной составляющей.

Библиографический список

1. **Анисимова, Е. Н.** Рыночный потенциал сельскохозяйственных предприятий региона и пути повышения эффективности его использования : автореф. дис. ... канд. экон. наук / Анисимова Е. Н. – Оренбург, 2008. – 19 с.
2. **Мерзликина, Г. С.** Оценка экономической состоятельности предприятия : монография / Г. С. Мерзликина, Л. С. Шаховская. – Волгоград : ВолГТУ, 1998. – 265 с.
3. Экономика сельского хозяйства : учеб. пособие / под ред. Н. А. Попова. – М. : Магистр : НИЦ ИНФРА-М, 2013. – 400 с.
4. Экономика фирмы / А. С. Арзамов, П. Ф. Ахмадеев, В. Г. Белолипецкий, А. Д. Берлин, Н. П. Иващенко. – М. : ИНФРА-М, 2007. – 526 с.
5. **Роговой, А. И.** Проектирование и оценка развития рыночного потенциала предприятия : монография / А. И. Роговой. – Самара : Изд-во Самарского научного центра РАН, 2002. – 186 с.
6. **Вороной, А. А.** Методы оценки рыночного потенциала предприятия средствами маркетинговой информационно-аналитической системы : автореф. дис. ... канд. экон. наук / Вороной А. А. – СПб., 2004. – 18 с.
7. **Аткина, Н. А.** Стратегическое планирование использования рыночного потенциала предприятия / Н. А. Аткина, В. Л. Ханжина, Е. В. Попов // Менеджмент в России и за рубежом. – 2011. – № 2. – С. 3–12.
8. **Попов, Е. В.** Рыночный потенциал предприятия / Е. В. Попов. – М. : Экономика, 2002. – 559 с.
9. **Зурин, М. В.** Сущность рыночного потенциала предприятия / М. В. Зурин // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. – 2013. – № 6. – С. 84–89.
10. **Рыбаков, А. В.** Теоретическая трактовка взаимосвязи технологического, экономического и рыночного потенциала промышленного предприятия / А. В. Рыбаков // Экономические науки. – 2011. – № 12 (85). – С. 323–327.

11. Банчева, А. Оценка рыночного потенциала организации / А. Банчева // Маркетинг. – 2007. – № 3 (94). – С. 90–98.
12. Сыроижко, В. В. Совершенствование технологии анализа деятельности организации на основе оценки ее экономического потенциала / В. В. Сыроижко, А. А. Сыроижко // Аудит и финансовый анализ. – 2011. – № 1. – С. 150–156.
13. Марушков, Р. В. Оценка использования экономического потенциала предприятия (на примере предприятий печатной отрасли) : автореф. дис. ... канд. экон. наук / Марушков Р. В. – М., 2000. – 18 с.
14. Брячак, И. В. Анализ и оценка маркетингового потенциала предпринимательских структур : дис. ... канд. экон. наук / Брячак И. В. – СПб., 1996. – 128 с.

References

1. Anisimova E. N. *Rynochnyy potentsial sel'skokhozyaystvennykh predpriyatiy regiona i puti povysheniya effektivnosti ego ispol'zovaniya: avtoref. dis. kand. ekon. nauk* [Market potential of regional agricultural enterprises and its efficiency improvement methods: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of economic sciences]. Orenburg, 2008, 19 p.
2. Merzlikina G. S., Shakhovskaya L. S. *Otsenka ekonomicheskoy sostoyatel'nosti predpriyatiya: monografiya* [Company's economic competency evaluation: monograph]. Volgograd: VolGTU, 1998, 265 p.
3. *Ekonomika sel'skogo khozyaystva: ucheb. posobie* [Agricultural economics: teaching aid]. Ed. by N. A. Popov. Moscow: Magistr: NITs INFRA-M, 2013, 400 p.
4. Arzyamov A. S., Akhmadeev P. F., Belolipetskiy V. G., Berlin A. D., Ivashchenko N. P. *Ekonomika firmy* [Company's economy]. Moscow: INFRA-M, 2007, 526 p.
5. Rogovoy A. I. *Proektirovanie i otsenka razvitiya rynochnogo potentsiala predpriyatiya: monografiya* [Modeling and evaluation of company's market potential: monograph]. Samara: Izd-vo Samarskogo nauchnogo tsentra RAN, 2002, 186 p.
6. Voronoy A. A. *Metody otsenki rynochnogo potentsiala predpriyatiya sredstvami marketingovoy informatsionno-analiticheskoy sistemy: avtoref. dis. kand. ekon. nauk* [Methods of company's market potential evaluation by means of an information analytical system: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of economic sciences]. Saint-Petersburg, 2004, 18 p.
7. Atkina N. A., Khanzhina V. L., Popov E. V. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom* [Management in Russia and abroad]. 2011, no. 2, pp. 3–12.
8. Popov E. V. *Rynochnyy potentsial predpriyatiya* [Company's market potential]. Moscow: Ekonomika, 2002, 559 p.
9. Zurin M. V. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta im. G. V. Plekhanova* [Bulletin of Plekhanov Russian University of Economics]. 2013, no. 6, pp. 84–89.
10. Rybakov A. V. *Ekonomicheskie nauki* [Economic sciences]. 2011, no. 12 (85), pp. 323–327.
11. Bancheva A. *Marketing*. 2007, no. 3 (94), pp. 90–98.
12. Syroizhko V. V., Syroizhko A. A. *Audit i finansovyy analiz* [Audit and financial analysis]. 2011, no. 1, pp. 150–156.
13. Marushkov R. V. *Otsenka ispol'zovaniya ekonomicheskogo potentsiala predpriyatiya (na primere predpriyatiy pechatnoy otrasli): avtoref. dis. kand. ekon. nauk* [Evaluation of company's economic potential implementation (by the example of publishing companies): author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of economic sciences]. Moscow, 2000, 18 p.
14. Bryachak I. V. *Analiz i otsenka marketingovogo potentsiala predprinimatel'skikh struktur: dis. kand. ekon. nauk* [Analysis and evaluation of marketing potential of business entities: dissertation to apply for the degree of the candidate of economic sciences]. Saint-Petersburg, 1996, 128 p.

Бурланков Степан Петрович

доктор экономических наук, профессор,
кафедра ресторанного бизнеса,
Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова (Россия,
г. Москва, Стремянный переулок, 36)

E-mail: spbur1@rambler.ru

Володин Виктор Михайлович

доктор экономических наук, профессор,
декан факультета экономики
и управления, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: 7volodin7@mail.ru

Иванова Наталья Васильевна

аспирант, Национальный
исследовательский Мордовский
государственный университет имени
Н. П. Огарёва (Россия, г. Саранск,
ул. Большевикская, 68)

E-mail: nataliva1990@mail.ru

Плеханова Елена Александровна

кандидат экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой экономики,
Саранский кооперативный институт
(филиал) Российского университета
кооперации (Россия, г. Саранск,
ул. Транспортная, 17)

E-mail: plehanova1975@rambler.ru

Хайров Роман Раисович

кандидат экономических наук, доцент,
кафедра экономики, Саранский
кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации
(Россия, г. Саранск, ул. Транспортная, 17)

E-mail: rrkhairov@gmail.com

Burlankov Stepan Petrovich

Doctor of economic sciences, professor,
sub-department of restaurant business,
Plekhanov Russian University of Economics
(36 Stremyanniy lane, Moscow, Russia)

Volodin Viktor Mikhaylovich

Doctor of economic sciences, professor,
dean of the Faculty of Economics and
Management, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Ivanova Natal'ya Vasil'evna

Postgraduate student, Ogarev Mordovia
State University (68 Bolshevistskaya street,
Saransk, Russia)

Plekhanova Elena Aleksandrovna

Candidate of economic sciences, associate
professor, head of sub-department
of economics, Saransk Cooperative
Institute (branch) of Russian University
of Cooperation (17 Transportnaya street,
Saransk, Russia)

Khayrov Roman Raisovich

Candidate of economic sciences, associate
professor, sub-department of economics,
Saransk Cooperative Institute (branch)
of Russian University of Cooperation
(17 Transportnaya street, Saransk, Russia)

УДК 338.43

Экономическая сущность рыночного потенциала сельскохозяйственного предприятия в региональном агропромышленном комплексе /
С. П. Бурланков, В. М. Володин, Н. В. Иванова, Е. А. Плеханова, Р. Р. Хайров // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2018. – № 4 (48). – С. 169–177. – DOI 10.21685/2072-3016-2018-4-18.

**ИНКЛЮЗИВНЫЙ ПОДХОД КАК ИНСТРУМЕНТ
СНИЖЕНИЯ УРОВНЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ
(НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ
ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)**

Аннотация.

Актуальность и цели. Цель исследования заключается в обосновании эффективности реализации инклюзивного подхода как инструмента снижения дифференциации уровня развития регионов.

Материалы и методы. Методология исследования основана на сопоставлении показателей, входящих в состав индекса инклюзивного развития с параметрами, определяющими экономическую безопасность. На этой основе делается вывод о том, что реализация стратегии инклюзивного роста способствует не только снижению степени неоднородности территориального развития, но и обеспечению экономической безопасности.

Результаты. На основе обширного статистического материала проводится сопоставление регионов Южного федерального округа по показателям валового регионального продукта (ВРП) на душу населения, ожидаемой продолжительности жизни при рождении, уровню безработицы, коэффициенту демографической нагрузки, численности населения с доходами ниже прожиточного минимума, коэффициенту Джини, децильному коэффициенту и другим параметрам.

Выводы. Показан высокий уровень дифференциации развития территорий, находящихся в границах одного федерального округа. Обосновывается необходимость включения концепции инклюзивного роста в документы, определяющие перспективные направления развития на национальном и региональном уровнях.

Ключевые слова: инклюзивный рост, дифференциация социально-экономического развития регионов, человеческий капитал.

P. A. Krasnokutskiy, S. S. Zmiyak, N. V. Volodina

**THE INCLUSIVE APPROACH AS A TOOL TO REDUCE
THE DIFFERENTIATION LEVEL OF SOCIO-ECONOMIC
DEVELOPMENT OF REGIONS (BY THE EXAMPLE
OF THE REGIONS OF SOUTHERN FEDERAL DISTRICT)**

Abstract.

Background. The aim of the study is to justify the effectiveness of implementing the strategy of inclusive growth as a tool for reducing the differentiation of the level of development of regions.

Materials and methods. The methodology of the study is based on a comparison of indicators included in the index of inclusive development with parameters that determine economic security. On this basis, the conclusion is drawn that the implementation of the strategy of inclusive growth contributes not only to reducing the degree of heterogeneity of territorial development, but also to ensuring economic security.

Results. In the work on the basis of extensive statistical material, the regions of Southern Federal District are compared by GRP per capita, life expectancy at birth, unemployment rate, demographic load factor, population with incomes below the subsistence minimum, Gini coefficient, decile coefficient and other parameters.

Conclusions. Conclusions are drawn about the high level of differentiation in the development of territories within the borders of one federal district. The necessity of inclusion of the concept of inclusive growth with the documents defining perspective directions of development at the national and regional level is justified.

Keywords: inclusive growth, differentiation of social and economic development of regions, human capital.

Введение

Одной из существенных внутренних угроз экономической безопасности России на современном этапе является растущая степень дифференциации социально-экономического развития территории. Как отмечают многие исследователи, экономические реформы, проводящиеся на протяжении последних 25 лет, существенно увеличили степень неоднородности развития территорий, что приводит к ряду негативных последствий, в частности к необходимости перераспределения экономических ресурсов с целью выравнивания уровня развития [1]. При этом, как отмечает в своем исследовании О. А. Миронова, именно на региональном уровне сконцентрированы основные возможности для ликвидации последствий локальных угроз экономической безопасности [2].

Проблемам дифференциации социально-экономического развития регионов посвящены работы многих российских исследователей. Большой вклад в разработку данного вопроса внес известный российский ученый, академик А. Г. Гранберг. Кроме того, значительный вклад в разработку вопросов, связанных со снижением уровня дифференциации регионов как фактора обеспечения экономической безопасности, внесли авторы работ [1–3].

Несмотря на то, что концепция инклюзивного роста достаточно широко представлена в зарубежной научной литературе и активно применяется на практике (например, данная концепция была использована при подготовке стратегии «Европа 2020» [4]), в работах отечественных исследователей данная концепция и ее роль в снижении дифференциации регионального развития недостаточно проработаны.

Материалы и методы

К числу показателей, характеризующих экономическую безопасность как на национальном, так и на региональном уровне принято относить следующие [3]:

– ВВП на душу населения (на региональном уровне, соответственно, ВРП на душу населения);

- удельный вес населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума;
- ожидаемая продолжительность жизни;
- соотношение между средними уровнями денежных доходов 10 % населения с самыми высокими доходами и 10 % населения с самыми низкими доходами;
- уровень преступности;
- уровень безработицы.

Следует отметить, что в настоящее время в мире активно развивается концепция инклюзивного роста, основной целью которой является активное вовлечение в процессы не только производства, но и распределения материальных благ и услуг все более широких категорий населения и снижение уровня дифференциации социально-экономического развития территории. В 2017 г. в рамках Всемирного экономического форума в Давосе впервые были представлены результаты расчета индекса инклюзивного развития, представляющего собой интегральный показатель, рассчитываемый на основе 12 величин, объединенных в три группы [5]:

1. Рост и развитие.
 - 1.1. ВВП на душу населения.
 - 1.2. ВВП на одного работника.
 - 1.3. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни.
 - 1.4. Занятость населения.
2. Преемственность поколений и устойчивость развития.
 - 2.1. Скорректированные чистые сбережения.
 - 2.2. Парниковая интенсивность ВВП.
 - 2.3. Государственный долг.
 - 2.4. Коэффициент демографической нагрузки.
3. Инклюзивность.
 - 3.1. Уровень бедности.
 - 3.2. Медианный доход.
 - 3.3. Коэффициент расслоения общества по доходам.
 - 3.4. Коэффициент расслоения общества по распределению богатства.

Таким образом, концепция инклюзивного роста по своему содержанию отражает многие аспекты обеспечения экономической безопасности национальной экономики и снижения степени дифференциации регионального развития.

Результаты

Как было отмечено выше, концепция инклюзивного роста во многом совпадает с концепцией обеспечения экономической безопасности. В частности, совпадает целый ряд показателей, являющихся ключевыми как с точки зрения достижения инклюзивного развития, так и с точки зрения экономической безопасности. Именно в этой связи инклюзивное развитие в настоящее время становится базовой концепцией при формировании комплекса мероприятий социально-экономической политики.

На современном этапе во всем мире лидеры правительств столкнулись с рядом сложных и все более насущных вопросов [6]:

1. С учетом современных (неблагоприятных во многих странах) демографических тенденций и затяжного периода относительно низкого экономи-

ческого роста рождаемости будут ли макроэкономика и демография определять судьбу мировой экономики в обозримом будущем?

2. Может ли растущее неравенство в стране быть исправлено в рамках преобладающего либерального международного экономического порядка?

3. Является ли система перераспределения доходов единственным или основным решением, или имеется возможность разработать механизмы для расширения участия общества в новых формах создания экономической стоимости?

Нетрудно заметить, что все вышеперечисленные вопросы, стоящие в данный момент перед мировым экономическим сообществом, особенно актуальны для нашей страны и ее регионов.

В данной работе проблемы дифференциации уровня социально-экономического развития регионов рассматриваются сквозь призму обеспечения экономической безопасности и инклюзивного роста, являющихся, как было отмечено, сопряженными концепциями.

Обсуждение

В табл. 1 представлены данные о валовом региональном продукте на душу населения в регионах Южного федерального округа, рассчитанные за период 2014–2016 гг. В целях сопоставления и оценки уровня дифференциации территорий в таблице также указаны данные о значении показателя в регионе-лидере и регионе-аутсайдере (по состоянию на 27 апреля 2018 г.).

Таблица 1

Валовой региональный продукт на душу населения
в регионах Южного федерального округа в 2014–2016 гг., руб. [7]

Регион	2014	2015	2016
Республика Адыгея	168 880,1	187 211,1	201 918,1
Республика Калмыкия	165 949,9	185 798,9	201 406,9
Республика Крым	100 526,4	139 873,3	165 433,8
Краснодарский край	328 771,2	352 601,2	363 731,3
Астраханская область	290 822,2	315 996,9	332 447,4
Волгоградская область	279 101,4	290 186,0	292 565,7
Ростовская область	237 465,8	280 522,0	300 186,2
г. Севастополь	78 009,3	119 384,5	151 862,7
Регион-лидер	3 025 745,6	3 336 453,4	3 670 257,6
Регион-аутсайдер	113 224,9	106 955,7	106 756,6

Для расчета коэффициента дифференциации регионов по валовому региональному продукту на душу населения воспользуемся следующей формулой:

$$K_{\text{дифф.}} = \frac{X_{\text{max}}}{X_{\text{min}}},$$

где $K_{\text{дифф.}}$ – коэффициент дифференциации, показывающий, во сколько раз максимальное значение показателя больше, чем минимальное; X_{max} , X_{min} –

максимальное и минимальное значения признака в совокупности соответственно.

Расчеты, произведенные по формуле, показывают, что в целом по России в 2016 г. соотношение максимального и минимального значений ВРП на душу населения составило 34,38 раза. По регионам Южного федерального округа указанное соотношение составило 2,4 раза.

В табл. 2 представлены данные об ожидаемой продолжительности жизни при рождении в регионах Южного федерального округа, рассчитанные за период 2015–2016 гг.

Таблица 2

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении
в регионах Южного федерального округа в 2015–2016 гг., лет [8]

Регион	Все население					
	мужчины и женщины		мужчины		женщины	
	2015	2016	2015	2016	2015	2016
Республика Адыгея	72,22	72,59	66,88	67,66	77,51	77,35
Республика Калмыкия	72,15	73,35	67,01	67,78	77,31	78,94
Республика Крым	70,52	70,74	65,28	65,58	75,63	75,76
Краснодарский край	72,53	72,83	67,55	67,85	77,35	77,64
Астраханская область	71,36	72,20	66,10	66,90	76,58	77,43
Волгоградская область	71,98	72,49	66,68	67,26	77,13	77,53
Ростовская область	71,90	72,20	66,90	67,33	76,73	76,85
г. Севастополь	70,67	71,64	64,70	66,14	76,17	77,06

Как следует из данных, приведенных в табл. 2, ожидаемая продолжительность жизни при рождении в регионах Южного федерального округа в 2016 г. варьируется в диапазоне от 70,52 до 72,22 года. При этом особую озабоченность вызывает разница в ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин (в 2016 г. максимальное значение данного показателя для мужчин составляет 67,78, для женщин – 78,94, т.е. разница составляет более 11 лет).

В табл. 3 представлены данные, характеризующие уровень безработицы (отношение численности безработных к численности экономически активного населения) в регионах Южного федерального округа в 2014–2017 гг. (по состоянию на 27 апреля 2018 г.).

Расчет коэффициента дифференциации по данным, приведенным в табл. 3, показывает, что максимальное значение данного показателя в 2016 г. выше минимального в 1,83 раза. Кроме того, следует отметить, что на протяжении 2013–2017 гг. динамика данного показателя в регионах Южного федерального округа была достаточно нестабильна. В частности, в 2015 г. во всех без исключения регионах округа наблюдалось повышение уровня безработицы.

Таблица 3

Уровень безработицы в регионах Южного федерального округа
в 2014–2017 гг., % [7]

Регион	2014	2015	2016	2017
Республика Адыгея	8,6	8,8	9,0	8,8
Республика Калмыкия	10,9	10,7	10,6	10,0
Республика Крым	6,5	7,2	6,8	6,4
Краснодарский край	5,7	6,0	5,8	5,7
Астраханская область	7,5	7,5	7,6	7,5
Волгоградская область	6,6	7,2	6,8	6,0
Ростовская область	5,9	6,1	5,8	5,6
г. Севастополь	6,9	8,3	6,2	4,6

В табл. 4 представлены данные о демографической нагрузке в регионах Южного федерального округа в 2015–2016 гг. (на 1000 занятых).

Таблица 4

Показатели демографической нагрузки
в регионах Южного федерального округа в 2015–2016 гг. [8]

Регион	На 1000 человек трудоспособного возраста приходится лиц нетрудоспособных возрастов					
	всего		в том числе			
			моложе трудоспособного		старше трудоспособного	
	2015	2016	2015	2016	2015	2016
Республика Адыгея	779	802	335	347	444	455
Республика Калмыкия	725	757	375	385	350	372
Республика Крым	808	832	314	324	494	508
Краснодарский край	774	794	322	331	452	463
Астраханская область	756	782	348	360	408	422
Волгоградская область	766	786	298	305	468	481
Ростовская область	749	770	289	297	460	473
г. Севастополь	760	771	281	292	479	479

Как следует из данных, представленных в табл. 4, во всех регионах Южного федерального округа показатель, характеризующий демографическую нагрузку, имеет тенденцию к росту. При этом в 2016 г. максимальное значение данного показателя превышало минимальное в 1,01 раза.

На рис. 1 представлены данные о денежных доходах и потребительских расходах населения по федеральным округам Российской Федерации в 2017 г.

Как следует из анализа данных, приведенных на рис. 1, среди восьми федеральных округов в 2017 г. Южный федеральный округ находится на пятом месте по величине среднедушевых денежных доходов. При этом разрыв

с Центральным федеральным округом (занимающим лидирующее место по величине данного показателя) составляет более 13 тыс. руб. При этом в Южном федеральном округе самое низкое значение соотношения доходов и расходов (табл. 5).

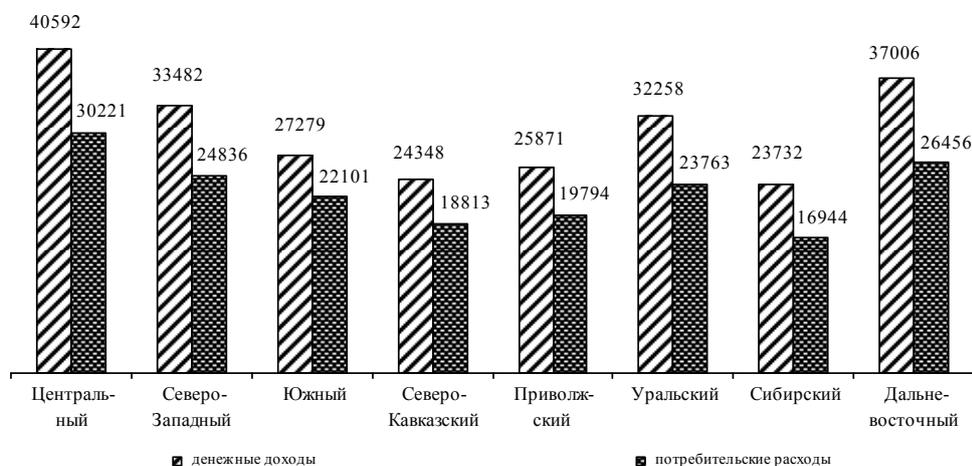

Рис. 1. Денежные доходы и потребительские расходы населения по федеральным округам Российской Федерации в 2017 г. (в среднем за месяц, в расчете на душу населения, руб.) [9]

Таблица 5
Соотношение денежных доходов и потребительских расходов населения в 2017 г. по федеральным округам, раз

Федеральный округ	Соотношение денежных доходов и потребительских расходов
Центральный	1,34
Северо-Западный	1,35
Южный	1,23
Северо-Кавказский	1,29
Приволжский	1,31
Уральский	1,36
Сибирский	1,40
Дальневосточный	1,40

Примечание. Составлено автором.

В табл. 6 представлены данные о численности населения регионов Южного федерального округа с денежными доходами ниже прожиточного минимума.

Расчет коэффициента дифференциации по данным, представленным в табл. 6, показывает, что в 2016 г. разница между регионами с наибольшим и наименьшим значением данного показателя составила 2,69 раза.

Таблица 6

Численность населения регионов Южного федерального округа с денежными доходами ниже прожиточного минимума в 2015–2016 гг., процент от общей численности населения региона [8]

Регион	2015	2016
Республика Адыгея	13,9	13,7
Республика Калмыкия	33,6	31,2
Республика Крым	23,1	22,2
Краснодарский край	11,7	11,6
Астраханская область	14,1	16,2
Волгоградская область	14,7	15,3
Ростовская область	14,0	14,0
г. Севастополь	15,1	13,7

В табл. 7 представлены данные о степени дифференциации по доходам населения регионов Южного федерального округа в 2015–2016 гг.

Таблица 7

Степень дифференциации по доходам населения регионов Южного федерального округа в 2015–2016 гг. [8]

Регион	Коэффициент Джини		Коэффициент фондов, раз		Децильный коэффициент, раз	
	2015	2016	2015	2016	2015	2016
Республика Адыгея	0,378	0,380	12,2	12,3	5,9	6,0
Республика Калмыкия	0,367	0,365	11,2	11,1	5,6	5,5
Республика Крым	0,308	0,326	7,5	8,5	4,1	4,5
Краснодарский край	0,414	0,415	15,8	15,9	7,2	7,2
Астраханская область	0,394	0,384	13,6	12,7	6,4	6,1
Волгоградская область	0,356	0,344	10,4	9,6	5,3	5,0
Ростовская область	0,392	0,392	13,4	13,5	6,4	6,4
г. Севастополь	0,304	0,361	7,3	10,8	4,1	5,4

Анализ данных, представленных в табл. 7, свидетельствует о том, что наибольшая степень неравенства по доходам в рассматриваемом периоде наблюдалась в Краснодарском крае.

Заключение

Подводя итоги анализа, проведенного в статье, можно сделать следующие выводы:

1. Современная концепция инклюзивного роста не только во многом определяет приоритетные основы развития, но и способствует повышению уровня экономической безопасности. В этой связи, в частности, в рамках Десятого саммита БРИКС, прошедшего в Йоханнесбурге 25–27 июля 2018 г., была обозначена необходимость реализации концепции инклюзивного роста.

2. Проведенный анализ на примере Южного федерального округа свидетельствует о том, что даже в границах близких территориально регионов существуют значительные различия в уровне социально-экономического развития по ключевым параметрам.

3. Концепция инклюзивного роста должна быть основой формирования стратегических документов, определяющих социально-экономическое развитие России и регионов на ближайшую перспективу.

Библиографический список

1. **Горбунова, С. И.** Дифференциация социально-экономического развития регионов РФ как одна из угроз национальной безопасности / С. И. Горбунова, Е. О. Князькина, А. З. Кремчеева, Е. Д. Кормишкин // Системное управление. – № 2 (3). – С. 13–21.
2. **Миронова, О. А.** Политика импортозамещения в контексте обеспечения национальной и экономической безопасности России / О. А. Миронова // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2018. – № 1 (61). – С. 110–119.
3. **Липатова, Л. Н.** Региональная дифференциация социально-экономического развития как угроза экономической безопасности / Л. Н. Липатова, В. Н. Градусова, Е. В. Модин // Управленческое консультирование. – 2016. – № 5 (89). – С. 102–111.
4. Europe 2020. A European strategy for smart, sustainable and inclusive growth. – URL: <http://ec.europa.eu/research/era/docs/en/ec-understanding-era-13.pdf>.
5. The Inclusive Growth and Development Report 2018. – URL: <https://www.weforum.org/reports/the-inclusive-development-index-2018>.
6. The Inclusive Growth and Development Report 2017. – URL: <https://www.weforum.org/reports/the-inclusive-growth-and-development-report-2017>.
7. Показатели для мониторинга оценки эффективности деятельности субъектов Российской Федерации. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/pok-monitor/pok-monitor.html.
8. Социальное положение и уровень жизни населения России в 2017 г. (информация по субъектам Российской Федерации). – М. : Росстат, 2017. – 332 с.
9. Социально-экономическое положение Южного федерального округа в 2017 году. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140086420641.

References

1. Gorbunova S. I., Knyaz'kina E. O., Kremcheeva A. Z., Kormishkin E. D. *Sistemnoe upravlenie* [System management]. No. 2 (3), pp. 13–21.
2. Mironova O. A. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKh)* [Bulletin of Rostov State Economic University]. 2018, no. 1 (61), pp. 110–119.
3. Lipatova L. N., Gradusova V. N., Modin E. V. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Managerial consulting]. 2016, no. 5 (89), pp. 102–111.
4. *Europe 2020. A European strategy for smart, sustainable and inclusive growth*. Available at: <http://ec.europa.eu/research/era/docs/en/ec-understanding-era-13.pdf>.
5. *The Inclusive Growth and Development Report 2018*. Available at: <https://www.weforum.org/reports/the-inclusive-development-index-2018>.
6. *The Inclusive Growth and Development Report 2017*. Available at: <https://www.weforum.org/reports/the-inclusive-growth-and-development-report-2017>.
7. *Pokazateli dlya monitoringa otsenki effektivnosti deyatel'nosti sub"ektov Rossiyskoy Federatsii* [Indicators for monitoring the performance efficiency of subjects of the Rus-

- sian Federation]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/pok-monitor/pok-monitor.html.
8. *Sotsial'noe polozhenie i uroven' zhizni naseleniya Rossii v 2017 g. (informatsiya po sub"ektam Rossiyskoy Federatsii)* [Social status and living standards of the population of Russia in 2017 (data by regions of the Russian Federation)]. Moscow: Rosstat, 2017, 332 p.
 9. *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Yuzhnogo federal'nogo okruga v 2017 godu* [Socioeconomic status of Souther Federal District in 2017]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_114_0086420641.

Краснокутский Павел Анатольевич

кандидат экономических наук, доцент, кафедра мировой экономики и международных экономических отношений, Донской государственный технический университет (Россия, г. Ростов-на-Дону, площадь Гагарина, 1)

E-mail: apologet@mail.ru

Krasnokutskiy Pavel Anatol'evich

Candidate of economic sciences, associate professor, sub-department of world economy and international economic relations, Don State Technical University (1 Gagarina square, Rostov-on-Don, Russia)

Змияк Сергей Сергеевич

доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой мировой экономики и международных экономических отношений, Донской государственный технический университет (Россия, г. Ростов-на-Дону, площадь Гагарина, 1)

E-mail: Sergey_zm@list.ru

Zmiyak Sergey Sergeevich

Doctor of economic sciences, associate professor, head of sub-department of world economy and international economic relations, Don State Technical University (1 Gagarina square, Rostov-on-Don, Russia)

Володина Надежда Викторовна

заместитель начальника отдела расследований, Контрольно-финансовое управление, Федеральная антимонопольная служба РФ (Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 11)

E-mail: nadinvvv@mail.ru

Volodina Nadezhda Viktorovna

Deputy head of department of investigations, Financial Monitoring Office, Federal Antimonopoly Service of Russia (11 Sadovaya-Kudrinskaya street, Moscow, Russia)

УДК 336.7

Краснокутский, П. А.

Инклюзивный подход как инструмент снижения уровня дифференциации социально-экономического развития регионов (на примере регионов Южного федерального округа) / П. А. Краснокутский, С. С. Змияк, Н. В. Володина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2018. – № 4 (48). – С. 178–187. – DOI 10.21685/2072-3016-2018-4-19.

Вниманию авторов!

Редакция журнала «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки» приглашает специалистов опубликовать на его страницах оригинальные статьи, содержащие новые научные результаты в области социологии, экономики, права, а также обзорные статьи по тематике журнала.

Статьи, ранее опубликованные, а также принятые к опубликованию в других журналах, редколлегией не рассматриваются.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, подготовленные с использованием текстового редактора Microsoft Word for Windows (тип файла – RTF, DOC).

Необходимо представить статью в электронном виде (VolgaVuz@mail.ru) и дополнительно на бумажном носителе в двух экземплярах. Оптимальный объем рукописи 10–14 страниц формата А4. Основной шрифт статьи – Times New Roman, 14 pt через полуторный интервал. Статья **обязательно** должна содержать индекс УДК, ключевые слова и развернутую аннотацию объемом от 100 до 250 слов, имеющую четкую структуру **на русском** (Актуальность и цели. Материалы и методы. Результаты. Выводы) **и английском языках** (Background. Materials and methods. Results. Conclusions).

Обращаем внимание авторов на то, что в соответствии с этическим кодексом журнала для обеспечения единообразия перевод фамилии, имени, отчества каждого автора на английский язык (в сведениях об авторах и списке литературы) осуществляется автоматически с использованием программы транслитерации в кодировке BGN (сайт translit.ru).

Рисунки и таблицы должны быть размещены в тексте статьи и представлены в виде отдельных файлов (растровые рисунки в формате TIFF, BMP с разрешением 300 dpi, векторные рисунки в формате Corel Draw с минимальной толщиной линии 0,75 pt). Рисунки должны сопровождаться подрисуночными подписями.

Формулы в тексте статьи **обязательно** должны быть набраны в редакторе формул Microsoft Word Equation (версия 3.0) или MathType. Символы греческого и русского алфавита должны быть набраны прямо, нежирно; латинского – курсивом, нежирно; обозначения векторов и матриц прямо, жирно; цифры – прямо, нежирно. Наименования химических элементов набираются прямо, нежирно. Эти же требования **необходимо** соблюдать и в рисунках. Допускается вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol).

В списке литературы **нумерация источников** должна соответствовать **очередности ссылок** на них в тексте ([1], [2], ...). Номер источника указывается в квадратных скобках. **Требования к оформлению списка литературы** на русские и иностранные источники: **для книг** – фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; **для журнальных статей, сборников трудов** – фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала или сборника, серия, год, том, номер, страницы; **для материалов конференций** – фамилия и инициалы автора, название статьи, название конференции, город, издательство, год, страницы.

К материалам статьи **должна** прилагаться следующая информация: фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание и должность, место и юридический адрес работы (на русском и английском языках), e-mail, контактные телефоны (желательно сотовые).

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Статьи, оформленные без соблюдения приведенных выше требований, к рассмотрению не принимаются.

Уважаемые читатели!

Для гарантированного и своевременного получения журнала «**Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки**» рекомендуем вам оформить подписку.

Журнал выходит 4 раза в год по тематике:

- **социология**
- **экономика**
- **право**

Стоимость одного номера журнала – 500 руб. 00 коп.

Для оформления подписки через редакцию необходимо заполнить и отправить заявку в редакцию журнала: тел./факс (841-2) 36-84-87; E-mail: VolgaVuz@mail.ru

Подписку можно оформить по объединенному каталогу «Пресса России», тематические разделы: «Законодательство и право», «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов», «Экономика. Статистика». Подписной индекс – 36949.

ЗАЯВКА

Прошу оформить подписку на журнал «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки» на 20__ г.

№ 1 – _____ шт., № 2 – _____ шт., № 3 – _____ шт., № 4 – _____ шт.

Наименование организации (полное) _____

ИНН _____ КПП _____

Почтовый индекс _____

Республика, край, область _____

Город (населенный пункт) _____

Улица _____ Дом _____

Корпус _____ Офис _____

ФИО ответственного _____

Должность _____

Тел. _____ Факс _____ E-mail _____

Руководитель предприятия _____

(подпись)

(ФИО)

Дата «____» _____ 20__ г.

